

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 4 (70) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4>

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

От редактора рубрики	5
Ерохина Е.А. «Назад, к метафизике»: материальность и новый онтологический поворот в антропологическом знании	6
Банников К.Л. Сувенир в этнографическом туризме: материальный мем памяти	11
Осипова М.В. Традиционный национальный костюм айнов как феномен этнической культуры и как музейный экспонат	19

БУРЯТЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: БИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

От редактора рубрики	28
Михалев М.С. Буряты-проводники географических экспедиций как историко-культурный феномен	29
Большаков В.Д. Казаки-буддисты Бурятии: особенности исторической памяти	39
Макаренко Д.С. Фигура Агвана Доржиева в исторической и современной Бурятии	47

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Исмакаева И.Д., Конюхова Т.А., Корниенко С.И., Сенина А.В. Земские и неземские медицинские работники Пермской губернии: состав, структура, социокультурные характеристики	59
Шаламов В.А., Шаламова С.А. Демографическая динамика в региональных центрах Восточной Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв.	70
Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.)	79
Бреславский А.С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке	90

PHILOSOPHIA PERENNIS

Котова Д.Д. «Ши цзин» и генезис древнекитайской философии: концепция М. Хантера	99
Эмеретли Х.С. О природе и значении страдания: размышления над сюжетами книги М. Брэди	107

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫХОДИТ
4 РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	академик РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 25.11.2024. Дата выхода в свет 25.12.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 14,08. Тираж 30 экз. Заказ 331.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology

and Mass Media

PI № FS 77 73382

of 17.08.2018

№ 4 (70) 2024

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4>

TABLE OF CONTENTS

MATERIALITY: A VIEW FROM ETHNOCULTURAL MEMORY

From the editor.....	5
Erokhina E.A. «Back to metaphysics»: materiality and the new ontological turn in anthropology.....	6
Bannikov K.L. Souvenir in ethnographic tourism: the material meme of memory.....	11
Osipova M.V. Traditional Ainu costume as a phenomenon of ethnic culture and a museum exhibit.....	19

BURYATS IN THE SERVICE OF THE FATHERLAND: BIOGRAPHIES AND HISTORICAL MEMORY

From the editor.....	28
Mikhalev M.S. Buryat guides of geographical expeditions as a historical and cultural phenomenon	29
Bolshakov V.D. Buddhist Cossacks of Buryatia: the features of historical memory.....	39
Makarenko D.S. The figure of Agvan Dorzhiev in historical and contemporary Buryatia.....	47

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Ismakaeva I.D., Konyukhova T.A., Kornienko S.I., Senina A.V. Zemstvo and non-zemstvo medical workers of Perm Governorate: composition, structure and socio-cultural characteristics	59
Shalamov V.A., Shalamova S.A. Demographic dynamics in the regional centers of Eastern Siberia in the late XIX th – first quarter of the XX th century	70
Gudkov I.A. Vladivostok Commercial Seaport during Great Patriotic War, 1943–1945.....	79
Breslavsky A.S. Urban-type settlements in the post-soviet transformation of urban settlement system in Transbaikalia and the Russian Far East.....	90

PHILOSOPHIA PERENNIS

Kotova D.D. <i>Shijing</i> and the genesis of Confucian philosophy: the concept of Michael Hunter	99
Emeretli Kh.S. On the nature and meaning of suffering: a reflection on Michael Brady's «Suffering and virtue»	107

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, full member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

ОТ РЕДАКТОРА РУБРИКИ

В сентябре 2024 года по инициативе заведующей отделом этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, доктора исторических наук Е.Ф. Фурсовой в Новосибирске прошла междисциплинарная научная конференция «Материальность: взгляд с позиций этнокультурной памяти».

Основная цель конференции состояла в организации площадки для представления результатов исследований и проведения дискуссий, отражающих современные подходы к изучению материальной культуры, сложившиеся в этнологии, антропологии, археологии, искусствоведении, философии, культурологии и других гуманитарных дисциплинах. Представленные на конференции доклады были посвящены как общим вопросам включенности человека в материальный мир, так и конкретным проявлениям материальности в жизни традиционного и современного общества. Эта проблематика была подвергнута анализу с точки зрения комплексного рассмотрения функционального, символического, стоимостно-менового, коммуникативного и демонстрационно-престижного аспектов включенности вещей в системы жизнеобеспечения, нормативного регулирования и индивидуализации.

Работа секций конференции наглядно отразила все многообразие современных подходов к изучению материальности. В ряде докладов были

подвергнуты концептуальному осмыслению трактовки материальности в контексте нового онтологического поворота в антропологическом знании.

Среди них особое внимание было уделено рассмотрению вещей в качестве акторов, определяющих специфику социальных отношений в широком диапазоне – от изучения предметов, имевших сакральное значение в архаических обществах, до современных сувениров, рассмотренных в качестве материальных мемов памяти. В ряде докладов была проанализирована роль этнокультурной памяти в актуализации и конструировании народной одежды и кухни. Большим преимуществом конференции стала обширная география ее участников, которая позволила на конкретных примерах выявить и сравнить региональные особенности традиций и инноваций, связанных с материальной культурой разных этнических общностей.

Предлагаем вашему вниманию подборку статей, которые были подготовлены на основе некоторых докладов, прозвучавших на конференции.

Р.Ю. Федоров,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
сектора этнологии и социальной антропологии
Института проблем освоения Севера
Тюменского научного центра
Сибирского отделения РАН

УДК 111+39

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/6-10>

Е.А. Ерохина*

«НАЗАД, К МЕТАФИЗИКЕ»: МАТЕРИАЛЬНОСТЬ И НОВЫЙ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В статье на примере рецепции Г. Харманом элементов теории ассамбляжей М. Деланда и акторно-сетевой теории Б. Латура рассмотрены особенности возвращения онтологической проблематики в пространство социально-гуманитарного знания, в т.ч. антропологии. Автор полагает, что концепт материальности имеет определяющее значение в онтологическом повороте антропологии и этнографии к философии.

Ключевые слова: онтологический поворот, антропология, спекулятивный реализм, акторно-сетевая теория, ассамбляж, объектно-ориентированная онтология

«Back to metaphysics»: materiality and the new ontological turn in anthropology.
ELENA A. EROKHINA (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

The article examines the features of the return of ontological issues to the space of social sciences and humanities, including anthropology, using the case of G. Harman's reception of the elements of M. Delanda's assemblage theory and B. Latour's actor-network theory. The author believes that the concept of materiality is crucial for the ontological turn of anthropology and ethnography to philosophy.

Keywords: ontological turn, anthropology, speculative realism, actor-network theory, assemblage, object-oriented ontology

Введение

Во введении к сборнику «Российская антропология и онтологический поворот» его редактор С.В. Соколовский характеризует новейшие тенденции в этнолого-антропологическом знании следующим образом: «Новые объектно-ориентированные концепции, утверждающие взгляд на социальность как взаимодействие людей и вещей в рамках объемлющих их сетей отношений и превращающие вещи в неотъемлемую часть социальности, как раз и пытаются, как представляется, вернуть нам вещи во всей их полноте и автономности»

[6, с. VII]. Это признание свидетельствует о том, что ориентация на деконструкцию метанарративов, заявленная как программа реформы этнолого-антропологического знания [7, с. 502], оказалась маргинальной. Об этом говорит и возвращение интереса к вопросам метафизики со стороны этнографов, этнологов и антропологов, цитирующих философов и социологов едва ли не более широко, чем коллег по цеху [3, с. 9]. Кроме того, значительное влияние на онтологический поворот оказал интерес к физическим свойствам вещей, от которых социо-

* ЕРОХИНА Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, leroh@mail.ru

© Ерохина Е.А., 2024

гуманитарное знание долгое время отворачивалось, отдавая их на откуп естественным наукам. Имело значение и преодоление дихотомии между символическим и прагматическим, обусловленной делением культуры на материальный и духовный компоненты, где первый выступал лишь субстратом.

Помимо этого, стоит отметить, что вопрос о степени субъективного («искажающего») воздействия ученого на объект исследования в постнеклассической науке был решен в форме отказа от классической модели рациональности во второй половине XX в. Теоретическим постулатом постнеклассической рациональности стало представление о человеческом сознании, мышлении и воображении как о конституирующих реальность окружающего мира феноменах. Особенно спорным таким видение считалось в отношении включенных в мир культуры вещей. Следствием такого подхода стало изменение дисциплинарных стратегий науки: смещение фокуса с предмета дисциплины с четкими границами на отсутствие границ, переключение интереса с объекта на метод его изучения, внимание к эпистемологии вместо онтологии.

Однако на рубеже 1990-х и 2000-х гг. появляется ряд теорий, прямо или косвенно обозначающих интерес к метафизике, в их числе – т.н. спекулятивный реализм Квентина Мэйясу, Грэма Хармана, Рея Брасье и Йена Гамильтона Гранта. Поводом для возникновения интереса к этому направлению метафизики со стороны этнографов стала их вовлеченность в дискуссию по поводу применимости методов акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура в этнологии. Именно в рамках акторно-сетевой теории была предложена новая модель объективации социальных отношений, объединяющих мир людей и мир вещей (заметим в скобках – и мир животных) в некую целостность, в пределах которой статусы субъекта и объекта, человека, животного и вещи уравниваются в правах. «Мир материальных объектов становится самодостаточным и нейтральным по отношению к человеку. Ему не требуется опора в мире социальных значений. Уже не человек придает смысл вещи, а вещь определяет ценность человека» [1, с. 16].

Преодоление радикального скептицизма потребовало выхода социологии за собственные пределы в попытке создать мета-социологию, где человеческое существо становится лишь одним из элементов коммуникативной системы. В модели Латура нечеловеческие акторы – животные и вещи – вступают во взаимодействие на равных с

людьми и человеческими коллективами, создавая то, что Латур называет сетями [4, с. 93]. Ключевой эпистемологический конфликт между физической природой вещей и тел с одной стороны и их символическим, социальным по природе содержанием с другой теряет смысл. Значение имеют лишь точки сборки, или узлы взаимодействия. Все, что существует, может оказаться актором, участвующим в процессе конструирования сети или ее разрушении [5, с. 167].

Однако важной проблемой этой методологии оставалась сиюминутность и ситуативность контекста взаимодействия, из которой вытекала скрытая идея о том, что вещи существуют только здесь и сейчас. Кроме того, предложенное Латуром решение подталкивало к выводу о том, что ничто не может существовать без наблюдателя, без человека, который приходит и собирает «не-что», которое начинает существовать. Еще одно уязвимое для критики место – это идея о том, что все объекты находятся на одном уровне: химикаты, армии, корпорации, идеи [9, с. 55].

Теория ассамбляжей М. Деланда

Альтернативную АСТ концепцию предложил американский философ континенталистского направления Мануэль Деланда. В ней общими с теорией Латура являются положения, согласно которым объект понимается как то, что: 1) подвержено изменениям; 2) поддерживает множество представлений о себе; 3) остается идентичным самому себе; 4) соприсутствие человека в качестве посредника во взаимодействии объектов не является обязательным. Наконец, объединяющим с АСТ моментом можно считать возвращение вещи в центр философии [8, с. 4].

Деланда не предлагает никаких доказательств реализма, считая, что бремя доказательства лежит на идеалистах (корреляционистах), которые сводят «греющее нас солнце и поражающую нас болезнью» к явлениям сознания. Для обоснования своего реализма Деланда вводит концепт ассамбляжа, выступая против различия между природным и социальным. Он показывает, что сложные объекты, в функционировании которых вовлечен человек, имеют схожую онтологию с природными объектами, которые функционируют независимо от человеческого участия. В принятии этого равенства природного и социального состоит одно из измерений «плоской» онтологии Деланда. В то же время он уточняет, что его реализм отличается от реализма, согласно которому мир окружающих

нас материальных объектов существует независимо от человеческого сознания. Реальность сложных объектов (как социальных, так и природных) состоит в их независимости от тех концептуальных рамок, посредством которых мы пытаемся их осознать. В качестве аргумента к этому тезису он приводит следующий довод. Хотя общество находится в некоторой «зависимости от ума» людей, его составляющих, социальные структуры все же обладают реальностью, которая не зависит от представления ума о них. В этом смысле структуры обладают принуждающей для индивида силой, независимо от того, понимает ли он характер их влияния или нет, признает или отвергает их существование, их влияние на него [2, с. 7–8].

Наиболее спорным элементом его теории остается идея экстериторности, предполагающей определенную автономию частей по отношению к целому таким образом, что компонент ассамбляжа (агрегат) может быть изъят из системы и перемещен в другой ассамбляж. Сам процесс такого перемещения не обязательно предполагает смены идентичности [8, с. 11]. Но всегда ли и в отношении всех ли элементов это возможно?

Чтобы понять природу соотношения части и целого в метафизике спекулятивного реализма, необходимо детальнее разобраться в онтологическом строении агрегата, или компонента, ассамбляжа. Сущности, объединяющиеся в ассамбляжи, представляют собой динамичные объекты, свойства которых могут изменяться в результате реализации ими их способностей к взаимодействию с другими динамичными объектами. Свойства целого (ассамбляжа), в состав которого входят эти динамичные сущности, действительно не сводятся к совокупности свойств его компонентов, однако они могут возникать в результате проявления их способностей к взаимодействию.

Объектно-ориентированная онтология

Г. Хармана

Грэм Харман, который осуществляет интеграцию ассамбляжа М. Деланда в свою объектно-ориентированную онтологию, в качестве примера реальных ассамбляжей приводит разносущностные феномены, обладающие общим свойством системности – Лондон или Каир, Опус Деи, паучья паутина, Мальтийский орден. Раскрывая отличие реального ассамбляжа от нереального, он обращает внимание на: 1) его способность задним числом влиять на собственные части, вводить свои элементы в новые ситуации и отношения (Опус

Деи способен на отравления, на которые в одиночку бы не решились его члены); 2) избыточность (ни один член Опус Деи не является незаменимым, однако структура ордена воспроизводится постоянно) [8, с. 10].

Деланда допускает бесконечное число уровней, бесконечный прогресс и регресс разномаштабных ассамбляжей. Органические и неорганические объекты движутся из ассамбляжа в ассамбляж, иногда ничуть не меняясь. Автомобильные детали легко переставляются с машины на машину, футболисты переходят из одного клуба в другой. Вещи вовлечены в обратные связи, а не сплавлены в единое целое. Ассамбляжи находятся в непрерывном процессе (само)переопределения: в них происходит перманентная работа по их гомогенизации или, наоборот, размыванию их идентичности. Оба процесса протекают одновременно, причем каждый компонент ассамбляжа, проявляя разные наборы своих способностей, может участвовать в этих разнонаправленных процессах [10].

Такая перспектива преодолевает «организмическое» понимание соотношения части и целого, в котором части или компоненты осмысливаются как органы, неспособные существовать вне целого. В рамках такой онтологической модели части связаны друг с другом отношениями интериорности, где целое напрямую зависит от составных элементов, а изменение внутри элементов или их комбинации повлечет изменение характеристик/поведения целого. Именно целое определяет идентичность своих частей, и мы не можем помыслить успешное функционирование организма, если из игры выбывает определенный орган или его заменяют другим.

В попытке преодолеть такой органицизм Деланда предлагает идею автономности частей (агрегатов) по отношению к целому, их способность к переопределению в пределах структуры и за ее пределами. В эту перспективу устремляются и спекулятивные реалисты. В ней все вещи приобретают статус объектов – как материальные, так и нематериальные. Объекты способны вступать во взаимодействие без посредника – как без помощи человека воображающего, наблюдающего, конституирующего реальность, так и без посредства субстанции, что бы под этим ни понималось.

В ряду концепций метафизического реализма наибольший интерес вызывает идея объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана, т.к. она успешно справляется с критикой двух устоявшихся философских направлений – классического

и постнеклассического. Постнеклассическая модель рациональности оказалась тесно связанной с корреляционизмом, утверждающим, что вещи не имеют значения, если они лежат за пределами корреляции бытия и мышления (вплоть до отрицания их существования). Тем самым, «радикальная философия» от И. Канта до М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна отрицает существование мира вещей самих по себе (без человека). Аргумент против нее, предложенный Харманом, заключается в том, что вещи могут существовать независимо от воспринимающего – даже если отсутствует тот, кто различает их как целостность.

Вместе с тем объектно-ориентированная онтология преодолевает субстанциализм классической рациональности, постулировавший идею о том, что многообразие мира вещей есть лишь некая «пена», верхний слой базовой реальности, который не обладает самостоятельным бытием: якобы за ним скрывается некое единство, будь то субстанция, космос или дух. Харман отрицает наличие субстанционального посредника, побуждающего объекты к взаимодействию, обнаруживая способность вещей вступать во взаимодействие друг с другом.

Заключение

Эта реабилитация вещного мира вводит нас в эпистемическую ситуацию, в которой вещь, кажется, впервые выступает не как часть материальной культуры, но как уникальный предмет сама по себе, во всем ее перцептивном своеобразии и эмоциональной наполненности, как субъективная или индивидуальная ценность. Общее, что объединяет спекулятивных реалистов, это признание «плоской» онтологии – идея, что все объекты являются равными. Но прежде всего это означает, что человеческие существа не являются принципиально онтологически отличными от всех не-людей. Г. Харман, К. Мейясу, Р. Брасье и И.Г. Грант выступают против философии, наделяющей человека привилегиями, против признания того, что у человека есть прямой доступ к вещам.

Более того, идея о том, что вещи организуют нашу жизнь, побуждают вступать в коммуникацию, предписывая включаться в ту или иную предметную ситуацию, вести себя определенным образом, в соответствии с контекстом проигрывать определенные социальные роли, усиливает аргумент в пользу предопределенности поведения людей. Материальная среда – костюмы, мебель, сооружения – создает перфор-

мативную среду, без которой символическое действие оказывается невозможным. Даже речевые акты оказываются бессмысленными вне соответствующего антуража.

Все это проблематизирует вопрос о месте человека в мире, который осмысливался как персонцентричный, даже если постнеклассическая эпистемология не была настроена столь решительно. Если человеческие существа онтологически не отличаются от не-человеческих, можем ли мы настаивать на уникальности нашей рациональности в эпистемологическом плане? Если предметная ситуация детерминирует поведение людей, остается ли место свободе человеческой воли?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюшина А.В. и др. Форум «Незамеченная революция» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 7–92.
2. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
3. Мартынов В.А. «Культуральные войны»: теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья первая) // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 4. С. 8–17.
4. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
5. Писарев А. Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 159–182.
6. Соколовский С.В. От редактора. Онтологический поворот // Российская антропология и онтологический поворот. М.: ИАЭ РАН, 2017. С. VI–VII.
7. Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // Сборник материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России. М.; Казань, 2019. С. 498–506.
8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возвращение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 1–34.
9. Харман Г., Пиньо Т. Интервью с Грэмом Харманом // Философия науки и техники. 2020. Т. 25. № 2. С. 51–62.
10. DeLanda, M., 2016. *Assemblage theory. Speculative realism*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

REFERENCES

1. Artyushina, A.V. et al., 2015. Forum «Nezamenchennaya revolyutsiya» [Forum «Unnoticed

revo-lution»], *Antropologicheskii forum*, no. 24, pp. 7–92. (in Russ.)

2. DeLanda, M., 2018. *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity]. Perm: Gile Press. (in Russ.)

3. Martynov, V.A., 2021. «Kul'tural'nye voiny»: teoreticheskie problemy istorii «povorota» v naukakh o kul'ture (stat'ya pervaya) [«Cultural wars»: theoretical issues of the history of the «turn» in cultural studies (article 1)], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 4, pp. 8–17. (in Russ.)

4. Latour, B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network theory]. Moskva: VShE. (in Russ.)

5. Pisarev, A., 2022. *Kartografiruya novuyu material'nost': navigatsionnye ustanovki i kartiny mira* [Mapping new materiality: navigational dispositions and worldview], *Logos*, Vol. 32, no. 6, pp. 159–182. (in Russ.)

6. Sokolovskii, S.V., 2017. *Ot redaktora. Ontologicheskii povorot* [From the editor. Ontological turn]. In: *Rossiiskaya antropologiya i ontologicheskii povorot*. Moskva: IAE RAN, 2017, pp. VI–VII. (in Russ.)

7. Tishkov, V.A., 2019. *Da izmenitsya molitva moya: 30 let spustya* [May my prayer change: 30 years later]. In: *Sbornik materialov XIII Kongressa ehtnologov i antropologov v Kazani*. Moskva; Kazan, 2019, pp. 498–506. (in Russ.)

8. Harman, G., 2017. *Seti i assamblyazhi: vozvrashchenie veshchei u Latura i Delanda* [Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and Delanda], *Logos*, Vol. 27, no. 3, pp. 1–34. (in Russ.)

9. Harman, G. and Pinho, T., 2020. *Interv'yu s Gremom Kharmanom* [Interview with Professor Graham Harman], *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 25, no. 2, pp. 51–62. (in Russ.)

10. DeLanda, M., 2016. *Assemblage theory. Speculative realism*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
рекомендована к печати 29.10.2024*

УДК 391

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/11-18>

К.Л. Банников*

СУВЕНИР В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ТУРИЗМЕ:
МАТЕРИАЛЬНЫЙ МЕМ ПАМЯТИ

Статья посвящена сувениру как семантическому феномену, его роли в синхронных и диахронных межличностных и кросс-культурных коммуникациях. Автор фокусирует внимание на выполняемых сувениром функциях ретрансляции и мобилизации индивидуальной памяти, а также рассматривает роль сувениров в системе знаков и символов в сфере этнографического туризма.

Ключевые слова: сувенир, мем, символ, туризм, нация, коммуникации, память

Souvenir in ethnographic tourism: the material meme of memory. KONSTANTIN L. BANNIKOV (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The article is devoted to the souvenir as a semantic phenomenon, its role in synchronous and diachronic interpersonal and cross-cultural communications. The author focuses on the functions of retransmitting and mobilizing individual memory performed by souvenirs, and examines their role in the system of signs and symbols in ethnographic tourism.

Keywords: souvenir, meme, symbol, tourism, nation, communication, memory

Феномен сувенира

Существительное «сувенир» пришло в русский язык из французского, где оно было глаголом, обозначающим действия, связанные с вызыванием воспоминаний. При этом само это понятие обойдено вниманием ведущих энциклопедий: статьи под заголовком «Сувенир» нет ни в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, ни в современной Большой российской энциклопедии, ни в Британской энциклопедии. При этом «Британника» данным понятием вполне оперирует, в частности, сообщая, что Петр Великий из своей поездки инкогнито по Европе «привез сувенир – чучело крокодила». Разумеется, чучело крокодила для Петра Алексеевича имело несколько иное значение, чем магнит на холодильник для современ-

ного туриста, и являлось не сувениром, а предметным воплощением интереса к природе заморских стран – такого рода вещи переполняли кабинеты естествоиспытателей начиная с эпохи Великих географических открытий.

Таким образом, как нечто само собой разумеющееся понятие «сувенир» оказалось вне поля зрения исследователей, и какой-либо особой теории сувениров не сложилось, чего не скажешь о развитой в культурной антропологии теме подарков и дарообмена (и здесь следует вспомнить исследования М. Мосса, К. Леви-Строса, Б. Малиновский, Н.В. Ссорина-Чайкова и др. [8, с. 1–10]). Однако существует замечательная книга Т.Ю. Быстровой и А.К. Хизматулина «Сувенир – это серьезно: социально-коммуникативный анализ сувенира» [2],

* БАННИКОВ Константин Леонардович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, bannikoff@gmail.com

© Банников К.Л., 2024

которая своим содержанием доказывает наличие проблемы, отраженной в ее названии, а тот факт, что издателем данной книги выступила рекламная студия, говорит о прикладной актуальности данной темы. Сувенир – это, действительно, более чем серьезно, а саму эту книгу можно на полном серьезе отнести к разряду социально-антропологических исследований.

У сувенира есть своя долгая и интересная история формирования его в качестве отдельной категории явлений. Связь предмета с событием, по-видимому, универсальна для всех эпох и культур, и качество этой связи отражает качества «времен и нравов». Мир памяти – через индивидуальные предметные знаки и значения – есть имплицитное свойство человеческого разума, и оно в том или ином качестве смысловых и знаковых проекций характеризует любую эпоху мировой культуры – от первобытности до современности. В архаическом магическом сознании эта связь иррациональна и симультанна: какой угодно предмет может быть связан с каким угодно событием. Анимизм наделяет предмет одними свойствами, тотемизм – другими, магические представления – третьими, религиозные – четвертыми, философские воззрения – пятыми, но все они говорили об им-материальной сущности вещи задолго до того, как современные физики увидели эти имматериальные сущности в свои микроскопы и телескопы, обнаружив в основе материи и энергии... пустоту. Во всяком случае, расстояния между элементарными частицами в пропорции аналогичны расстояниям между планетами, звездами и галактиками, не говоря уже о супервойдах.

Сувениру как феномену в ряду предметов, способных вызывать воспоминания, принадлежит особенная роль – возбуждать волны памяти и заполнять ими пустоты между реальностями. Вызывать воспоминания – не просто способность данных предметов, это их единственное целевое назначение и атрибутивный признак. Для того, чтобы возникли вещи, специально созданные для вызывания воспоминаний, должна уже возникнуть личность, испытывающая потребность в воспоминаниях. А чтобы у личности возникла потребность вспоминать отдельные события своей жизни при помощи специальных приспособлений, во-первых, жизнь этой самой личности должна стать разнообразной на события и, во-вторых, эти события должны наступать неплановым, нерегламентированным обычаем образом, чтобы в жизни

человека случались дни, события и явления, непохожие на другие. Соответственно, должна сформироваться культурно-историческая среда, в которой могла бы возникнуть такого рода социальность с присущей ей мобильностью, проводником которой станет личность, названная Стендалем в 1838 г. «туристом», поскольку слово «вояжер» уже не отражало сути явления туризма [7]. Туризм – это перемещение по миру из интереса к нему как таковому, не опосредованное какой бы то ни было необходимостью – религиозной, политической, экономической или эпидемиологической.

Для того, чтобы материальные символы событий стали сувенирами, необходим такой важный фактор, как развитое самосознание отдельной личности, а также социальная мобильность, секуляризация, обеспечивающая возможность определенной автономии человека и его сознания от стереотипов, а значит – дистанцию от своего в собственной культурной среде, знакомство с чужой культурной средой. То есть для того, чтобы между человеком и чем бы то ни было возникли семантические отношения, должно сложиться семиотическое пространство, для чего требуется некоторое отстранение, дистанцирование, объем. Личность, испытывающая интерес к пространству и времени своих и чужих культур и удовлетворяющая эту потребность посредством путешествий, исторически возникает в эпоху модерна и своим возникновением знаменует ее [6]. Макроисторические и социально-антропологические процессы, формирующие личность *Homo vagantes* – *Человека путешественного*, совпадают во времени с возникновением феномена нации и туризма как сопутствующего явления. Все три феномена – личности, туризма, нации – отмечены конкретными кульминационными событиями, даты которых могут символически считаться их днями рождения. 8 августа 1786 г. состоялось первое восхождение на Монблан, что может праздноваться не только как День альпинизма, но и как день рождения туризма как такового. 5 мая 1789 г., день открытия Национального собрания во Франции, может считаться днем рождения феномена гражданской нации. 26 августа 1789 г., день принятия Декларации прав человека и гражданина, – днем рождения антропологического феномена личности Нового времени.

Символично и то, что в числе первых сувениров оказываются миниатюрные изображения Бастилии, которые делались из ее битых камней и

продавались на память о событии. Это были *сувениры истории*, возникшие одновременно с *сувенирами географии*, функцию которых выполняли кристаллы горного хрусталя, которые на склонах Монблана добывали люди, ставшие первыми в истории горными гидами. Первые сувениры пользовались спросом у философов, поэтов, художников, путешествующих за вдохновением и смыслами. Так, на память о вдохновении географией Иоганн Вольфганг Гете увез из Шамони горные кристаллы, которые ему продал Жак Бальма – тот самый, что в паре с Габриэлем Паккардом открыл вершину Монблана миру. А вдохновившиеся своим участием в исторических событиях граф Павел Александрович Строганов и архитектор Андрей Никифорович Воронихин, помогавшие французам разрушать Бастилию, увезли с собой на память ее камни. Таким образом, сувенир изначально возник как средство социокультурной коммуникации в пространстве и во времени, особый феномен культуры модерна.

Фактор коммуникации

Так что же такое сувенир? В сувенирной лавке сувенир имеет стоимость, но феноменологически это вещь бесценная в прямом смысле этого слова. Сувенир не есть реальный продукт, обладающий объективной или рыночной стоимостью. Это в определенном смысле знак, активизирующий порядок воспоминаний. Его образ – как эйдос, внешняя форма, создаваемая мастером и одновременно являющаяся результатом выражения некоей идеи. Все, что обеспечивает активизацию памяти, всегда индивидуально и чувственно-эмоционально. И здесь на фоне символической имматериальной ценности исчезает материальная рыночная ценность вещи. С точки зрения экзистенциальной ценности, которой обладает предмет, вызывающий у человека воспоминания о жизни и представления о ее смысле, простой камень может иметь гораздо большую ценность, чем камень драгоценный.

Как аргументированно показывают Т.Ю. Быстрова и А.К. Хизматулин, сувенир – не подарок [2, с. 24]. Подарок является символическим эквивалентом социально-экономических отношений и предполагает обмен реальными или символическими ценностями, что требует установления семантических межличностных отношений между одаривающим и одариваемым как между означающим и означаемым. Сувенир не требует персонализации дарителя, его значение заключается не в

обозначении связей между людьми, но в собственных эмоциональных переживаниях личности, вызванных ее воспоминаниями [1, с. 146–174].

Сувенир – не талисман, не амулет и не оберег, поскольку это предмет, не обладающий магической силой или, во всяком случае, не наделяемый ею его обладателем. То есть сувенир связан с реальностью этого мира, а не с трансцендентальностью ононого. Для превращения предмета в сувенир требуется пространственно-временная связь. Сувенир – это всегда сжатый в точку предметной формы текст воспоминаний о событии, контекстом для которого выступает сама жизнь.

Таким образом, сувенир – это не просто вещь, но область сверхконцентрированных смыслов, представляющая собой текст, предполагающая контекст и являющаяся одновременно материальным фактом и нематериальным процессом воспоминаний. Сувенир есть овеществленный мем памяти.

Для превращения предмета в сувенир требуется ряд условий:

- феномен сувенира связан с процессами диахронной автокоммуникации – «напоминание самому себе о случившемся событии»;
- природа сувенира не исчерпывается только материальным субстратом или технологией. В ней не просто могут присутствовать смысловые и духовные компоненты – они здесь главные;
- сувенир имеет смысл только при наличии потребности в памяти о чем-либо. Вещь должна обладать способностью к активизации памяти;
- «человеческий историко-культурный потенциал» сувениров предполагает, что их проектированием нельзя заниматься поверхностно либо ставя во главу угла чисто коммерческие интересы;
- специалисту по изготовлению и распространению сувениров помимо знания технологий необходимо обладать историко-культурными, этнографическими и психологическими знаниями [2, с. 29].

Последний пункт, столь естественный для этнографа, бывает слишком сложным для менеджера, даже профессионально работающего в сфере международного туризма. Незнание культурных особенностей в процессе коммуникаций и кросс-культурных символических репрезентаций с неизбежностью приводит к курьезам. Приведу три примера.

Пример 1. *Все регионы, провинции, города, районы и кварталы городов в Италии исторически пребывают в состоянии культурной конку-*

ренции. Тема этой конкуренции многократно обыграна везде – от классической литературы до современной рекламы. Сами итальянцы называют эту гордость малой родиной термином «*campanilismo*» (от «*campanella*» – колокол), что означает видение мира со своей колокольни, которая, естественно, расположена в центре мироздания итальянца. В конкуренции итальянских районов на рынке туристической индустрии посредством символических репрезентаций среди материальных символов важную роль играют гастрономические атрибуты регионов. И вот, один представитель Министерства туризма одного из итальянских регионов собирается в Москву поздравлять коллег-туроператоров с Новым годом и выбирает гастрономические символы в качестве сувениров. Одним из важных символов того региона является сало особенного приготовления по традиционным местным рецептам. Но представитель, будучи антропологом по образованию и понимая, что, во-первых, салом в России никого не удивить, во-вторых, оно как продукт не относится к атрибутам праздника, в-третьих, воспринимается как гастрономический символ никак не Италии, а другой страны, приготовила в качестве подарков ярко выражено итальянские кексы, которые в глазах русских туроператоров выполняли бы все три означенные репрезентативные функции. Проблема заключалась лишь в том, что внутри самой Италии данные кексы были гастрономическим праздничным атрибутом соседнего региона. Ее начальник, министр туризма, узнав, что его регион собираются представлять в Москве через эти «омерзительные кексы», затеял грандиозный скандал. Конфликт был урегулирован в стиле итальянских кинокомедий – менеджер преподнесла министру на Рождество в подарок этот самый кекс. Все рассмеялись и обнялись. В итоге в результате эксперимента ни один кекс, министр, туроператор не пострадал. А вот приключения итальянского сала из примера № 2 были бы чреваты куда более серьезными последствиями (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2017 г.).

Пример 2. Другие менеджеры итальянского региона, также гордящегося своим салом и вином, отправились представлять свой край на туристическую выставку в Саудовскую Аравию. В отличие от первого представителя они не были антропологами, поэтому повезли арабам в качестве гастрономических сувениров и символов свое сало и вино. В результате ни один араб или менеджер

также не пострадал, хотя вполне мог бы, проявив принимающая сторона чуть меньше такта (ПМА. 2017 г.).

Пример 3. Спустя несколько недель после того, как в Сингапуре казнили через повешение молодого человека за попытку ввоза наркотиков, туда полетел туристический менеджер из Амстердама с кружками и майками с изображением листьев конопли. Перед вылетом он выражал понимание того, что такое поведение является чреватых последствиями эпатажем. Его дальнейшая судьба неизвестна (ПМА. 2009 г.).

С целью избегания кросс-культурных курьезов и преодоления их последствий в индустрии сувениров сложился такой эффективный инструмент, как самоирония. Юмор, участвующий в культурной саморепрезентации, является замечательным способом снять возникающее и предотвратить потенциальное напряжение. Таковы ножи для резки бумаги в виде самурайских мечей из Нара, майки и бейсболки из Зимбабве с изображением мегалитического памятника Great Zimbabwe и слоганом «*Make Zimbabwe great again*», пародирующим лозунг предвыборной кампании Дональда Трампа. Замечательным примером сувениров-автопародий можно считать желтые галстуки с синими фигурками лосей, совокупающихся в позах Камасутры, которые продаются в сувенирных лавках старого города Стокгольма. Этот сувенир является символом нескольких культурных репрезентаций и идентичностей шведов одновременно: патриотов своей страны, о чем говорят цвета государственного флага; нации свободных нравов, которые символизируют занимающиеся сексом лоси; людей, озабоченных не только сексом, но и экологией, поскольку лось – символ национальной экологии. И поскольку в такой шуточной манере выполнен именно галстук, т.е. атрибут предназначенного для официальных встреч костюма, этот сувенир также является пародией на официоз, родственной духу демократических северных монархий.

Сувенир в этнографическом туризме

Принято считать туризм производением и средством глобализации и глобальной унификации, и это мнение справедливо. Мир покрывают сети одинаковых отелей с одинаковым набором сервисов, и туристы в любых уголках планеты потребляют одинаковую пищу из одинаковых заведений фастфуда и располагают унифицированным ассортиментом напитков в барах. Глобально

унифицированными стали и элементы национальных в прошлом кухонь – «пицца», «роллы», «салат цезарь». Объемы туристических миграций год от года только нарастают, и несмотря на то, что зачастую это перемещения одного и того же тела между одинаковыми шезлонгами на одинаковых пляжах и между одинаковыми коктейлями в одинаковых барах, люди испытывают потребность в перемене мест и видят в своих перемещениях способ отдыха и развлечения. Здесь важно отметить, что отдыхом и развлечением является перемещение по миру, т.е. смена культурно-географического фона собственного существования. Таким образом, даже в самом упрощенном гедонистическом формате туризма «отель – пляж – ресторан» человек создает себе событие – расширение и прорыв из монотонной плоскости быта на уровень события. Это событие в сфере туризма дается туристу в ощущениях через соотнесение собственного Это с культурной географией мира. Таким образом, даже в самом примитивном способе туризма, семиотически упрощенном по направлению от полисемантики к моносемантике, в неснижаемом семантическом остатке сохраняется фактор пространства – пространства внешнего мира, создающего событие личной жизни. И это событие, наделяющее сознание чувством события, личности хочется сконденсировать в материальный знак и увезти с собой в свой быт. Поэтому даже самый примитивный сувенир, какой-нибудь сделанный в Китае магнит на холодильник, представляет собой «пиксель» из общей картины мира личности, единицу ее памяти. И этот мем и «пиксель», являясь носителем воспоминаний о другом пространстве и времени, воспроизводит эту инаковость в знаках иноземности, инокультурности, иноэтничности.

Чем больше мир глобализуется и унифицируется, тем выше потребность в этнокультурном разнообразии. В сфере туристической индустрии возникает запрос на этническую эстетику и товаром становится сама этничность. Фактор этничности, как и фактор пространства, попадая в область туризма, может быть реализован в максимально живом организме этноса, аутентично-культурного сообщества, принимающего гостей и позволяющего им «просто посмотреть», как живут представители данного сообщества, и уйти, оставив деньги в виде сопутствующих расходов, а может быть вынесен на туристический рынок как специально изготовленный товар. Во всех случаях этничность в туризме является то-

варом, спрос на который по мере развития глобализации только растет. Этничность в туристической индустрии может быть спрессована в сувенир, как смысл – в знак, а может быть интегрирована в саму жизнь туриста, пожелавшего пожить среди того или иного народа. Также она может быть подана в формате представления в специально организованном этнопарке или же в национальной кухне, одежде, аксессуарах, элементах декора интерьеров и т.д. Цены на этот товар распределены по шкале, как и на всякий другой товар – от низких за дешевую низкокачественную штамповку к высоким за подлинные шедевры. На рынке этносувениров цена за предметы повышается тем больше, чем ближе сувенир стоит к ряду настоящих предметов материальной культуры, и наоборот, чем ближе предмет стоит к числу «вотивных» суррогатов, специально созданных туристу «на память об этничности», тем ниже его стоимость. Туристический ширпотреб известен каждому, поэтому приведу здесь примеры дорогих сувениров, которые одновременно и являются уникальными произведениями искусства, и происходят из непрерывной этно-исторической традиции, воспроизводя их собой.

Пример 4. *Одним из самых старых во всем мире никогда не прерывавшихся этнокультурных событий является ярмарка Святого Орсо, которая 30–31 января 2025 г. соберется в свой 1025-й раз на улицах древнеримского города Аоста, что на северо-западном перекрестке границ Италии, Франции и Швейцарии. Город построен Октавианом Августом и назван в его честь в 25 г. до н.э. в землях кельтов-салассов и изначально назывался Август-Претория Салласорум. В Средние века отсюда начиналась история Савойского дома, здесь же она в XIX в. и закончилась. География этой высокогорной цизальпийской провинции Римской империи такова, что регион Валле д'Аоста состоит из десятка протяженных и глубоких долин и ущелий. Каждая долина имеет собственные уникальные природно-климатические условия, ресурсы и этнокультурные традиции, реализованные в т.ч. и в сфере специализированного ремесленного производства. Каждая долина славитя чем-то своим: одна – кузнечным искусством, другая – мебельным производством, третья – выделкой кожи, четвертая – тканями, пятая – шерстью и войлоками и т.д. Поэтому ярмарка Сант-Орсо в давние времена была пространством торговли и товарообмена, а в наши*

дни она стала прежде всего пространством и событием манифестации культурной самобытности самих жителей этих мест, их идентичности, и лишь затем – средством повышения туристической привлекательности региона. На эту ярмарку в город Аоста с его тридцатитысячным населением собирается до миллиона туристов. Они раскупают произведения местных мастеров на сувениры. Все сувениры представляют собой предметы домашнего обихода и производственной культуры местного населения, а также высокохудожественные работы мастеров, выполненные по мотивам местного фольклора, христианских и исторических сюжетов. Исторически многие сувениры восходят к Средневековью, а некоторые даже к детским игрушкам кельтско-римской эпохи. Местные жители туристам рады, туристы привозят деньги, но события свои они устраивают исключительно для самих себя. Итальянские ярмарки, карнавалы, паломничества, праздники состоятся вне зависимости от того, приедут ли к ним туристы или не приедут (ПМА. 2009–2023 гг.).

Сообщества, интегрированные в современные мировые процессы, но сохраняющие элементы своей традиционной культуры, рассматривают в числе факторов собственной этнической идентичности и интерес туристов к их образу жизни. Если этническая группа сохраняет свой традиционный образ жизни, насколько ей это удастся, но стремится вынести свою этничность на мировой туристический рынок, при этом не желая, чтобы туристы их беспокоили, ее представители создают для этого специальную туристическую инфраструктуру этничности. Так, например, поступило племя рунгусов Калимантана: построило специальную деревню для гостей, где в магазине сувениров можно купить украшения, амулеты, мечи и сарбаганы (ПМА. 2003 г.). Все эти сувениры функционально не отличаются от настоящих и в глазах гостей настоящими и являются, а вот для хозяев они имеют уже другой семантический статус, особенно амулеты – они уже не предметы утилитарно-прикладной функции, но конденсаторы и ретрансляторы этнических смыслов. То же самое можно сказать и о сырмаках, традиционных казахских коврах. Ковер, созданный на свадьбу своим детям, и ковер, продающийся в сувенирной лавке торгового центра в Кош-Агаче, – это семантически два разных ковра, хотя физически это может быть один и тот же ковер.

Инфраструктура конденсации и ретрансляции этно-мировоззренческих смыслов имеет важное значение в национальной мобилизации. Иногда «станциями ретрансляции» и «пунктами мобилизации» в современном мире становятся научные институты, выполняя для народов мира функции древних храмов. Больше тридцати лет прошло с того момента, как археологическая экспедиция ИАЭ СО РАН под руководством Н.В. Полосьмак обнаружила на Алтайском плоскогорье Укок мумию скифской женщины, но скифская идея, вытаявшая из подземных льдов, продолжает питать смыслами умы и влиять на идентичности алтайского народа и деятельность политиков. Вдохновляют древние скифы своим искусством и современных мастеров.

Пример 5. *Живет в Горно-Алтайске замечательная художница, мастер художественных войлочных ковров Айдана Сергеевна Тадыкина. После открытий археологов на плоскогорье Укок она настолько прониклась скифскими образами, что освоила их технику изготовления войлочных ковров и все последующие тридцать лет создает собственные шедевры на скифские мотивы, а также делает копии оригиналов. В числе ее работ – копия знаменитого пазырыкского ковра, оригинал которого можно увидеть в Государственном Эрмитаже. Айдана Сергеевна досконально изучила скифскую материальную культуру. Ее настольными книгами стали все знаменитые монографии археологов, авторов открытий – Н.В. Полосьмак [4], Л.Л. Барковой [5] и других исследователей. Со страниц этих научных книг она и многие другие мастера Алтая черпают и знания, и вдохновение для своего творчества, которое в свою очередь создает предметы семантического обогащения и ретрансляции современных этнических смыслов каналами туристических коммуникаций (ПМА. 2023 г.).*

Примерами, когда археология и этнография становятся источниками смыслов и образов для современного мира посредством туристической сувенирной индустрии, изобилуют сувенирные магазины многих музеев мира. Уменьшенные до размеров значка или брошки копии тагарских и скифских оленей, серебряные или позолоченные, можно купить в Эрмитаже, реплики античных и средневековых украшений – в Британском музее и Лувре, сувениры из мира викингов – на улицах старых городов Скандинавии. Отдельные ювелирные дома, такие как знаменитая финская «Kalevala

Когу», сделали этно-археологические артефакты основой своего производства.

Некоторые этнические сувениры, такие как ловушки сновидений, приобрели глобальную популярность и утратили свой изначальный сакрально-магический статус, другие, напротив, попадая из музейных каталогов на магазинные прилавки, этот «волшебный» статус восстанавливают, но уже в глазах целевых туристических аудиторий. Так, например, многие туристы привозят из Исландии разнообразные руны, отлитые в металле по типу амулета, с прилагающейся инструкцией – какому именно физическому, социальному или интеллектуальному состоянию человека данная руна соответствует. В регионах с исторически сложившейся репутацией мест, способных воздействовать на сознание на уровне «тонких энергий», – Алтай, Тибет, Гималаи – сувенирам, наделяемым «особыми свойствами», нет числа. И эти предметы, по мере обретения «магической» репутации, перестают быть просто сувенирами. Этот процесс сакрализации предметов-мемов памяти перезапускается прежде всего в сообществах тех людей, для которых туризм становится образом жизни, а этнокультурные смыслы – способом мысли и семантическим перекрестком идентичностей.

Пример 6. *В поселке Шерегеш, внизу у горнолыжных трасс одноименного Сибирского курорта, бабушка из местного коренного народа шорцев торгует сувенирами, отражающими сибирскую символику. Это было во время Второй чеченской войны, и бабушка обращалась к покупателям медвежьих когтей на кожаных шнурках буквально с такой речью: «Вы нас не бойтесь, мы не мусульмане, мы христиане. Это наши христианские амулеты» (ПМА. 2000 г.).*

Каждый такой «наш христианский амулет», как материальный мем, представляет собой пример «семантического перекрестка», на котором встречаются и этническая идентичность, и христианизация коренных народов Сибири, и этносоциальные стереотипы, и нюансы вовлеченности обывателей данной местности в туризм, и актуальные драмы современной политической истории. В этнографическом туризме, таким образом, свойство предмета вызывать и сохранять воспоминания связано с тем обстоятельством, что предметом и пространством воспоминания является сама культурная самобытность народа, посредством которой народ как бы вспоминает сам себя. А это, в свою очередь, означает, что мастер, изготавливающий сувенир для этно-

туристов, сам прежде них становится и субъектом, и объектом этнической памяти.

Этнографический туризм часто начинается с взаимного удивления приезжающих и принимающей стороны: гости удивляются образу жизни хозяев, хозяева – тому, что их образ жизни кому-то может быть интересен настолько, что они готовы платить деньги за его созерцание.

Этнографические сувениры отличаются от всех прочих тем, что они ретранслируют память в обе стороны – от мастера к туристу и от своего народа к личности мастера. Это две разные памяти [3]. И мастер выполняет роль медиума между эпохами и культурами. Можно ли сказать, что древние культуры не просто вдохновляют мастеров на творчество, но продолжают существовать в пространстве современного туризма? Если одни живые люди для других живых людей оживляют элементы древнего искусства, значит ли это, что те древние культуры – живые? В некотором смысле – да. Не как целостная культура и искусство, разумеется, но как некий отдельный, но живой нерв или импульс памяти, протянутый из прошлого в будущее сквозь все эпохи и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барчуков И.С., Письменский Г.И. Дialeктика туризма. М.: Изд-во СГУ, 2014.
2. Быстрова Т.Ю., Хизматулин А.К. Сувенир – это серьезно: социально-коммуникативный анализ сувенира. Екатеринбург, 2009.
3. Молчанова Г.Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
4. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001.
5. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2005.
6. Соколова М.В. История туризма: учебное пособие. М.: Академия, 2006.
7. Стендаль. Собрание сочинений: в 15-ти т. Т. 12. Записки туриста. М.: Правда, 1959.
8. Фомашин В.С. Дарообмен как основа социального взаимодействия // Гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 1–10.

REFERENCES

1. Barchukov, I.S. and Pismenskii, G.I., 2014. Dialektika turizma [Dialectics of tourism]. Moskva: Izd-vo SGU. (in Russ.)

2. Bystrova, T.Yu. and Khizmatulin, A.K., 2009. Suvenir – eto ser'yoyno: sotsialno-kommunikativnyi analiz suvenira [Souvenir is serious: a socio-communicative analysis of souvenir]. Ekaterinburg. (in Russ.)

3. Molchanova, G.G., 2014. Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika [Cognitive multicodeability of intercultural communication: verbal and non-verbal communication]. Moskva: OLMA Media Grupp. (in Russ.)

4. Polos'mak, N.V., 2001. Vsadniki Ukoka [Riders of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press. (in Russ.)

5. Polos'mak, N.V. and Barkova, L.L., 2005. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Costume and textiles of the Pazyryk people of

Altai (4th – 3rd centuries B.C.)]. Novosibirsk: INFOLIO-press. (in Russ.)

6. Sokolova, M.V., 2006. Istoriya turizma: uchebnoe posobie [History of tourism: a textbook]. Moskva: Akademiya. (in Russ.)

7. Stendhal, 1959. Sobranie sochinenii: v 15-ti t. T. 12. Zapiski turista [Collected works: in 15 volumes. Vol. 12. Memoirs of a tourist]. Moskva: Pravda. (in Russ.)

8. Fomashin, V.S., 2020. Daroobmen kak osnova sotsial'nogo vzaimodeistviya [Gift exchange as the basis of social interaction], Gumanitarnyi vestnik, no. 3, pp. 1–10. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
рекомендована к печати 29.10.2024*

УДК 391.1

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/19-27>

М.В. Осипова*

ТРАДИЦИОННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ АЙНОВ КАК ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И КАК МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Статья посвящена традиционному национальному мужскому костюму айнов, его основным элементам и аксессуарам. На основе литературных и визуальных источников автор демонстрирует изменения в составе его элементов, происшедшие на различных исторических этапах, а также характеризует его роль в жизни человека и сообщества. В статье подчеркивается важность айнского костюма в музейном пространстве не только как артефакта, но и как объекта научного исследования.

Ключевые слова: айны, традиционный национальный костюм, халат руунпэ, музейный экспонат

Traditional Ainu costume as a phenomenon of ethnic culture and a museum exhibit. MARINA V. OSIPOVA (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia)

The article is devoted to the traditional national male costume of the Ainu, its main elements and accessories. Based on literary and visual sources, the author demonstrates changes in the composition of its elements that occurred at various historical stages, and characterizes its role in the life of a person and community. The article emphasizes the importance of the Ainu costume in the museum space not only as an artifact, but also as an object of research.

Keywords: Ainu, traditional national costume, ruunpe robe, museum exhibit

Предварительные замечания

Глобализационные процессы, взявшие начало в экономике, углубление международной интеграции приводят в сегодняшней ситуации к сужению сферы проявления этнических свойств культуры, когда налицо постепенный процесс унификации образа жизни современного человека, обезличивание быта. Этот процесс оказал свое влияние и на такую область материальной и духовной культуры, как одежда. А ведь одежда, по мнению С. Торнторе, это

«выражение или разграничение определения этнической принадлежности». Традиционно она закрепляла и транслировала социальный и духовный опыт определенного народа, обладавшего общей родословной, языком и обычаями [21, р. 122].

Несмотря на многочисленные работы этнографов, историков, культурологов и искусствоведов, традиционный праздничный мужской костюм айнов, коренного малочисленного народа тихоокеанских островов, и его эстетика до сих пор не по-

* ОСИПОВА Марина Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, ainu07@mail.ru

© Осипова М.В., 2024

лучили должного освещения в научной литературе. Тем более это утверждение справедливо в отношении проблемы его бытования как музейного экспоната. В этой связи изучение такого костюма с историко-этнографической точки зрения, как отражения истории айнского общества, характера народа, его индивидуальности и как элемента демонстрационной культуры в музейном пространстве, приобретает особую актуальность.

В современной научной литературе существует несколько терминов, применяемых для описания костюма различных этнических групп: «народный костюм», «национальный костюм», «традиционный костюм». В каждом из этих понятий заключен определенный смысл. Так, понятие «народный костюм» предполагает такую одежду, которая до сих пор используется в повседневной жизни. Но на современном этапе жизни общества вряд ли можно говорить о том, что люди одеваются в ту одежду, которая существовала в прошлом. Иной смысл вкладывается в понятие «национальный костюм», где подчеркиваются отличия костюма определенной этнической группы от одежды соседствующих с ней народов. «Традиционный костюм» – понятие, связанное с условиями бытования одежды в среде существования традиционного хозяйственного уклада, будь то труд земледельца, кочевника или рыбака-охотника-собирателя [13, с. 145]. В данной статье для обозначения костюма айнов используется определение «традиционный национальный», тем самым сделан акцент на том, что речь идет об одежде, использовавшейся на определенном этапе исторического развития данной этнической группы.

Костюм айнов в литературных и визуальных источниках

Традиционный национальный праздничный мужской костюм айнов – это совокупность элементов одежды и аксессуаров. На открытках, выполненных с фотографий конца XIX – начала XX вв., имеются поясные изображения мужчин, одетых в халат руунпэ, поверх которого – жилет чинпаори, тыльные стороны их ладоней закрывают наладонники тэкумпэ, на голове – ритуальная корона сапаунпэ или наголовная повязка чипануп, через плечо на перевязи эмушат закреплен меч эмуш (Рис. 1). Но этот костюм не всегда был таким. Айнский традиционный национальный костюм прошел длительный путь формирования, его элементы буквально собирались по частям во времени. Доказательством тому служат литературные и визуальные источники.

Рис. 1. Айн. Открытка

В период раннего Средневековья (эпоха Хэйан, VIII–XII вв.) появились записи о том, что люди, населявшие северные районы Японии, (эмиси¹) носят звериные шкуры [7]. В позднее или раннее Новое время (XIV–XVII вв.) на свитках, датированных 1305, 1323, 1324 гг., появились изображения людей, которых можно идентифицировать как айнов – на них одежда иного покроя в сравнении с японской. Это платья из ткани, поверх которых надеты накидки – меховые или из птичьих перьев [19, р. 218–219]. В трактате «Описание Ляодуна» (Ляодун чжи遼東志) об одежде сахалинских айнов было сказано следующее: «на голове носят шкуру медведя, тело одевают в цветные материи» [3, с. 55].

В XVI–XVIII вв. в Европе появляются письма из Японии (сначала миссионеров-иезуитов, затем мореплавателей и путешественников), в которых уже говорится о существовании у айнов одежды из шелковых, хлопчатобумажных или льняных тканей наряду с той, которая шилась из меха животных и рыбьей кожи. Впервые был назван и тип одежды – кафтан или халат [4, с. 20, 40]. Это подтверждается записями из бортовых журналов мореплавателей М.Г. де Фриза, Ж.-Ф. де Лаперуза и У. Броутона. Например, старший штурман Корнелиус Янс Кун из команды де Фриза записал, что айны встречали моряков в коноплиных и меховых платьях. Были на них и холщовые, в основном си

¹ В эпоху Хэйан не покорившиеся правителю Ямато племена называли эмиси/эбису или эдзо [25, р. 42].

него цвета, «японского» покроя халаты, прошитые цветными хлопчатобумажными нитками. У де Лаперуза читаем об одежде из рогожной и ватной синей нанки, похожей на китайскую, которая застегивалась на две пуговицы и подпоясывалась поясом. На головах людей были повязки из медвежьей шкуры, на ногах – сапоги из тюленьей кожи. Брутон ограничился фразой об одежде из коры деревьев [5, с. 39–59, 81, 123, 130]. Однако в этих записях не указаны особенности и отличия мужского и женского платья и ничего не сказано о церемониальной одежде.

Первая иллюстрация, на которой можно было рассмотреть костюм айна, была помещена в составленной Тэрадзима Рёаном в 1712 г. энциклопедии «Вакан сансай дзуэ» (和漢三才図会). На рисунке был изображен мужчина, названный эдзо, одетый в халат китайского покроя, из-под которого выглядывал другой. Впервые на рисунке появляется такая деталь костюма, как наголенники. В описании сказано, что эти люди ходят «в распахнутых одеждах, не подвязывая их» [14, с. 54], хотя на изображении мужчина подпоясан. Достоверным считается помещенное в книге Араи Хакусэки «Описание Эдзо» (Эдзо си 蝦夷志) изображение айнского старейшины в традиционном костюме (Рис. 2). На мужчине надет халат, поверх которого – перевязь с мечом. Изображения этих элементов костюма и аксессуаров даны на отдельных страницах [22]. Но в отличие от иллюстрации из книги Тэрадзима на ногах мужчины нет наголенников. В середине XVIII в. появился художник, положивший начало айнской теме в японской живописи. Это был Кодама Тэйрё, который в этот период времени жил на Хоккайдо. В его книге «Эдзо-э» (蝦夷絵) представлена галерея имевшейся тогда у айнов летней и зимней одежды, а также воинское обмундирование и оружие, китайские халаты. Самой известной и часто упоминаемой его работой является «Нарядное облачение айну», где изображен длиннородый мужчина, одетый в парчовый халат, на голове которого – берестяная шляпа, за ним идет женщина в белом халате, возможно, изготовленном из крапивы. Но других уже известных аксессуаров, таких как меч или наголенники, на изображении нет. Предполагается, что вещи, в которые одеты люди на картине, были получены ими от сахалинских айнов через меновую торговлю [12]. На рисунках Мураками Симанодзё (Хата Авагимаро) уже можно видеть мужчину, на голове которого – наголовная повязка, по-видимому, это сплетенная из стружек инау-кике риту-

альная корона, на нем традиционный халат, возможно, сотканный из луба дерева, и меч на перевязи (Рис. 3).

Рис. 2. Изображение мужчины [22]

Рис. 3. Изображение айна из книги «Эдзо-сима кикан» («Необыкновенные виды острова Эдзо») Мураками Симанодзё

Самым известным описанием одежды айнов, сопровождаемым иллюстрацией, среди российских источников является статья об айнах Курильских островов из книги И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...». Здесь же имеется изображение мужчины (Рис. 4). Автор, проанализировав имеющиеся на тот момент сведения об айнах, писал, что эти люди носят длинные «по китайскому вкусу» халаты «тунгусского» покроя [2, с. 86–88]. Однако изображенный на мужчине халат с предложенным Георги описанием не совпадает. Авторы портрета – граверы Х. Рот и Д. Шлеппер, по-видимому, именно так представляли себе айнскую одежду [8, с. 193].

Рис. 4. Курилец [2, табл. 75]

Наступивший XIX в., характеризовался повышенным вниманием европейцев и американцев к тихоокеанскому региону. Мореплаватели, миссионеры, торговцы, ученые и простые обыватели оставили многочисленные записи об одежде айнов. Но большая часть описаний повторяла то, что было зафиксировано веком ранее. Так, преподобный Дж. Бэчелор писал об одежде из луба дерева, однако отметил отличия в орнаментации халатов, обратив внимание на «мужской» и «женский» орнамент [15, р. 45–48]. А.С. Лэндор вслед за Бэчелором повторил описание халата из луба дерева как основного элемента айнской одежды, но упо-

мянул о наголенниках и наголовной повязке, а также о фартуке, который иногда носили мужчины [18, р. 245–248]. Р. Хичкок отметил разные сорта деревьев, из луба которых изготавливалась одежда [17, р. 463]. Генерал-майор Н.В. Буссе говорил о зимней и летней одежде сахалинских айнов, что женские и мужские халаты, изготовленные из крапивных нитей, отличались только длиной [1, с. 45, 65, 86.]. К сожалению, ни в одном литературном источнике того времени нет упоминаний о праздничном костюме айнов.

В это же время в японской живописи возникло отдельное направление айну-э, изображавшее сцены из жизни аборигенов Эдзо (Хоккайдо). Визуальные источники представили новый, до этого не изображавшийся на полотнах элемент праздничного костюма айнов. Помимо халата, меча на перевязи, наголовной повязки, в костюме появляется жилет чинпаори (от яп. дзимбаори). Считается, что этот жилет, сшитый из шелковой ткани, был заимствован айнами у японцев, в гардеробе которых имелся такой элемент одежды (жилет или накидка) без рукавов [10, с. 657]. Жилет чинпаори можно видеть на айнах с картины Хиросава Бёдзана «Омуся» из серии «Жизнь и обычаи айнов», датированной не ранее 1862 г. С возникновением и развитием фотографии и появлением кино жизнь айнов стала достоянием широкой общественности. Первый, совсем короткий фильм «Айны Йёзо» (Les Aïnou à Yéso, 1897), снятый французом К. Жирелем, показал танцующих ритуальный танец тапкар мужчин, одетых в халат руунпэ, сшитый из ткани. На ногах у исполнителей были надеты наголенники, у некоторых имелись наладонники и такие аксессуары, как мечи, закрепленные в перевязях, надетых через плечо, на головах – сплетенные из священных стружек инау-кике ритуальные короны сапаунпэ. Продемонстрированный в фильме костюм уже включал практически все основные элементы одежды, зафиксированные позже на постановочных фотографиях, кроме жилета чинпаори.

Таким образом, ко второй половине XIX в. в состав традиционного национального праздничного костюма айнов вошли основные элементы и аксессуары, демонстрируемые сегодня в музейном пространстве.

Традиционный праздничный костюм айнов

Айны, населявшие Амуро-Сахалинский регион и о. Хоккайдо, делили территорию проживания с тунгусо-маньчжурскими народами, нивхами и японцами. Географическая близость, общность

образа жизни, характера труда могли бы иметь следствием и определенную схожесть их национальных костюмов, однако айнский праздничный мужской костюм резко отличается от костюмов перечисленных народов. Он является важным фактором этноидентификации, этномаркирующим элементом культуры, сохранившим национальное своеобразие, которое отразилось в покрое халата и основных аксессуарах, хотя один элемент в его составе все же является заимствованным.

В традиционном национальном праздничном костюме айнов нашли отражение этнические ценности народа, особенности его исторического и культурного прошлого, верования. Основным элементом костюма является халат руунпэ, который украшает многоцветный и наиболее сложный по композиционному построению орнамент, где вышивка соседствует с аппликацией. В нем особо декорировались спина, нижняя часть полочек, орнаментировались воротник, обшлага рукавов для того, чтобы предотвратить проникновение злых духов в тело человека. На халат надевался шелковый жилет чинпаори. Щиколотки от ударов и кровотечений защищали вышитые наголенники, а тыльную сторону ладоней – вышитые наладонники, где вышивка также служила оберегом и указателем на принадлежность к определенному роду.

Здесь следует подчеркнуть, что если любая одежда в зависимости от региона называлась амип/чимип или ими, то сшитая из ткани церемониальная, декорированная вышивкой и аппликацией, имела другое название – чикаркарпэ/чикаракарапэ [23]. Хлопчатобумажная и шелковая ткани, которые поступали из Китая и Маньчжурии в Японию и к народам Нижнего Амура по т.н. «Северному шелковому пути», вплоть до начала XX в. в гардеробе айнов были редки по причине их высокой стоимости. Иметь в своем гардеробе сшитые из ткани халат и элементы костюма мог позволить себе не каждый, что подчеркивало статус человека.

К аксессуарам, сопровождающим костюм, можно отнести наголовную повязку чипануп, которая представляла собой сложенную в три или четыре слоя полоску черной ткани длиной около 2 м. Сегодня на головах мужчин во время обрядовых праздников чаще всего можно видеть ритуальную корону сапаунпэ, сплетенную из луба молодых деревьев или виноградной лозы. Впереди к короне крепилась фигурка темного животного: медведя, косатки, волка или совы, от которого род вел свое происхождение.

На коронах могли быть закреплены и высоко ценимые лоскутки красной ткани нойхоопу. С появлением этого аксессуара в костюме айнов была связана легенда, согласно которой люди в стародавние времена не подвязывали волосы, и они падали в пищу и напитки. И тогда айны решили их подвязывать полосками инау («инаору»), причем мужчины должны были надевать короны из этих полосок, а женщины – подвязывать волосы куском ткани [16, р. 160].

Еще одним аксессуаром, надеваемым поверх чинпаори, была сотканная из луба дерева перевязь для меча эмушат, состоявшая из плечевой части, держателей меча со связующей лентой для его фиксации и шнурка для поддержания меча. Перевязь ткалась из волокон луба вяза, коричневого дерева, крапивы и хлопчатобумажных нитей, а на Сахалине – с добавлением нитей животного происхождения, или могла быть сшита из хлопчатобумажной ткани. Она декорировалась орнаментом.

Неслучайным аксессуаром в праздничном костюме айнов был меч. О воинственности этого народа в Средние века ходили легенды. Меч айнов назывался эмуш² или икоро («сокровище»), при этом длинный меч именовался таннэпикоро, а короткий – такунэпикоро. Этот аксессуар указывал на принадлежность мужчины к особой социальной группе утар. Члены этой группы, возглавляемой семействами вождей, считались военной элитой [6, с. 51, 55]. Меч являлся показателем высокого статуса мужчины. Этот человек пользовался всеобщим уважением, к его мнению прислушивались, он мог проводить значимые обряды. Но уже в эпоху Эдо японцы запретили айнам иметь боевые мечи, предложив взамен обычные яян эмуспо. Они использовались в качестве украшения в доме и носились старейшинами на праздниках. Меч мог передаваться в качестве компенсации в спорных ситуациях. Он наследовался старшим сыном в случае смерти отца [11, с. 54, 59; 24, р. 21].

Все элементы и аксессуары айнского традиционного праздничного костюма указывали на принадлежность человека к определенному роду, на его сословную принадлежность. Костюм служил оберегом своему хозяину, защищая его. Он аккумулировал исторический и духовный опыт народа.

² Диалектным вариантом произношения этого слова является эмус или эмусь.

Традиционный праздничный костюм айнов в музейном пространстве

У айнского костюма непростая судьба. Он не сразу стал предметом собирательства коллекционеров и тем более – музейным экспонатом. Этому предшествовали определенные исторические события. В середине XIX в. началось активное освоение японцами территорий проживания айнов. В 1871 г. вышел запрет на проведение айнами обрядов, на использование айнского языка, на татуировку и т.д. Либералы и миссионеры, обеспокоенные судьбой народа, добились принятия закона о защите прав айнов. И такой закон, получивший название «The Protection Act», был принят 1 марта 1899 г. Но защитой он не являлся. Наоборот, в нем закреплялись такие дискриминационные меры, как искоренение айнского языка, обычаев и культурных особенностей и постепенное превращение айнов в «типичных имперских подданных» [20, р. 70–113]. Этот закон имел тяжелые последствия для айнской культуры. Традиционный национальный мужской костюм айнов, существовавший в лоне обряда, ушел из обихода и был заменен повседневной японской одеждой. Но, когда в 1950-е гг. политическая активность айнского населения возросла, с особой остротой встал вопрос возрождения и сохранения собственной культуры и проблема самоидентификации народа.

Музеи и музейные комплексы пришли на помощь айнским активистам и неравнодушным к судьбе народа людям. Начался активный процесс собирательства айнских артефактов, и тогда посетители смогли увидеть в качестве экспонатов одежду айнов, которая обрела второе дыхание (Рис. 5). Включение в экспозицию манекенов, одетых в традиционный айнский костюм, дало посетителям возможность узнать об этом предмете материальной и духовной культуры айнов, об их декоративно-прикладном и воинском искусстве, сформировать представление об истории народа, его обычаях и проводимых обрядах. Выставленный в музейной экспозиции айнский костюм позволил увидеть детали каждого элемента, уловить их взаимосвязь (Рис. 6). Помимо этого, традиционный айнский праздничный костюм вышел на музейные сценические площадки, где певцы и танцоры выступают в нем (Рис. 7).

Сегодня традиционный национальный праздничный костюм как музейный экспонат является объектом научного исследования и дает ученым возможность более глубокого изучения его истории бытования, технологии производства тех или иных его элементов и аксессуаров. В этой связи достаточно вспомнить работы последних лет

А.М. Соколова, Сасаки Тосикадзу, Китахара Дзирота, Осака Таку и др., основанные на изучении костюма как единого комплекса, а также его отдельных составляющих. Кроме того, традиционный национальный праздничный костюм айнов выступает в качестве объекта междисциплинарных исследований, связанных с фольклористикой, культурологией, социологией, дизайном и т.д. Однако научная работа с подобными экспонатами затруднена из-за их хрупкости, а порой и быстрого разрушения из-за несоблюдения условий хранения. Поэтому Комитет музеев и коллекций костюма Международного совета музеев рекомендовал музеям чаще использовать фотодокументы во время экспонирования одежды или ее изучения [9]. Сейчас распространение получил метод репликации, т.е. создание мастерами декоративно-прикладного искусства точных копий предметов из материалов, близких по составу историческим. Об этом автору статьи рассказали Каидзава Тору и Огава Санаэ, изготавливающие реплики айнских артефактов не только для японских, но и для мировых музеев (Полевые материалы автора. 2014 г.). Сохранение и демонстрация в музее традиционного национального костюма – предмета, ушедшего из повседневного использования – вносят вклад в воссоздание картины мира народа, его мировоззрения.

Рис. 5. Айн в традиционном праздничном костюме. Музей айнской культуры, пос. Сираой. 2005 г. Фото М.В. Осиповой

Рис. 6. Моление возле нусы. Музей айнской культуры, пос. Сираой. 2005 г. Фото М.В. Осиповой

Рис. 7. На сцене Музея айнской культуры. 2014 г. Фото М.В. Осиповой

Заключение

В настоящее время традиционный мужской айнский костюм, являясь предметом материальной и духовной культуры народа, рассматривается и как культурное явление определенной исторической эпохи и этномаркирующий элемент, отражающий социальные, национальные и эстетические особенности народа, и как предмет,

способствующий формированию этнической идентичности, и как музейный артефакт. Он является надежным источником информации, произведением декоративно-прикладного искусства и уникальным социокультурным объектом, который формировался в течение длительного времени, выступая «индикатором» национальной принадлежности и духовного наследия прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буссе Н.В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское кн. изд-во, 2007.
2. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3. Семейские, маньчжурские и восточные сибирские народы. СПб., 1777.
3. Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О. Тырские стелы XV в. Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011.
4. Граф Т., Наарден Б. Описание нивхов и айнов и территорий их проживания в XVII веке по книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» // Краеведческий бюллетень. 2005. № 4. С. 3–62.
5. Западноевропейские мореплаватели у берегов Сахалина и Курильских островов (XVII–XVIII вв.). Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2010.
6. Лим С.Ч. История сопротивления айнского народа и государственная политика Японии (XV – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2013.
7. Нихон сёки. Анналы Японии. Т. I. Свиток VII. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/frametext7.htm
8. Осипова М.В. Визуальный образ айнов в живописных работах и гравюрах XVI – начала XIX в.: историко-этнографический источник или художественный вымысел? // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 187–205.
9. Рекомендации Комитета музеев и коллекций костюма Международного совета музеев по хранению костюма. URL: https://costume.mini.icom.museum/wpcontent/uploads/sites/10/2018/12/guidelines_russian.pdf

10. Соколов А.М. Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

11. Соколов А.М. Пламенеющие клинки айнов. СПб.: МАЭ РАН, 2022.

12. Хаяси Сётаро. Декоративно-прикладное искусство племени айну // Айну когэй – Сахарин айну сэйкацу бунка. Саппоро: Айну бунка синко кэнкю суисин кико, 1998. С. 14–15.

13. Хокон С.Э., Сиухова А.М. Этнокостюм как концепт культуросоциологического знания // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 1. С. 144–149.

14. Щепкин В.В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А.В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022.

15. Batchelor, J., 1892. The Ainu of Japan: the religion, superstitions, and general history of the hairy aborigines of Japan. London: Religious Tract Society.

16. Batchelor, J., 1901. The Ainu and their folklore. London: Religious Tract Society.

17. Hitchcock, R. The Ainos of Yezo, Japan. In: Annual report of the Board of regents of the Smithsonian Institution for the year ending June 30, 1890. Washington: Government Printing Office, 1891, pp. 429–502.

18. Landor, A.H., 1893. Alone with the hairy Ainu, Or 3,800 miles on a pack saddle in Yezo and a cruise to the Kurile Islands. London: John Murray.

19. Sasaki, T., 1993. On Ainu-e: pictorial descriptions of Ainu life and customs. In: Kreiner, J. ed., 1993. European studies on Ainu language and culture. München: Iudicium Verlag, pp. 217–227.

20. Siddle, R.M., 1996. Race, resistance, and the Ainu of Japan. New York: Routledge.

21. Torntore, S.J., 2004. Fashion, tradition, and cultural authentication: change in Hmong American ethnic textiles and aesthetics at Hmong New Year. Textile Society of America Symposium Proceedings, no. 441, pp. 118–123.

22. Арай Хакусэки. Эдзо си (Описание Эдзо). URL: <https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/3yq7hoqb5zjft9c>

23. Китахара Дзирота. «Синри цуресипа» (Сосэн но кураси). 15. Айну но ифуку бунка («Жизнь предков». 15. Культура одежды айнов). URL: <https://ainugo.nam.go.jp/siror/monthly/201606.html>

24. Огихара Синко. Айну бунка ни океру токэн ни кансору обоэгаки (Мечи в культуре айнов) // Тиба дайгаку юрася гэнго бунка ронсю. 2007. № 10. С. 21–24.

25. Эмори Сусуму. Айну миндзоку но рэкиси (История айнов). Токио: Софукан, 2007.

REFERENCES

1. Busse, N.V., 2007. Ostrov Sakhalin i ekspeditsiya 1853–1854 gg. Dnevnik 25 avgusta 1853 g. – 19 maya 1854 g. [Sakhalin Island and the Expedition of 1853–1854. Diary of August 25, 1853 – May 19, 1854.]. Yuzhno-Sahalinsk: Yuzhno-Sahalinskoe kn. izd-vo. (in Russ.)

2. Georgi, J.G., 1777. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, tak zhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. Ch. 3. Semoyadskie, mandzhurskie i vostochnye sibirskie narody [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia. Part 3. About the peoples of Samoyad, Manchu and Eastern Siberian]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

3. Golovachev, V.Ts., Ivliev, A.L., Pevnov, A.M. and Rykin, P.O., 2011. Tyrskie stely XV v.: perevod, kommentarii, issledovanie kitaiskikh, mongol'skogo i chzhurchzhen'skogo tekstov [The Tyr steles of the 15th century: translations, commentaries, study of the Chinese, Mongolian and Jurchen texts]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

4. Graaf, T. and Naarden, B., 2005. Opisanie nivkhov i ainov i territorii ikh prozhivaniya v XVII veke po knige N. Vitsena «Severnaya i Vostochnaya Tartariya» [Description of the border areas of Russia with Japan and their inhabitants in Witsen's «North and East Tartary»], Kraevedcheskii byulleten', no. 4, pp. 3–62. (in Russ.)

5. Zapadnoevropeiskie moreplavately u beregov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov (XVII–XVIII vv.) [Sailors from Western Europe off the coast of Sakhalin and the Kuril Islands (17th and 18th centuries)]. Yuzhno-Sahalinsk: Lukomor'e. (in Russ.)

6. Lim, S.Ch., 2013. Istoriya soprotivleniya ainskogo naroda i gosudarstvennaya politika Yaponii (XV – nachalo XX vv.) [The history of Ainu resistance and the state policy of Japan (15th – early 20th century)]. Vladivostok: Izd-vo DVFU. (in Russ.)

7. Nihon seki. Annaly Yaponii. T. I. Svitok VII [Nihon Shoki. Annals of Japan. Vol. I. Scroll VII]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/frameset_7.htm (in Russ.)

8. Osipova, M.V., 2023. Vizual'nyi obraz ainov v zhivopisnykh rabotakh i gravyurakh XVI – nachala

XIX v.: istoriko-etnograficheskii istochnik ili khudozhestvennyi vymysel? [Visual image of the Ainu in paintings and engravings of the 16th – early 19th centuries: historical and ethnographic source or artist's imagination?], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp.187–205. (in Russ.)

9. Rekomendatsii Komiteta muzeev i kollektсии kostyuma Mezhdunarodnogo soveta muzeev po khraneniyu kostyuma [ICOM International Committee for Museums and Collections of Costume guidelines]. URL: https://costume.mini.icom.museum/wp-content/uploads/sites/10/2018/12/guidelines_russian.pdf (in Russ.)

10. Sokolov, A.M., 2014. *Ainy: ot istokov do sovremennosti* [Ainu: from the origin to present]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)

11. Sokolov, A.M., 2022. *Plameneyushchie klinki ainov* [The flaming blades of Ainu]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)

12. Hayashi Shotaro, 1998. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo plemeni ainu* [The crafts of Ainu]. In: *アイヌ 工芸 – サハリンアイヌ生活文化*. 札幌市: アイヌ文化振興・研究推進機構, 1998, pp. 14–15. (in Russ.)

13. Khokon, S.E. and Siyukhova, A.M., 2014. *Etnokostyum kak kontsept kul'turosotsiologicheskogo znaniya* [Ethnic costume as a concept of cultural and sociological knowledge], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 144–149. (in Russ.)

14. Shchepkin, V.V., 2022. *Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kolleksiya A.V. Grigor'eva* [Ainu through the eyes of the Japanese: the unknown collection of A.V. Grigoriev]. Sankt-Peterburg: Arka. (in Russ.)

15. Batchelor, J., 1892. *The Ainu of Japan: the religion, superstitions, and general history of the hairy aborigines of Japan*. London: Religious Tract Society.

16. Batchelor, J., 1901. *The Ainu and their folklore*. London: Religious Tract Society.

17. Hitchcock, R. *The Ainos of Yezo, Japan*. In: *Annual report of the Board of regents of the Smithsonian Institution for the year ending June 30, 1890*. Washington: Government Printing Office, 1891, pp. 429–502.

18. Landor, A.H., 1893. *Alone with the hairy Ainu, Or 3,800 miles on a pack saddle in Yezo and a cruise to the Kurile Islands*. London: John Murray.

19. Sasaki, T., 1993. *On Ainu-e: pictorial descriptions of Ainu life and customs*. In: Kreiner, J. ed., 1993. *European studies on Ainu language and culture*. München: Iudicium Verlag, pp. 217–227.

20. Siddle, R.M., 1996. *Race, resistance, and the Ainu of Japan*. New York: Routledge.

21. Torntore, S.J., 2004. *Fashion, tradition, and cultural authentication: change in Hmong American ethnic textiles and aesthetics at Hmong New Year*. *Textile Society of America Symposium Proceedings*, no. 441, pp. 118–123.

22. 新井白石. 蝦夷志 [Ezo-shi]. URL: <https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/3YQ7HOQB5ZJFT9C> (in Japanese)

23. 北原次郎太. «シンリッウレシバ» (祖先の暮らし). 15. *アイヌの衣服文化* [«Shinri ureshipa» (The Life of Ancestors). 15. *Ainu clothing culture*]. URL: <https://ainugo.nam.go.jp/siror/monthly/201606.html> (in Japanese)

24. 萩原真子, 2007. *アイヌ文化における刀剣に関する覚書* [A note on swords in Ainu Culture], *千葉大学ユーラシア言語文化論集*, no. 10, pp. 21–24. (in Japanese)

25. 榎森進, 2007. *アイヌ民族の歴史* [History of the Ainu People]. 東京: 草風館. (in Japanese)

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
рекомендована к печати 29.10.2024*

БУРЯТЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: БИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

ОТ РЕДАКТОРА РУБРИКИ

Одной из характерных черт российской модели государственной политики в области межнациональных отношений всегда было фактическое, а не декларативное равенство крупных и малочисленных этнических групп, в своем неразрывном единстве составляющих многонациональный российский народ. Особенно ярко данная черта видна при анализе судеб трансграничных этнических общностей, т.к. существует возможность сравнения траекторий развития различных групп одного и того же народа, оказавшихся по разные стороны границы. Несмотря на это, истории и «рецепты успеха» трансграничных народов, проживающих на территории России, все еще остаются неизученными, нерасказанным и в итоге неуслышанными...

Особый интерес в этой связи вызывают конкретные истории успеха и одновременно истории служения на благо Отечества представителей самого крупного из трансграничных народов Восточной Сибири и Дальнего Востока России – бурят. Оказавшиеся волею исторических судеб на территории сразу трех государств – России, Монголии и Китая, они не просто не потерялись в составе Российского государства: бурятам удалось – во многом благодаря сохранению своей восточно-азиатской культурной идентичности и удачному

ее сочетанию с российской гражданской идентичностью – сформировать свою уникальную культурную традицию для того, чтобы в дальнейшем превратить Бурятию в российский форпост на Востоке. В свою очередь, ключевая роль в этом процессе позволила самим бурятам превратиться в один из самых динамично развивающихся народов региона.

На страницах этой рубрики будут представлены конкретные истории успеха ярких представителей бурятского народа, проявивших себя в различных сферах человеческой деятельности. Все их, однако, объединяет то, что они стали возможными лишь благодаря укорененности героев повествования в традиционной культуре своего народа при наличии у них гарантированной возможности реализовать все преимущества этой культуры в рамках многонациональной общности на благо собственного народа и в интересах России.

М.С. Михалев,
доктор исторических наук,
профессор Учебно-научного центра
социальной антропологии
Российского государственного
гуманитарного университета

УДК 910.4

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/29-38>

М.С. Михалев*

БУРЯТЫ-ПРОВОДНИКИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Имена бурятских переводчиков и проводников, сопровождавших географические экспедиции в Центральной Азии конца XIX – начала XX вв. и представленных к российским и зарубежным наградам за свои достижения, сегодня знакомы лишь узкому кругу специалистов. В данной статье предпринята попытка анализа истоков и предпосылок возникновения феномена бурят-проводников. Автор приходит к выводу о том, что его появление стало возможным в связи с развитием трансграничной торговли России и Китая в Кяхте, которая благодаря инвестициям в культуру и образование к середине XIX в. стала не только коммерческим, но и интеллектуальным центром Азиатской России. В свою очередь, это заложило основу для появления здесь целой плеяды талантливых бурятских проводников, соединивших в себе укорененность в народной культуре и знакомство с передовыми научными знаниями своего времени.

Ключевые слова: буряты, проводники, географические экспедиции, Кяхта, российско-китайская торговля

Buryat guides of geographical expeditions as a historical and cultural phenomenon. MAXIM S. MIKHALEV (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The names of the Buryat interpreters and guides who accompanied geographical expeditions in Central Asia in the late XIXth and early XXth centuries and were nominated for Russian and foreign awards for their achievements are known only to a few specialists today. The article attempts to analyze the origins of the phenomenon of Buryat guides. The author concludes that its emergence became possible due to the development of cross-border trade between Russia and China in Kyakhta, which by the mid-XIXth century, thanks to investments in culture and education, became not only a commercial but also an intellectual center of Asian Russia. In turn, this paved the way for the galaxy of talented Buryat guides who managed to remain deeply rooted in their own traditional culture while getting an access to the latest scientific knowledge of their time.

Keywords: Buryats, local guides, geographic expeditions, Kyakhta, Russia-China border trade

* МИХАЛЕВ Максим Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, maxmikhalev@yahoo.com

© Михалев М.С., 2024

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

Введение

Проводники и каюры в целом и проводники научных экспедиций в частности довольно часто оказываются героями повествований, выходящих из-под пера этнографов и представителей других наук, связанных с проведением полевых исследований. Им посвящают не только отдельные главы или статьи, но и целые монографии, а иногда даже художественные произведения. Возможно, одним из самых известных сочинений, посвященных этим неизменным помощникам ученых, является повесть «Дерсу Узала» Владимира Клавдиевича Арсеньева [3]. Выдающийся исследователь Дальнего Востока, сделал своего проводника главным героем книги и таким образом увековечил его имя. Схожая история произошла и с Улукитканом, эвенкийским следопытом, которого обессмертил Григорий Федосеев, геодезист, чьи увлекательные повести вошли в золотой фонд советской приключенческой литературы и способствовали популяризации и романтизации данной профессии [24].

Широкая популярность указанных выше сочинений привела к тому, что эти существовавшие в реальной жизни проводники приобрели черты былинных героев. Во многом это произошло потому, что по произведениям Федосеева и Арсеньева были сняты художественные фильмы, превратившие Дерсу и Улукиткана в имена нарицательные. Вместе с тем упоминания о проводниках и посвященные им истории можно встретить и на страницах других, менее известных сочинений за авторством полевых исследователей, где неизменно подчеркивается важнейшая роль, которую те играли в успехе/неуспехе их предприятий [6, с. 29; 22]. При этом до настоящего времени было предпринято не так много попыток осмыслить, в категориях науки о человеке, характерные особенности и социальную роль проводников вообще и проводников экспедиций в частности [8; 10; 12; 13]. Это тем более досадно, если вспомнить о том, что в последнее время эта профессия находится на грани исчезновения, а вклад проводников в историю науки и – в не меньшей степени – в историю взаимоотношений коренных народов и т.н. «представителей цивилизации» значителен и многогранен. Стоит отдельно подчеркнуть, что в большинстве случаев эта роль заключается в сопровождении исследователей в ходе их путешествий по хорошо знакомой самим проводникам территории, секретами которой они готовы возмездно или безвозмездно с ними поделиться. Проводники при этом редко покидают места своего проживания или кочевания. Отдельные исключения, такие как дальневосточный каюр Степан Иннокентьевич Расторгуев, сопровождавший энтомолога О. Герца и полярного исследователя И.Д. Черского, а затем объехавший почти всю страну, лишь подтвер-

ждают общее правило [4]. В этом смысле особого внимания и отдельной научной рефлексии заслуживает феномен проводников из числа коренных жителей российского Забайкалья. Дело в том, что буряты, проживавшие здесь неподалеку от границы России с Монголией, до 1911 г. входившей в состав Китая, прославились не благодаря сопровождению экспедиций на своей малой родине, а в связи с участием в крупнейших исследовательских проектах конца XIX – начала XX вв., реализовывавшихся за тысячи километров от нее.

Географические экспедиции в Центральной Азии, которые проходили по территории таких районов Китая, как Внутренняя и Внешняя Монголия, Цинхай, Тибет и Синьцзян, прославили их лидеров и организаторов – Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, М.В. Певцова, П.К. Козлова, Г.Н. и А.В. Потаниных и др. Однако многие их крупные открытия стали возможны лишь благодаря помощи местных проводников, многие из которых были бурятами. Помогали они и иностранным путешественникам. Хорошо знакомые с тибетским и монгольским наречием и превосходно понимавшие менталитет коренных обитателей внутренних районов Азии, они в конце концов превратились в таких же исследователей далеких от своей малой родины стран, как и те ученые, которых они сопровождали. С одной стороны, будучи нанятыми в качестве проводников, они должны были обеспечивать бесперебойное функционирование и безопасность караванов, включая переговоры с местным населением и властями, снабжение участников экспедиции всем необходимым и ориентирование на местности. С другой стороны, находясь почти в той же степени, что и русские путешественники, в иноязычном окружении и в непривычных для себя условиях, они одновременно были вынуждены становиться еще и исследователями неизвестных им самим пространств. В подобной роли сложно представить «классических» проводников, таких как Дерсу Узала, которые делились с учеными и путешественниками лишь сокровенным знанием «родной» местности.

Неслучайно, что многие из героической плеяды бурятских проводников рубежа XIX–XX вв. оказались в результате отмеченными официальными наградами и получили признание в академической среде как в России, так и за ее пределами. Их вклад в исследование обширных пространств Центральной Азии был, таким образом, приравнен к вкладу ученых-руководителей экспедиций. Несмотря на это, а также на наличие небольшого числа статей, в которых описаны их жизнь и достижения [2; 15], феномен бурят-исследователей в целом пока не стал предметом научной рефлексии. Данная статья призвана частично восполнить эту лауну.

Биографии бурятских проводников

В 1858 и 1860 гг. Россией и Китаем были подписаны, соответственно, Тяньцзиньский и Пекинский трактаты, определившие линию пограничного разграничения, а также регламентировавшие торговые отношения между двумя странами. В результате у российских ученых и исследователей появилась возможность изучения внутренних районов континента, входивших на тот момент в состав империи Цин. Монголия, Цинхай, Тибет и Синьцзян были практически неизвестны европейской науке, не были картографированы должным образом и не изучались подробно с точки зрения географии, геологии, ботаники, этнографии и иных научных дисциплин. Эту задачу и взяли на себя российские исследователи, экспедиции которых во внутренние районы континента стало организовывать Императорское Русское Географическое Общество (ИРГО). В связи с тем, что в эпоху противоборства за влияние в Азии ряда европейских государств, в частности – России и Великобритании, Китай рассматривался как одна из арен противостояния, среди заказчиков и спонсоров этих экспедиций был и Генеральный штаб Российской империи. Многие крупные исследователи того времени состояли на воинской службе, хотя задача сбора военно-стратегической информации и не была для них приоритетной [1, с. 109].

Воротами в Азию и точкой старта для многих экспедиций того времени стали Кяхта и Троицкосавск, расположенные в Забайкалье непосредственно на границе с Китаем. Именно здесь формировались караваны исследователей, именно сюда они возвращаясь из странствий по Центральной Азии и делились с согражданами результатами своих научных изысканий. Не случайно, что в Троицкосавске было даже открыто отделение ИРГО, а городской музей стал настоящей сокровищницей Сибири, богатством своих коллекций соперничая со столицами. Важнейшей проблемой, стоявшей перед географическими экспедициями, отправлявшимися во внутренние районы континента, был поиск квалифицированных проводников и переводчиков. Обладавшим множеством талантов русским исследователям требовались не просто знатоки караванных троп и горных дорог или люди, способные обустроить бивак и организовать снабжение участников похода гужевым транспортом и продуктами питания. Не владевшие местными наречиями и не знакомые со стилем мышления и образом жизни коренного населения Азии, эти представители европейской культуры еще больше нуждались в опытных дипломатах и переводчиках. Предполагалось, что те смогут обеспечить беспрепятственное продвижение экспедиции по территориям, находящимся под контролем практически независимых местных прави-

телей, а также гарантировать ее безопасность, вступая в контакты с представителями местного населения в тех случаях, когда этого требовала обстановка. Настоящей находкой в этой ситуации стали буряты Троицкосавского уезда, и в особенности те из них, кто принадлежал к казачьему сословию. Именно они стали незаменимыми спутниками большинства русских путешественников. Несмотря на то что вплоть до самого последнего времени об этих людях было известно очень немного, активная работа местных краеведов и внимание части российских историков к данному вопросу позволили вернуть из небытия имена некоторых, особо отличившихся бурятских проводников.

Первым в ряду этих незаменимых помощников можно поставить Дондока Гуржаповича Иринчинова (Ринчинова). Уроженец местности Цаган-Челутай, расположенной на монгольской границе, он, вместе с еще одним казаком, Панфилом Чабаевым, в 1870 г. присоединился в китайском Калгане к первой экспедиции Н.М. Пржевальского и с тех пор неизменно сопровождал великого путешественника в его странствиях по Центральной Азии. Иринчинов, который обладал даром находить выход из самых безвыходных ситуаций, стал в какой-то мере его талисманом, и Пржевальский, обычно скупой на похвалу, называл его Дидоном Мудрым и посвятил кяхтинскому казаку много благодарственных строк в своих отчетах. Дело при этом не ограничилось одним лишь словесным одобрением. Заслуги простого забайкальского бурята были по достоинству оценены и в ИРГО, которое в 1881 г. наградило его своей малой серебряной медалью [16, с. 26]. К сожалению, в четвертой экспедиции по Центральной Азии между Иринчиновым и Пржевальским, уличившим его в нарушении дисциплины, возникло временное недопонимание, и отношения между ними испортились. Отказ забайкальского казака принять участие в пятой экспедиции Пржевальского, оказавшейся для него последней, произвел на великого путешественника удручающее впечатление, ибо достойной замены своему бурятскому спутнику он так и не нашел. Дальнейшая судьба Дондока Гуржаповича изучена слабо. Известно лишь, что он был избран почетным судьей Шарагольской станицы. В Цаган-Челутае и в других районах Республики Бурятия продолжают жить его прямые потомки – Цыренжап Иванович Ринчинов, Цыден Иванович Ринчинов и Дарима Ивановна Тунглакова [19]. Местные краеведы тем временем не оставляют надежды увековечить его память должным образом. Не так давно их стараниями, к примеру, была воссоздана изба Иринчинова, которую в Кяхтинском районе вполне в духе времени планируют превратить в туристический объект.

Если Дондок Иринчинов «довольствовался» серебряной медалью ИРГО и благодарственными строками в произведениях Н.М. Пржевальского, то два других проводника-буряты, Гомбо Шагдуров и Элбек-Доржи Чердонов, приобрели, без преувеличения, всемирную славу. Знаменитый шведский путешественник Свен Гедин даже посвятил им свою книгу «Тарим – Лоб-Нор – Тибет: Путешествие по Азии 1899–1902 г.», написанную им по результатам экспедиции в Тибет [7]. Несмотря на то что он с благодарностью отзывался почти обо всех своих проводниках, только Шагдуров, который кроме всего прочего исполнял обязанности метеоролога, и Чердонов, которого сам Гедин называл «своей правой рукой», удостоились подобной чести от прославленного исследователя. Немаловажно и то, что их вклад отметили также шведский король Оскар, наградивший двух забайкальцев золотыми медалями, и император Николай II, вручивший им ордена Св. Анны [18]. К великому сожалению, имена двух бурятских казаков мало известны на их родине, и о том, как сложились их судьбы после окончания экспедиции Свена Гедина, нам практически ничего не известно.

На самом деле практика сопровождения иностранных научных экспедиций по Центральной Азии и Китаю российскими казаками была в те годы распространена довольно широко. При этом взаимодействие путешественников и проводников не всегда оказывалось настолько гладким и эффективным, как это было в случае с Шагдуровым и Чердоновым, которые в конце концов оказались героями специальной серии открыток, выпущенных в Европе по мотивам экспедиции. Довольно грустная история, к примеру, приключилась с оренбургскими казаками, направленными сопровождать немецких естествоиспытателей Футтерера и Гольдерера в их путешествии по Синьцзяну. Николай Петров, Хафиз Яшиев и Гатаулла Койбагаров не просто не удостоились славы и не получили награды за свои труды, но и претерпели серьезные лишения и с большим трудом смогли вернуться к себе домой. Немецкие путешественники, в свою очередь, также не могли скрыть своего разочарования и избавились от сопровождающих их оренбургских казаков при первой возможности [26, с. 919–942].

В противоположность этому, отзывы о проводниках-бурятах были, как правило, положительными, и все последующие российские экспедиции в Центральной Азии включали их в свой состав. К примеру, в Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг., проходившей под руководством П.К. Козлова, приняли участие препаратор Арья Мадаев из улуса Гуджертуй, конвоиры Бу-

янты Мадаев и Бабасан Содбоев из улуса Шарогол, а также переводчик с монгольского Гомбожап Бадмажапов из Цаган-Челутая. На страницах своего экспедиционного дневника Петр Кузьмич не жалеет добрых слов в адрес своих бурятских спутников, постоянно подчеркивая их вклад в успех экспедиции [9, с. 27].

Особняком в этом ряду бурятских переводчиков и проводников, сыгравших существенную роль в исследованиях Центральной Азии, стоит фигура Цокто Гармаевича Бадмажапова (1879–1937). Уроженец казачьей станицы Шарагол Троицкосавского уезда, он окончил приходскую школу и грамотно изъяснялся на русском языке, при этом мог также неплохо говорить по-монгольски в связи с тем, что еще с детства помогал местным скотопромышленникам перегонять скот в Монголию. Сплав двух культур, помноженный на природную сметливость и интерес к окружающему миру, был дополнен случайностью, благодаря которой молодой Цокто оказался в составе Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг., в ходе которой смог проявить свои лучшие качества и заслужить доверие путешественника. Именно по его ходатайству Бадмажапов после окончания исследований стал доверенным лицом крупного кяхтинского торгового дома «Собенников и братья Молчановы» и переехал на новое место жительства в Алашанское княжество, расположенное в северо-западной части Китая, на южной окраине пустыни Гоби.

Несмотря на то что данная работа предоставляла ему возможность безбедного существования, природная любознательность и амбиции настоящего исследователя не позволяли Цокто Гармаевичу ограничить себя ролью успешного коммивояжера, и он просит своего научного покровителя посодействовать своему превращению в «какого-нибудь неофициального агента» [2]. Наблюдательность, скрупулезность и свободное владение иностранными языками способствовали тому, что его донесения заинтересовали и Генеральный штаб, и российского посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, остро нуждавшихся в надежной, проверенной информации. Молодой бурятский переводчик и торговый агент, который оказался к тому же неплохим дипломатом и завел множество полезных связей во Внутренней Монголии, Маньчжурии и даже Пекине, стал в дальнейшем неоценимым помощником и для самого П.К. Козлова. Маститый ученый благодаря его грамотно составленным запискам и метким наблюдениям мог подерживать свой образ эксперта в том, что касается событий в Центральной Азии [2].

В конечном итоге Цокто Бадмажапов и вовсе привел Козлова к всемирной славе. Страстно меч-

тая о собственном научном открытии, он, благодаря своим связям, узнал о точном местоположении затерянного в песках города Хара-Хото, столицы исчезнувшего тангутского государства Си Ся, о существовании которого упоминали до этого другие российские путешественники – в 1886 г. Г.Н. Потанин и в 1901 г. В.А. Обручев. В отличие от их докладов, в которых содержалась лишь самая краткая информация о бытовавших среди монголов Алашани легендах о «запретном городе» в пустыне и его сокровищах, Ц.Г. Бадмажапов смог лично осмотреть развалины и сделать несколько фотографий, составив подробное и систематичное описание увиденного. На основании всех полученных материалов он подготовил сообщение для ИРГО, в текст которого включил местные предания о Хара-Хото, воссоздав его краткую историю.

По сути, Бадмажапов совершил важнейшее научное открытие и при этом не только представил всю необходимую информацию своему «покровителю» Козлову, но и отправил доклад напрямую вице-председателю ИРГО П.П. Семенову-Тян-Шанскому, а также в Главный штаб. Однако в Санкт-Петербурге было решено делу хода не давать, а вместо этого отправить в пески Алашани экспедицию во главе с П.К. Козловым, который и стал в итоге известен как первооткрыватель бывшей столицы Си Ся. Справедливость была восстановлена лишь на рубеже XX–XXI вв. благодаря бурятским ученым Ш.Б. Чимитжоржиеву, Г.Н. Зятуеву и Н.В. Ким [25], а также А.И. Андрееву, петербургскому историку, директору Музея-квартиры П.К. Козлова. На основе архивных документов и сохранившихся дневниковых записей, а также переписки Козлова с Бадмажаповым они смогли реконструировать подлинную историю обнаружения Хара-Хото и убедительно доказать, что бурятский проводник и переводчик стал автором важнейшего географического открытия. Самому Козлову, который, воспользовавшись докладом своего товарища, в 1908 г. исследовал и подробно описал Хара-Хото, были оказаны почести на самом высоком уровне, он получил аудиенцию у императора Николая II, а его вклад в исследование Центральной Азии был по достоинству оценен и в России, и за ее пределами. Цокто же Бадмажапову, который и до, и после экспедиции Козлова тщетно пытался добиться признания своих заслуг, было в этом категорически отказано. ИРГО ограничилось награждением его серебряной медалью; кроме того, первооткрыватель Хара-Хото был награжден орденом Св. Анны.

Произошедшее выглядит особенно несправедливым с учетом того, что Бадмажапов не просто снабдил Козлова всей необходимой информацией о затерянном городе и подробными инструкциями по его поиску, но и во многом обеспечил успех его

поездки в Хара-Хото. О важной роли Цокто Гармаевича, а также его младшего брата Гомбожапа, который также принимал участие в той экспедиции, можно найти множество упоминаний в дневниках самого Петра Кузьмича Козлова [9, с. 105, 108, 109, 116, 139]. В ходе их прочтения создается ощущение, что именно своему бурятскому коллеге он обязан тем, что российской экспедиции удалось заручиться поддержкой местных властей и в конце концов не только отыскать развалины Хара-Хото, но и доставить бесценные находки, которые были там сделаны, в Санкт-Петербург. Врожденная дипломатичность, наличие обширных связей в Монголии и Китае, а также способность решать самые щекотливые вопросы в том, что касается взаимоотношения с местным населением, позволяют считать Ц.Г. Бадмажапова полноправным соавтором успеха Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлова.

Впрочем, если в том, что касается научной славы, амбиции Бадмажапова при жизни так и не реализовались, то в вопросах карьерного продвижения и материального благополучия Цокто Гармаевич преуспел, при этом во многом благодаря сотрудничеству и многолетней дружбе с П.К. Козловым. По протекции великого русского путешественника он стал работать в Чите при канцелярии Военного губернатора Восточной Сибири, а затем перешел на службу в отделение торгового дома Нобеля. После Октябрьской революции, как и многие его соотечественники, стоявшие у истоков монгольской государственности, Бадмажапов переехал в Улан-Батор, где сделал блестящую карьеру чиновника и управленца. В 1925–1931 гг. он работал в правлении Центрального потребительского кооператива Монголии, был советником министра юстиции, а в конце концов дослужился до должности руководителя Монголстроя. Интересно, что и в Улан-Баторе Бадмажапов оказался полезен Козлову, который в 1923–1926 гг. застрял здесь в ожидании разрешения на путешествие в Тибет и в конце концов вынужден был ограничиться исследованием курганов Ноин-Ула в окрестностях столицы Монголии. Все это время он пользовался гостеприимством Цокто Гармаевича, улан-баторский дом которого являлся важным центром культурной и общественной жизни страны. Не случайно позднее в его стенах размещалось посольство Тувинской Народной Республики в Монголии, а в 1950-х гг. был открыт Музей истории Улан-Батора, который действует там вплоть до настоящего времени.

Последние годы жизни этого, возможно, самого яркого представителя когорты бурят-проводников географических экспедиций оказались трагическими. Вскоре после возвращения в СССР

в 1931 г. он был осужден на пять лет лагерей и отбывал свой срок в Туруханске и Сыктывкаре. Освободившись, но практически лишившись к этому моменту зрения, Цокто Гармаевич обрел временный приют у бурятской общины в Ленинграде, где, как говорят, ему вплоть до собственной смерти, наступившей в 1935 г., помогал все тот же Петр Кузьмич Козлов [2]. В 1937 г. Бадмажапов был снова арестован, обвинен в причастности к «контрреволюционной шпионской диверсионно-иностранный организации» и 3 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 15 декабря 1937 г. в Новосибирске. Реабилитирован он был посмертно, в 1957 г., «за отсутствием состава преступления».

Судьбы детей Цокто Бадмажапова сложились по-разному, однако никто из них не продолжил дело его жизни. С одной стороны, это было связано с тем, что все члены его семьи считались родственниками «врага народа» и потому старались лишиться раз об отце не упоминать. С другой же, в новой исторической реальности уже не осталось места для таких личностей, каким был при жизни Цокто Гармаевич. Его второй женой в Монголии стала Ида Павловна Йекель, немка по национальности. Старшие дочери от этого брака были также арестованы, сын, Гава Бадмажапов, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, был награжден несколькими медалями, однако в гражданстве СССР ему было в конце концов все же отказано. Младшая дочь Осор-Джама до сих пор проживает в Улан-Баторе, но об отце практически ничего не знает [22]. Сын Ц.Г. Бадмажапова от первого брака, Николай Цоктоевич, получил образование в церковно-приходской школе, служил в рядах Советской армии, после чего большую часть своей жизни проработал бухгалтером в родном для отца Шараголе. Про своего знаменитого предка, к тому времени реабилитированного, старался никому не рассказывать, потому его внук, Сергей Николаевич Бадмажапов, ныне пенсионер, узнал о деде из краеведческой литературы (Полевые материалы автор, далее – ПМА. 2022 г.). Некоторые из его детей и внуков, как и он сам в свое время, работают в силовых структурах, однако наследниками славы своего именитого предшественника себя не считают. Возможно, причиной этому является то, что память о Ц.Г. Бадмажапове никак не увековечена на его родине, в Бурятии. Лишь его бывший дом в с. Кудара-сомон, который ныне служит сельской библиотекой, напоминает редким посетителям о том, что в свое время здесь, в приграничных степях Забайкалья, выросла целая плеяда выдающихся исследователей из числа местных жителей. Они прославили родную землю

не только тем, что сопровождали русских путешественников в их экспедициях по Центральной Азии, но и тем, что сами стали соавторами многих географических открытий.

Предпосылки феномена

Для того чтобы понять, как и почему из среды забайкальских бурят вышло значительное количество высококлассных проводников, часть из которых даже оставили свой след в науке, следует вспомнить о том, что представляла собой Кяхта-Троицкосавск во второй половине XIX в. К тому времени уже на протяжении более чем ста лет здесь находился крупнейший торговый центр Азиатской России. Первые международные торги в Кяхте, основанной в 1727 г. графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским, прошли уже в августе 1728 г., спустя год после подписания Кяхтинского договора, определившего на этом участке границу между Россией и Китаем, а также порядок осуществления торговых сношений между двумя странами. Близнец Кяхты китайский город Маймачен появился по ту сторону границы спустя пять лет. Еще через десять лет Кяхта получила статус торговой слободы [14, с. 15], а в 1772 г. она становится единственным пунктом, через который могла осуществляться торговля между Россией и Китаем. Как итог, китайский чай, спрос на который оставался стабильно высоким и в самой России, и в Европе, поставлялся почти исключительно через Кяхту. Не удивительно, что уже «в 1775 г. ее удельный вес составил 8,3% в общем внешнеторговом товарообороте России» [21, с. 187]. В дальнейшем доходы кяхтинских купцов лишь росли, и если на заре чайной торговли ежегодный объем импорта этого товара равнялся 10–11 тыс. пудов, то к середине XIX в. этот показатель превышал отметку в 400 тыс. пудов в год [14, с. 59]. Не удивительно, что и сама торговая слобода, расположенная непосредственно на границе с Китаем, и находившийся поблизости от нее Троицкосавск росли впечатляющими темпами.

Основную выгоду в результате чайной торговли, а также, чуть в меньшей мере, торговли ревенем и пушниной получали, конечно же, сами кяхтинские купцы. Однако и для местных жителей, включая кочевавших в этом районе селенгинских бурят, трансграничная торговля принесла важные положительные изменения и обозначила новые горизонты. К примеру, традиционное скотоводство стало приобретать товарные черты. «Кочевники постепенно втягивались в торговые отношения, экономика бурятских хозяйств понемногу стала ориентироваться на рынок» [5, с. 63]. Обнаружив, что продукты животноводства можно использовать не только для собственного потреб-

ления, но и для приобретения других товаров, которые раньше были им недоступны, буряты принялись с энтузиазмом разводить скот на продажу. В свою очередь, вовлечение кочевников в современные товарно-денежные отношения и появившиеся, в связи с этим новые возможности привели к тому, что кругозор коренного населения Забайкалья стремительно расширялся, внутренний мир кочевников усложнялся, а потребности в знаниях об окружающем мире постоянно возрастали.

Многие путешественники отмечали, что забайкальские буряты обладают пытливым умом и стремятся к знаниям, при этом отличаются еще и природной сметливостью [17]. Все эти похвальные качества, однако, не могли бы найти себе достойного применения в том случае, если бы буряты проживали вдалеке от крупных центров международной торговли. Близость же Кяхты-Троицкосавска, а также образ жизни и склад характера местного купечества, которое вкладывало существенную часть прибыли в строительство школ, музеев и театров, привели к тому, что стремление коренных жителей к современному, европейскому образованию подкреплялось реальной возможностью его получения. «По количеству образовательных учреждений Кяхта в середине XIX в. занимала одно из первых мест не только в Сибири, но и в европейской России» [14, с. 114]. При этом преподавание здесь велось на очень высоком уровне, и китайский язык, к примеру, преподавал всемирно известный синолог отец Иакинф Бичурин. Получение образования для коренного населения Забайкалья стало еще более доступным после того, как в 1833 г. здесь была открыта войсковая русско-монгольская школа. Она содержалась на средства бурятских казачьих полков и в ее стенах могли обучаться дети бурятских казаков и ясачных бурят.

События второй половины XIX – начала XX вв., включая Опиумные войны, строительство Суэцкого канала, а также запуск движения по Транссибу и КВЖД, подорвали экономическое могущество Кяхты, однако благодаря созданной здесь до этого образовательной базе она довольно безболезненно превратилась из по преимуществу торгового и коммерческого центра в важный военный и научный центр. Связано это было с тем, что в то время определенные круги в руководстве России стали всерьез присматриваться к окраинным территориям Китая и вынашивать планы включения их в сферу российского влияния, а, возможно, и в состав России [23]. В авангарде этого «движения на Восток» оказались ученые, которые имели возможность, используя свой научный статус, собирать ценные военные и политические сведения о тех регионах Цинской империи, где власть Пекина была недостаточно крепкой, и о которых у европейцев не было в то время

надежной информации. В этой ситуации именно Кяхта ожидаемо превратилась в средоточие научно-исследовательской деятельности.

Еще до того, как это произошло, многочисленным торговым караванам, останавливавшимся здесь по дороге в Монголию и Китай, требовались опытные проводники и надежная охрана. Превосходное знание местности и владение восточными языками, которые давали местным бурятам преимущество перед русскими казаками, были в этой ситуации широко востребованы. С немалой пользой для себя они обеспечивали бесперебойность международной торговли на этом важнейшем участке государственной границы, а на их услуги отмечался стабильно высокий спрос. В условиях трансформации Кяхты-Троицкосавска из коммерческого центра в центр научной выносливые, привычные к кочевой жизни в условиях степей и полупустынь, при этом уже хорошо знакомые и с европейской культурой, буряты стали настоящей находкой и неоценимыми помощниками для исследователей. Их знание караванных троп и способность находить решение в самых безвыходных ситуациях не раз спасали жизни членов экспедиций, о чем в своих сочинениях писали Пржевальский и Козлов. Владение же монгольским, а иногда еще и тибетским языком, близкое знакомство с особенностями жизненного уклада и понимание менталитета народов Центральной Азии, которое было всегда присуще бурятам, помогали руководителям экспедиций налаживать взаимодействие с местными жителями и избегать конфликтов. В то же время опыт казачьей службы, знакомство с передовыми достижениями науки и техники, а также понимание европейских порядков и обычаев гарантировали полное взаимопонимание между проводниками и исследователями [11, с. 225].

В конечном итоге уникальный сплав степной культуры, современного образования и коммерческих возможностей, который стал возможным благодаря развитию трансграничной торговли в Кяхте, и создал предпосылки для появления здесь первоклассных переводчиков и проводников. В то же время спрос на них рос по мере увеличения числа, масштаба и сложности географических экспедиций, избравших этот приграничный город точкой старта и финиша на путях по Центральной Азии. Это удачное сочетание спроса и предложения и явилось основой появления такого уникального историко-культурного феномена, как кяхтинские проводники.

Эпилог

Как было отмечено, важнейшими факторами, обусловившими появление в приграничных районах Забайкалья профессиональных проводников

географических экспедиций из числа бурят, стали экономический бум в регионе, базой для которого являлась торговля с Китаем, а также практика инвестирования существенной части прибыли в культуру и образование. В свою очередь, это гарантировало появление прослойки людей, совмещавших традиционные и современные знания. К сожалению, потенциал приграничной торговли, которая в прошлом позволяла трансформировать приграничные районы Южной Сибири в территорию экономического процветания, обеспечивая одновременно и ее хозяйственное развитие, и сохранение народной культуры, и внешнеполитический ресурс для расширения российской сферы влияния, в настоящее время практически не используется. Свидетельством тому – плачевное положение, в котором находится некогда процветавшая Кяхта. Приходит в негодность ее величественный Гостиный двор, давно превратились в руины внушительные купеческие особняки, а также театры и соборы этой «песчаной Венеции». В отличие от ситуации XVIII–XIX вв. город не может считаться важным центром образования и культуры. По этой причине он не способен привлечь к себе молодых, амбициозных и активных представителей молодежи, которые все чаще предпочитают уезжать в соседние регионы и именно там строить свою карьеру (ПМА. 2023 г.).

С другой стороны, канули в лету и масштабные географические экспедиции. Китай в последние годы является нашим стратегическим партнером, при этом сами китайские ученые достигли впечатляющих результатов в деле познания и преобразования собственной страны и не нуждаются больше в советах заезжих путешественников. Другими словами, в Забайкалье нет больше ни спроса на грамотных проводников, способных достать в пустыне воду, договориться с племенными вождями или обнаружить развалины заброшенного города, ни предложения таких услуг со стороны местных жителей. И в этом смысле феномен кяхтинских проводников давно принадлежит истории.

Вместе с тем ситуация, когда наши современники – за исключением узкого круга специалистов и краеведов – не осведомлены о героическом прошлом бурят-проводников, а имена Дондока Иринчинова, Гомбо Шагдунова или Цокто Гомбожапова мало кому известны ныне даже в Бурятии, вызывает сожаление (ПМА. 2023 г.). Еще меньше об этом известно за рубежом, притом что имена Пржевальского и Козлова популярны и на Западе, и в Китае, а бурятских проводников в свое время лично награждали европейские монархи. Представляется, что в эпоху, когда вопросы укрепления культурных и гуманитарных связей со странами Востока выходят на

передний план, актуализация исторической памяти об этом феномене является насущной необходимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.И. Российские экспедиции в Центральной Азии (1870–1920 гг.): научные и военно-политические аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 4. С. 103–109.
2. Андреев А.И. Мертвый город Хара-Хото был открыт дважды. Документальное расследование // Наука из первых рук. 2020. № 2. С. 72–95.
3. Арсеньев В.К. Дерсу Узала: из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток: Свободная Россия, 1923.
4. Афанасьева Н. Дело всей жизни // Охотско-эвенская правда. 2001. 18 декабря.
5. Бабаков В.В. Влияние кяхтинской чайной торговли на товарность скотоводческого хозяйства селенгинских бурят в XVIII в. // Кяхта – национальное достояние России: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Кяхтинского района и 290-летию г. Кяхта (г. Кяхта, 10–12 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. С. 61–64.
6. Вайнштейн С.И. Загадочная Тува. Абакан, 2009.
7. Гедин С.А. Тарим – Лоб-Нор – Тибет: Путешествие по Азии, 1899–1902 г. СПб.: А.Ф. Девриен, 1904.
8. Давыдов В.Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб.: Кунсткамера, 2013. С. 267–280.
9. Козлов П.К. Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции. 1907–1909. СПб.: Нестор-История, 2015.
10. Михалев М.С. «Каюры XXI века» и индигенные стратегии деколонизации пространства // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 125–142.
11. Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСа РАН, 2023.
12. Москаленко Н.П. Метаморфозы «тувинского поля» // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 31–41.
13. Мукаева Л.Н. Горно-алтайские проводники в изыскательных экспедициях досоветского времени (к постановке проблемы) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической

конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 340–348.

14. Необычайная Кяхта. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2018.

15. Очиров Ц.Р. Сыновья из улуса Цаган-Челутай // Кяхтинские вести. 2020. № 40. URL: <https://khtvesti.com/articles/media/2020/10/2/syino-vya-iz-ulusa-tsagan-chelutaj/?ysclid=lvu0k5ng83556180049>

16. Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012). М.: РГО, 2012.

17. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.

18. Раднаев Б. Забайкальцы в экспедиции Свена Гедина // Буряад Үнэн. 2020. 20 октября. URL: <https://burunen.ru/news/culture/72839-zabaykaltsy-v-ekspeditsii-svena-gedina/>

19. Ринчинов Дондок Гуржапович // Летопись Кяхтинского района. URL: <https://letopis-kyahtha.ru/2023/07/10/rinchinov-dondok-gurzharovich/>

20. Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Эксмо, 2017.

21. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1947.

22. Сундужева Д. Из семейного альбома Осор-Джама гуай // Толон. 2020. 9 апреля. URL: <http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kh-nej-khubi/1092-iz-semejnego-alboma-osor-dzhamag-uaj>

23. Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма: к походу англичан в Тибет. Конец XIX века. М.: URSS, 2011.

24. Федосеев Г.А. В тисках Джугдыра. М.: Вече, 2017.

25. Чимитдоржиев Ш.Б. Цокто Бадмажапов – первооткрыватель «мертвого» города Хара-Хото. Улан-Удэ, 2006.

26. Юдин М.Л. Невольные путешественники (приключения трех оренбургских казаков в Китае) // Исторический вестник. 1901. № 9. С. 919–942.

REFERENCES

1. Andreev, A.I., 2012. Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'noi Azii (1870–1920): nauchnye i voenno-politicheskie aspekty [Russian expeditions in Central Asia (1870–1920): scientific, military and political aspects], Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, no. 4, pp. 103–109. (in Russ.)

2. Andreev, A.I., 2020. Mertvyi gorod Khara-Khoto byl otkryt dvazhdy. Dokumental'noe rassledovanie [The dead city of Haro-Hoto was discovered twice: a documentary investigation], Nauka iz pervykh ruk, no. 2, pp. 72–95. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1923. Dersu Uzala: iz vospominanii o puteshestvii po Ussuriiskomu krayu v 1907 godu [Dersu Uzala: from memories after the journey through the Ussuri Krai in 1907]. Vladivostok: Svoobodnaya Rossiya. (in Russ.)

4. Afanasieva, N., 2001. Delo vsei zhizni [A life's work], Okhotsko-evenskaya pravda, December 18. (in Russ.)

5. Babakov, V.V., 2018. Vliyanie kyakhtinskoj chainoi trgovli na tovarnost' skotovodcheskogo khozyaistva selenginskikh buryat v XVIII v. [The influence of the Kyakhta tea trade on the commercial value of the Selenga Buryat cattle breeding economy in XVIIIth century]. In: Kyakhta – natsional'noe dostoyanie Rossii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu Kyakhtinskogo raiona i 290-letiyu goroda Kyakhta (g. Kyakhta, 10–12 iyunya 2018 g.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2018, pp. 61–64. (in Russ.)

6. Vainshtein, S.I., 2009. Zagadochnaya Tuva [Mysterious Tuva]. Abakan. (in Russ.)

7. Gedin, S.A., 1904. Tarim – Lob-Nor – Tibet: Puteshestvie po Azii, 1899–1902 [Tarim – Lop Nor – Tibet: Travel to Asia, 1899–1902]. Sankt-Peterburg: A.F. Devrien. (in Russ.)

8. Davydov, V.N., 2013. Vlast' provodnika: kayury-evenki i ispol'zovanie olenogo transporta na Severnom Baikale [Power of the guide: Evenki kayurs and reindeer transportation in the northern Baikal region]. In: Popov, V.A. ed., 2013. Rannie formy potestarnykh system. Sankt-Peterburg: Kunstkamera, pp. 267–280. (in Russ.)

9. Kozlov, P.K., 2015. Dnevniki Mongolo-Sychuan'skoi ekspeditsii. 1907–1909 [The diaries of the Mongol-Sichuan expedition, 1907–1909]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)

10. Mikhalev, M.S., 2023. «Kayury XXI veka» i indigennye strategii dekolonizatsii prostranstva [The «21st-century kayurs» and indigenous strategies of the decolonization of land], Etnograficheskoe obozrenie, no. 5, pp. 125–142. (in Russ.)

11. Mikhalev, M.S., 2023. Zasechnaya cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaya Sibir' i evraziiskaya integratsiya [Fortified line of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian integration]. Moskva: IKSA RAN. (in Russ.)

12. Moskalenko, N.P., 2023. Metamorfozy tuvinskogo polya [Tuvan fieldwork metamorphoses], Vestnik antropologii, no. 1, pp. 31–41. (in Russ.)

13. Mukaeva, L.N., 2014. Gorno-altaiskie provodniki v izyskatel'nykh ekspeditsiyakh dosovetskogo vremeni (k postanovke problemy) [Altai guides in pre-Soviet expeditions (towards the formulation of the problem)]. In: Istoriya i kul'tura narodov Yugo-Zapad-

- noi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitai): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Gorno-Altai: RIO GAGU, 2014, pp. 340–348. (in Russ.)
14. Neobychainaya Kyakhta [Unusual Kyakhta]. Ulan-Ude: NovaPrint, 2018. (in Russ.)
15. Ochirov, Ts.R., 2020. Synov'ya iz ulusa Tsagan-Chelutai [Sons from Tsagan-Chelutay ulus]. URL: <https://khtvesti.com/articles/media/2020/10/2/synovyay-iz-ulusa-tsagan-chelutaj/?ysclid=lvy0k5ng83556180049> (in Russ.)
16. Perechen' nagrazhdennykh znakami otlichiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845–2012) [List of awarded the insignia of the Russian Geographical Society, 1845–2012]. Moskva: RGO, 2012. (in Russ.)
17. Potanina, A.V., 1895. Iz puteshestvii po Vostochnoi Sibiri, Mongolii, Tibetu i Kitayu [From a trip to Eastern Siberia, Mongolia, Tibet, and China]. Moskva. (in Russ.)
18. Radnaev, B., 2020. Zabaikal'tsy v ekspeditsii Svena Gedina [Transbaikalians in Sven Hedin's expedition]. URL: <https://burunen.ru/news/culture/72839-zabaykaltsy-v-ekspeditsii-svena-gedina/> (in Russ.)
19. Rinchinov Dondok Gurzhapovich [Rinchinov Dondok Gurzhapovich]. URL: <https://letopiskyah.ru/2023/07/10/rinchinov-dondok-gurzhapovich/> (in Russ.)
20. Sarychev, G.A., 2017. Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po Severo-Vostochnoi chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu [The voyage of Captain of the Fleet Sarychev round the north-eastern part of Siberia, the Arctic Ocean and the Pacific]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)
21. Silin, E.P., 1947. Kyakhta v XVIII veke: iz istorii rusko-kitaiskoi trgovli [Kyakhta in the XVIIIth century: from the history of Russia-China trade]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izd-vo. (in Russ.)
22. Sundueva, D., 2020. Iz semeinogo al'boma Osor-Dzhama Guai [From the family album of Osor-Dzhama Guai]. URL: <http://gazeta-tolon.ru/index.php/rubrika/kh-nej-khubi/1092-iz-semejnego-alboma-osor-dzhama-guai> (in Russ.)
23. Ukhtomskii, E.E., 2011. Iz oblasti lamaizma: k pokhodu anglichan v Tibet. Konets XIX veka [From the area of Lamaism: on British expedition to Tibet (the end of the XIXth century)]. Moskva: URSS. (in Russ.)
24. Fedoev, G.A., 2017. V tiskakh Dzhugdyra [In the grip of Dzhugdyr]. Moskva: Veche. (in Russ.)
25. Chimitdorzhiev, Sh.B., 2006. Tsokto Badmazhapov – pervootkryvatel' mertvogo goroda Khara-Khoto [Tsokto Badmazhapov, the discoverer of the dead city of Khara-Khoto]. Ulan-Ude. (in Russ.)
26. Yudin, M.L., 1901. Nevol'nye puteshestvenniki (priklyucheniya trekh orenburgskikh kazakov v Kitae) [Involuntary travelers (the adventures of three Orenburg Cossacks in China)], Istoricheskii vestnik, no. 9, pp. 919–942. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 14.10.2024;
рекомендована к печати 03.11.2024*

УДК 94(57)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/39-46>

В.Д. Большаков*

КАЗАКИ-БУДДИСТЫ БУРЯТИИ:
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Статья посвящена истории бурятского казачества и исторической памяти о нем в современной Бурятии. Автор показывает, что события Гражданской войны и политика Советской власти в отношении казачества привели к утрате многих исторических сведений о бурятах-казаках. В связи с этим их современные потомки, пытаясь возродить и укрепить свою этноконфессиональную идентичность, за неимением точной информации вынужденно обращаются к созданию собственных нарративов о героических подвигах предков. Основой для их создания служат немногочисленные сохранившиеся семейные легенды, а также сведения из научной литературы и публицистики.

Ключевые слова: буряты-казаки, казаки-буддисты, Республика Бурятия, историческая память

Buddhist Cossacks of Buryatia: the features of historical memory. VSEVOLOD D. BOLSHAKOV (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The article deals with the history of the Buryat Cossacks and the historical memory of them in modern Buryatia. The author shows that the events of the Civil War and the policy of the Soviet government towards the Cossacks led to the loss of much historical information about the Buryat Cossacks. In this regard, their modern descendants, trying to revive and strengthen their ethno-confessional identity, due to the lack of accurate information, are forced to create their own narratives about the heroic deeds of their ancestors. The basis for their creation are the few surviving family legends, as well as information from research and popular literature.

Keywords: Buryat Cossacks, Buddhist Cossacks, Republic of Buryatia, historical memory

**Историческая память как ресурс
идентичности**

Историческая память и представления о ней занимают особое место в сознании любой нации, этнической или этносоциальной группы. Процессы сохранения и репрезентации различных традиций и обычаев зачастую связаны с наличием мифа или эпоса, повествующего о тех или иных

героях и событиях, а также их важности в исторической перспективе для указанной группы людей. Историческая память – явление, сложно поддающееся концептуализации, ее можно охарактеризовать как совокупность воспоминаний, знаний, мнений, представлений о событиях прошлого определенной общности людей. Одна из основных функций исторической памяти – это

* БОЛЬШАКОВ Всеволод Дмитриевич, аналитик Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, bvd68@yahoo.com

© Большаков В.Д., 2024

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

сплочение существующей социальной группы на основе коллективной памяти, которая, в свою очередь, по-своему находит отклик у каждого члена группы. Пьер Нора, французский историк и основоположник теории «мест памяти», считал, что «существует столько же памятей, сколько и социальных групп» [14, с. 20]. Таким образом, любая социальная группа может обладать собственной версией исторической памяти. Процессы выстраивания этнической или национальной идентичности часто связаны как раз с наличием и проработанностью исторической памяти.

Важным звеном в выстраивании нарратива для создания и поддержания идентичности являются истории об исторических героях. Эти герои могут быть как мифическими, так и в действительности существовавшими, но и тех, и других объединяет одно: они закрепляются в общественном сознании и памяти, а легенды об их подвигах и жизненном пути фиксируются как в устном народном творчестве, так и в литературной традиции. Процессы выстраивания идентичности на основе нарративов об исторических и мифических героях могут осуществляться естественным и искусственным путем. Первый предполагает передачу мифов и легенд внутри семьи, народное творчество, устные предания и т.д. Второй путь – это взятие на вооружение существующих или существовавших легенд и их использование для выстраивания нарратива. В данной работе речь пойдет об исторической памяти современных казаков-бурят – этноконфессиональной группы, которая выстраивает свою идентичность на основе нарратива о героическом прошлом своих предков.

История бурятского казачества

В ходе завоевания и освоения Сибири русские первопроходцы проделали огромный путь, дойдя от предгорий Урала до побережья Тихого океана. На своем пути они встречали местное население и сталкивались с его уникальными культурными особенностями, а также разнообразными социально-экономическими условиями и политической обстановкой на местах. В середине XVII в. первые отряды русских казаков, наслышанных о богатстве края, прибыли в Забайкалье, где столкнулись с разрозненными племенами бурят и эвенков. В 1644 г. произошло знаковое событие – встреча русского казака Константина Москвитина с бурят-монгольским князем Турухаем Табуном, который довольно благосклонно отнесся к иноземцам, сообщив им, что в его землях нет ни серебра, ни золота. Существует мнение, что Турухай попросил казаков передать весть о его готовности присягнуть русскому царю [7, с. 61]. Есть основания полагать, что этот шаг бурятского князя был обусловлен военно-политической ситуацией в ме-

стах его кочевания. С одной стороны, Турухаю была необходима поддержка в борьбе со своими внутренними политическими оппонентами, с другой – Забайкалье граничило с империей Цин, которая, в свою очередь, демонстрировала определенные притязания на вышеупомянутые земли. С точки зрения казачьих отрядов такой союз также был выгоден – тесные связи с местными политическими лидерами способствовали облегчению их закрепления на новой территории. Так или иначе, можно предположить, что столкновение русских казаков с отрядом Турухая задало вектор развития русско-бурятских отношений на долгие годы вперед и сыграло большую роль в становлении и укреплении казачества в регионе.

В 1685 г. было принято решение отправить в Забайкалье отряд Федора Головина, одного из ближайших соратников Петра I, с целью наведения порядка и обеспечения безопасности на этой территории. Вскоре к его отряду присоединились отдельные бурятские и тунгусские воины, и уже в 1688 г. селенгинские и хоринские буряты заключили с Головиным договор о вечном подданстве России с обязательством выплачивать ясак [4, с. 191].

С середины 1670-х гг. буряты во главе с Ухин-Зайсаном, влиятельным представителем цонголов, стали принимать активное участие в отражении нападений монголов [9, с. 4]. Буряты сразу же показали себя как отличные воины, которые хорошо ориентировались на местности, что сильно упрощало русским ведение боя. После первых контактов, которые не всегда были мирными, буряты теперь стали вместе с русскими участвовать в отражении набегов, служили в качестве проводников, были переводчиками и участвовали в охране дипломатических миссий.

Говоря о воинской славе, стоит вспомнить несколько исторических событий, в ходе которых местное население проявило настоящий героизм и отвагу, чем расположило к себе русскую администрацию. В августе 1689 г. в Нерчинске шли крайне сложные дипломатические переговоры между Россией и Китаем. На них обсуждались вопросы мирного сосуществования двух стран и определения границы в Забайкалье. Маньчжурские войска значительно превосходили русских по численности, несмотря на то что в состав русских частей входили бурятские и эвенкийские ратники [1, с. 50]. Условия Нерчинского договора оказались не слишком выгодными для России [5, с. 5]. Спустя три десятилетия, в 1725 г. в Забайкалье прибыл граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, в задачи которого входило подписание нового договора о границе между Россией и Китаем. В августе 1727 г. был заключен Буринский трактат, положения которого позднее

были закреплены Кяхтинским договором, окончательно определившим границу и давшим России право на беспощадную торговлю с Китаем и на открытие неофициального представительства Русской духовной миссии в Пекине [15, с. 28].

Важно подчеркнуть, что при заключении этого договора ключевую роль играли вооруженные силы каждой из сторон. Делегацию С.Л. Владиславича-Рагузинского на встрече с китайскими посланцами у реки Буры сопровождали как русские казаки, так и привлеченные инородцы. От России на этой встрече присутствовал отряд бурятских конников, в который входили родоначальники селенгинских и хоринских бурят, а также сын Ухитайши по имени Лубсан Сосой [9, с. 7]. За активную поддержку посольства на русско-китайских переговорах семь родов селенгинских бурят и одиннадцать хоринских родов были торжественно награждены особыми знаменами. Кроме этого, за особые заслуги нескольким родам была вверена обязанность вместе с русскими казаками нести охрану новосозданной границы. С.Л. Владиславич-Рагузинский высоко оценил воинские навыки и личностные качества бурят, создав почву для дальнейшего формирования бурятского казачества [11, с. 15].

К середине XVIII в. противоречия между Россией и Китаем начали нарастать с новой силой, что вынуждало русскую администрацию принимать особые меры по охране восточного участка своей границы. Несмотря на то, что государство относилось к воинам-инородцам с опаской, оно не имело другого выхода, кроме как привлечь их к охране границы наравне с малочисленными русскими отрядами. Так, 17 октября 1760 г. был издан указ о создании пятисотенного тунгусского полка под командованием эвенкийского князя Гантимура. Этот полк стал основой эвенкийского казачества. По причине того, что тунгусы жили близко к границе, было решено определить полк в пограничную охрану. Решение о привлечении эвенков к государственной службе по охране границы вызвало реакцию у других инородцев. Например, комендант Селенгинской пограничной канцелярии Варфоломей Якоби получил письмо от 14 родов селенгинских бурят, изъявивших желание служить на границе по примеру тунгусского полка. Якоби передал это прошение Сибирскому губернатору Ф. Соимонову, который в свою очередь представил его в Сенат. 30 июня (по некоторым данным – 22 июня) 1764 г. по указу Сената было создано четыре бурятских казачьих конных полка, которые разделялись по родовому признаку – Ашебагатский, Цонгольский, Атагановский и Сартульский [5, с. 189]. Это событие можно считать рождением казачьего войска, состоящего из бурят буддийского вероисповедания.

В обязанности этого войска входила регулярная деятельность по защите границ и участие в военных кампаниях. Для самих бурят это было выгодно, так как по большей части они и так проживали вблизи границ и потому просто защищали свои семьи. К тому же инородческое казачество избавлялось от уплаты ясака. Однако статус казака налагал и свои отягощающие жизнь обязанности: буряты несли службу пожизненно и должны были обеспечивать самих себя оружием, транспортом и продовольствием. На это накладывалось еще и недоверие правительства к бурятским казакам. Вплоть до середины XIX в. фиксировались попытки упразднения бурятских родовых казачьих полков. Правительство утверждало, что их нахождение в составе русской армии было лишь временной мерой на период, когда в регионе не хватало военных сил. Некоторые из современных исследователей бурятского казачества полагают, что эти попытки были продиктованы желанием стереть из памяти бурят воспоминания об их героических предках-чингизидах [2, с. 8].

Наконец, 17 марта 1851 г. было опубликовано «Положение о создании Забайкальского казачьего войска», которое фактически означало прекращение существования бурятского казачьего войска. Согласно ему, родовые бурятские полки подлежали расформированию, а их бывшие члены – перераспределению по другим подразделениям. При этом буряты были приравнены к русским казакам в правах и обязанностях, условиях жизни и правилах службы [9, с. 16–17]. После 1851 г. буряты-казаки наравне с остальными участвовали в охране границ и во всех военных операциях русского государства на Дальнем Востоке. Бурятские казаки отличились в Китайском походе 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне. На полях сражений они показали себя храбрыми и умелыми воинами, многие из них были награждены Георгиевскими крестами разных степеней [8, с. 28].

В Гражданскую войну бурятское казачество раскололось на два противоборствующих лагеря: одни выступали за советскую власть, другие же остались верны императорской власти. 16 апреля 1917 г. в Чите прошел первый казачий съезд, на котором обсуждались судьбы казачества в новых исторических обстоятельствах. Большинство голосов делегатов съезда была принята резолюция о ликвидации казачьего сословия. Летом 1917 г. прошел съезд бурятских казаков Селенгинского и Троицкосавского уезда, где также было принято решение о ликвидации бурятского казачества. В резолюции отмечалось: «Казачье сословие, как пережиток старины и следствие существования постоянных армий, должно быть уничтожено и уравнено со всеми свободными

гражданами России» [7, с. 84]. К 1921 г. Забайкальское казачье войско было официально упразднено.

Буряты-казаки на службе России

Как уже было сказано ранее, бурятские казаки преданно служили России с момента образования родовых полков в 1764 г. Пользуясь своим привилегированным положением среди остальных бурят, казаки не платили ясака, однако им приходилось принимать участие в охране границы и во всех военных кампаниях. Среди потомков бурятских казаков и всех интересующихся историей бурятского казачества ходит легенда о героическом участии казаков-бурят в Отечественной войне 1812 г. Предание гласит: «...Кони наши утоляли жажду водою из реки Сена и гарцевали по улицам Парижа» [8, с. 24]. Эта легенда переходит из уст в уста на протяжении уже нескольких поколений, о ней в свое время вспоминали и участники Русско-японской войны. Известный бурятский исследователь В. Гармаев в своей книге по истории бурятского казачества упоминал о том, что слышал эту легенду несколько раз, в частности – от своих родственников и информантов. В ходе беседы с куда-ринским казаком Бадма-Доржи Цырендоржиевым ему стало известно об истории, которую поведал казаку его отец: «...В войне 1812 года приняла участие сводная сотня из бурят-монгольских полков. Особо отличились казаки из села Цаган-Челутай – Бадма-Цырен и Агван Ранжуровы. Они проявили героизм и отвагу и вместе с русскими войсками Селенгинского полка с боями дошли до Парижа». Стоит отметить, что 41-й Селенгинский пехотный полк в самом деле существовал – он был основан Павлом I 29 ноября 1796 г. как «Селенгинский мушкетерский полк» [12, с. 5]. Однако по сей день не было найдено никаких документальных подтверждений факта участия казаков-бурят в Отечественной войне 1812 г. Тем не менее, В. Гармаев считает, что эту легенду нельзя игнорировать, а отсутствие каких-либо документов, свидетельствующих об участии бурятских казаков в сражениях войны с Наполеоном, может быть связано с тем, что правительство намеренно пыталось скрыть этот факт [8, с. 25].

В начале XX в. Россия пыталась усилить свое влияние на международной арене, в т.ч. и на отдаленных дальневосточных рубежах. Главными противниками России здесь в тот период были Японская империя и Китай. Одним из крупнейших международных конфликтов того времени стало Боксерское восстание 1899–1901 гг. На помощь китайскому правительству в борьбе с восставшими пришел Альянс восьми держав, в состав которого вошли Италия, Франция, Австро-Венгрия, США, Япония, Германия, Великобритания и

Россия [6, с. 58]. Принимало участие в этих событиях и Забайкальское казачье войско. Для бурят-казаков это было первое документально подтвержденное боевое крещение за пределами России. В русской историографии эти события известны как Китайский поход. 11 июня 1900 г. был издан указ о проведении мобилизации с целью подавления восстания на КВЖД. Под ружье были поставлены Амурский полк и Забайкальское казачье войско, включая казаков-бурят в составе Верхнеудинского полка. Объединенные войска бурятских и русских казаков занимались охраной участка строящейся Трансманьчжурской магистрали, принимали участие в сражениях в Хайларе и Цицикаре, а после этого вошли в Пекин и Мукден. Усилиями в т.ч. и воинов-забайкальцев повстанческие отряды, действовавшие на границе с Россией, были ликвидированы.

Одним из важных воспоминаний бурятских казаков о периоде Китайского похода стала история обретения бурятами ценнейшей буддийской реликвии. В момент восстания в Пекине хранилась статуя Сандалового Будды (Зандан Жуу). По преданиям, эта скульптура является единственной прижизненной скульптурой Будды. Организацией ее вывоза занимались сразу несколько человек: соржо-лама Эгитуйского дацана Гомбо-Доржо Эрдынеев, казак-переводчик Гомбо Бадмажапов и работник дипломатической миссии в Китае Найдан Гомбоев. Считается, что Гомбо Бадмажапов вместе с Найданом Гомбоевым, обладая необходимыми связями, смогли подготовить правильные документы на вывоз статуи из Пекина, а Гомбо-Доржо Эрдынеев, являясь священнослужителем, вместе с отрядом казаков-бурят доставил статую в целостности и сохранности в Эгитуйский дацан, в котором она хранится по настоящее время [10]. Таким образом, бурятские казаки не только проявили себя на поле боя, сражаясь с отрядами ихэтуаней и освобождая осажденные деревни и города, но и позаботились о сохранности важной буддийской реликвии. Буряты-казаки отличались от основной массы русских воинов – как своей внешностью, так и тем, что они знали монгольский, а иногда и китайский язык, чем производили сильное впечатление на китайские войска. Казаки-буряты были представлены к наградам за свои успехи и мужество на поле боя. Так, 26 знаков отличия 4-й степени было выделено только для бурят-казаков 3-го Верхнеудинского казачьего конного полка [8, с. 35].

Не менее значимым событием начала XX в. стала Русско-японская война. Части Забайкальского казачьего войска принимали в ней самое непосредственное участие. С первых дней казаки были брошены в бой с целью сдержать натиск вражеской стороны на горных перевалах

Ляодунского полуострова. Основной заслугой и отличительной особенностью забайкальских казаков стала тактика ведения боя – они перекрыли путь до крепости Порт-Артур, сражались в конном строю, попутно делая боевые вылазки к позициям противника. Самой успешной операцией, в которой приняли участие казаки-буряты, был Набег на Инкоу. Инкоу – город, в котором располагался глубокий тыл японской армии. Результатом дерзкого нападения бурятских казаков стал полный разгром противника на этом участке. «Буряты-ламаисты на маленьких лошадках забайкальской породы, вооруженные винтовками без штыков и шашками, мужественно дрались верхом» [9, с. 24]. Казаки воевали стойко и мужественно и в других сражениях, и не случайно 30 июня 1906 г. 1-й Верхнеудинский полк был удостоен Георгиевского знамени «За отличие в войне с Японией в 1904 и 1905 годах» [8, с. 39]. За свои успехи многие казаки были награждены государственными наградами, в частности – Георгиевскими крестами разных степеней. Самыми известными героями того времени являются Аюр Сакияев и Бадмацырен Очиров – полные кавалеры Георгиевского креста. Важно упомянуть, что казакам-бурятам выдавали особую модификацию этого креста – Георгиевский крест для нехристиан. В центре такого креста вместо фигуры Георгия Победоносца находился герб Российской империи. Это было сделано для того, чтобы не задеть чувства последователей ламаистского вероисповедания [9, с. 27].

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что бурятские казаки буддистского вероисповедания сыграли важную роль в истории нашей страны. Казаки-буряты совершили большое количество ратных подвигов, за что были удостоены высших государственных наград, а их потомки имеют полное право гордиться своими отважными предками. Но несмотря на это историческую память современного бурятского казачества нельзя назвать непротиворечивой, и дискуссии о прошлом постоянно ведутся в казачьих кругах. Трагические события Гражданской войны и последующее преследование казачества со стороны Советской власти привели к тому, что буряты утратили большую часть историй о деяниях своих предков. Многие рассказы были забыты, а артефакты уничтожены – как случайным образом, так и преднамеренно. Возвращение утраченных традиций началось лишь в начале 1990-х гг. после распада Советского Союза. В это время равнодушные казаки по всей России начали создавать казачьи общества и пытаться возродить утраченную культуру. Не стала в этом смысле исключением и Бурятия.

Историческая память современных казаков-бурят

Современное бурятское казачество является составной частью Забайкальского казачьего войска. На данный момент на территории Республики Бурятия функционирует целый ряд казачьих организаций, нацеленных на развитие и популяризацию казачьей культуры. Сейчас в Улан-Удэ действует несколько головных казачьих обществ, заведующих делами казачества во всей республике, включая «Объединение казаков по Республике Бурятия» и окружное казачье общество Республики Бурятия «Верхнеудинское». В большинстве районов республики существуют местные отделения этих организаций. Члены казачьих объединений принимают активное участие во многих просветительских мероприятиях, организованных казачьими обществами. Так, например, казаки выступают на различных фестивалях и казачьих играх, демонстрируя искусство владения шашкой и навыки верховой езды. Помимо этого, приграничные отделения оказывают помощь в охране общественного порядка на подконтрольной им территории. Добровольные дружины казаков охраняют лес от нарушителей порядка и тушат пожары. Усилиями атаманов предпринимаются попытки организации инфраструктуры для воспитания подрастающего поколения – в школах создаются казачьи классы и армейские кружки, проводятся различные массовые мероприятия патриотической направленности.

В ходе полевого исследования, проведенного в феврале – марте 2024 г., нам удалось встретиться и пообщаться с некоторыми представителями современного бурятского казачества в звании от подьесаула до казачьего генерала. Основная цель исследования заключалась в выяснении оснований исторической памяти нынешних казаков-бурят. В результате стало понятно, что в настоящий момент они переживают кризис идентичности, который, по-видимому, начался еще в середине 1990-х гг. Во многом это связано с тем, что среди современных российских казаков распространено мнение, что настоящий казак должен быть православным, что, в свою очередь, идет вразрез с мировоззрением казаков-бурят, подавляющее большинство которых исповедует буддизм [13, с. 109]. В попытке отстоять свою уникальность они обратились к прошлому, однако, как уже было сказано ранее, события Гражданской войны и политика советской власти по отношению к казачеству сделали процесс поиска информации затруднительным, в силу чего их прошлое предстает лишь в виде отрывочных сведений.

Многие информанты утверждают, что не имеют достоверных сведений о своих предках. Один из информантов так объяснял недостаток

информации: «Люди в целях собственной безопасности сжигали фотографии и памятные вещи. Все, что было известно про предков, во многих семьях было уничтожено. Моя мама даже и не помнила деда». Другой респондент, узнавший о своем казачьем происхождении только в возрасте 50 лет, рассказал схожую историю: «Кстати, фотографии у нас были. Много было. Но дело-то в чем... Ну, я помню, что маленьким пацаном был, видел фотографии предков, видел я их. А потом мать взяла и сожгла. Чтобы не подумал лишнего. Ну и все, с того времени я ничего и не знаю». Тем не менее, несмотря на то, что респондент ранее ничего не знал о своем происхождении, он все равно полагал, что может быть казаком: «...Все равно предполагал, что могу быть из казаков. Раз уж мы тут на границе живем...». После того, как информант узнал, что он потомственный казак, он принял решение вступить в местное казачье общество в г. Кяхта: «Ну, я в память о предках вступил. Раз казак мой прадед был, то надо вступить» (Полевые материалы автора, далее – ПМА. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, г. Кяхта, с. Шарагол. 2024 г.).

Таким образом, трагические события кровопролитных сражений прошлого оставили неизгладимый отпечаток в исторической памяти современных бурятских казаков. В годы Гражданской войны и во времена СССР многие артефакты намеренно уничтожались во избежание проблем с государством, а воспоминания не передавались в семьях из уст в уста – это было небезопасно. Казачья устная история лишилась большого пласта информации, что негативно повлияло на идентичность современных бурятских казаков, некоторые из которых до недавнего времени даже не знали о том, что их предки несли охрану российских границ.

Некоторым из респондентов, впрочем, повезло застать своих предков живыми: «Ну, у меня дед не любил рассказывать про это. Он был участником русско-японской войны. Что он там делал – я точно не знаю. Дед общался об этом со своими друзьями за столом в своем кругу, но я-то не знаю, о чем они говорили. У нас разрыв получился между поколениями. Потом, после революции нам всем, казакам, пришлось несладко. Все прятали свое происхождение, свое казачество... Потому что жутко преследовали». Этот информант также пришел к выводу о том, что проблема с недостатком в наши дни исторических сведений связана с гонениями на потомков казаков в Советское время, что отмечали и другие респонденты. При этом он поделился и такими воспоминаниями из своего детства: «Помню, что в детстве игрался с Георгиевским крестом. Находил штык и револьвер, вот и все». В этом случае память о предках-казаках сформировалась у респон-

дента в основном благодаря артефактам, чудом сохранившимся в тяжелые времена. В этой ситуации потомкам бурятских казаков не остается ничего иного, кроме как черпать информацию о своих предках в краеведческой литературе и журналах. Один из респондентов рассказал про своего деда: «Я помню его, хромым был... Бабушка-то говорила, что он с русско-японской войны раненый вернулся, да... Ну я вот помню, маленький был, видел, он хромым ходил». На вопрос о том, был ли его дед награжден за участие в войне, респондент ответил следующим образом: «Ну, я помню, в книге видел, там было написано, что у него был крест какой-то... Георгиевский. Лично я не видел, не знаю, врать не буду. Есть книга “Казачья Цаган-Челутая”, там написано, что он кавалер Георгиевского креста» (ПМА. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, г. Кяхта, с. Шарагол. 2024 г.).

В ходе полевого исследования было выяснено, что историческая память бурят-казаков сохраняется не только в форме устных или письменных рассказов о былых событиях. Важная роль здесь принадлежит увековечиванию памяти героических предков – благодарные потомки ставят мемориальные таблички, возрождают утраченные в прошлом исторические сведения и факты. Одним из важных факторов, формирующих историческую память современных бурят-казаков, стал буддизм. Отличное от других вероисповедание выделяет бурятских казаков на фоне остальных и является для них важной опорой при конструировании своей идентичности. Во многом по этой причине в настоящее время бурятские казаки занимаются восстановлением разобранного в 1936 г. в ходе репрессий Булдумурского дацана. Ходят слухи, что силами некоторых прихожан тех лет удалось сохранить отдельные буддийские реликвии и иные предметы. Так, один из респондентов рассказывал: «В начале 2000-х гг. мы узнали, что в этом месте был некогда казачий дацан и поехали туда исследовать местность. В ходе раскопок мы нашли несколько табличек и заржавевшие штыки» (ПМА. Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, г. Кяхта, с. Шарагол. 2024 г.). Узнав про существование дацана, местные энтузиасты и заинтересованные люди принялись восстанавливать его по немногочисленным сохранившимся атрибутам.

Казачий дацан в этом смысле является важнейшим элементом поддержания уникальной идентичности. На территории храмового комплекса установлен памятный камень, на котором написано: «Указ сената России от 30 июня 1764 г. о сформировании четырех бурятских казачьих полков: цонгольского, сартульского, атаганского, ашабагатского, в составе которого две трети были табангуты». Очевидно, что таким

образом бурятские казаки строят свою идентичность на связи с четырьмя родовыми полками, а не на общности со всем Забайкальским казачьим войском. Здесь же проводится ежегодный детский фестиваль «Табангут – народ воин», целью которого является привлечение молодежи к казачьей культуре предков. Детский казачий фестиваль, несмотря на свою педагогическую направленность, уже стал местом встречи для казаков-бурят со всей республики. Такое мероприятие помогает укреплять идентичность группы и транслировать историческую память, поскольку к каждому фестивалю приурочен выпуск очередного номера одноименного журнала, на страницах которого неравнодушные казаки делятся сохранившимися семейными историями, а также историческими сведениями, собранными из книг и архивов [3, с. 3].

Буряты-казаки стараются помнить о своем прошлом и воспроизводят историческую память через создание памятников, возрождение храмовых буддийских казачьих сооружений, проведение подобных вышеупомянутому мероприятий. При этом они, как и остальные представители российского казачества, скорее занимаются патриотическим воспитанием подрастающего поколения, нежели исполняют обязанности по охране государственных границ и поддержанию правопорядка. К сожалению, на данный момент не существует законов, позволяющих казакам официально заниматься такой деятельностью. Тем не менее, в среде казаков существует Добровольная народная дружина, участники которой ходят вместе с пограничниками в лес «партизанить», отдавая тем самым дань памяти своим предкам и укрепляя подобным образом свою идентичность.

История и нарратив

Стремясь преодолеть кризис идентичности, люди пытаются найти самих себя через обращение к событиям прошлого, к своей исторической памяти. В этом отношении буряты-казаки, являясь этноконфессиональной общностью со сложной историей, не являются исключением. Работая с семейными воспоминаниями, они пытаются возродить свою идентичность и укрепить ее. Семейная память зачастую передается от предков к своим потомкам в качестве рассказов, историй, преданий, фотографий и реликвий [16, с. 63]. Но что делать, если материальные артефакты уничтожены, а устные предания, за редким исключением, держатся в строгом секрете? В таком случае мы наблюдаем попытки воссоздания утраченных сведений путем создания нарративов, основанных на полумифических сказаниях разного рода, которые зачастую бывает сложно подтвердить или опровергнуть. В создание таких нарративов могут

внести свой вклад научная литература и публицистика, СМИ и отдельные воспоминания, сведения из которых могут интерпретироваться по-своему.

Не вызывает сомнения, что историческая память современных бурятских казаков строится на ощущении гордости за дела своих предков, участвовавших в военных операциях Российского государства и защищавших его границы. В событиях Китайского похода, Русско-японской и Первой мировой войн казаки-буряты показали себя самоотверженными и умелыми воинами, которые совершили множество подвигов во славу Отечества и заслуженно получили свои награды. Сегодня, однако, буряты-казаки могут узнать об этом в основном из литературных источников и немногочисленных легенд, сохранившихся в отдельных семьях. Так как большая часть сведений была утрачена, потомки вынуждены создавать собственную версию исторических событий – нарратив, верить ему и строить свою идентичность на его основе. Можно сказать, что именно такого рода нарратив о героическом прошлом бурятского казачества является основой их современной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрин Е.А. Военные аспекты заключения Нерчинского договора в 1689 г. // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 49–60.
2. Базаржапов В.Б. Происхождение инородческого казачества // Казачество в истории России и пограничья: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 4 декабря 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 7–10.
3. Бултумурский дацан. Табангут – народ-воин. I Детский фестиваль казаков-буддистов. Улан-Удэ: Байкал-Гео, 2017.
4. Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3-х т. Т. 1. Чита, 1916.
5. Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3-х т. Т. 2. Чита, 1916.
6. Военная энциклопедия: в 8-ми т. Т. 3. М.: Воениздат, 1995.
7. Высотина Е.А. Казачество в истории России, Забайкалья и Бурятии: учебное пособие. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011.
8. Гармаев В. История казачества Бурятии: факты, документы, биографии, стихи. Улан-Удэ: Весть, 2014.
9. Дабаин Б., Батуев Ц. Буряты-казаки на службе Отечеству. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019.
10. Жизнь на стыке веков. «Остросюжетная» судьба селенгинского казака Гомбо Бадмажапова // Журнал Asia Russia Daily. URL: <https://asiarussia.ru/persons/16429/>

11. Зуев А.С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: НГУ, 1994.

12. Материалы для истории 41-го Пехотного Селенгинского полка с 29 ноября 1796 по 29 ноября 1896 г. Луцк: Типолитография С.И. Бонка, 1896.

13. Маргоева А.Р. Казаки-буддисты: трансформация традиционной культуры в современных условиях // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 101–110.

14. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

15. Попова И.Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // Mongolica. 2013. Т. 11. С. 28–36.

16. Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4. С. 62–71.

REFERENCES

1. Bagrin, E.A., 2021. Voennye aspekty zaklyucheniya Nerchinskogo dogovora v 1689 g. [Military aspects of the Treaty of Nerchinsk conclusion in 1689], Izvestiya Vostochnogo instituta, no. 3, pp. 49–60. (in Russ.)

2. Bazarzhapov, V.B., 2010. Proiskhozhdenie inorodcheskogo kazachestva [The origin of the non-Russian Cossacks]. In: Kazachestvo v istorii Rossii i pogranich'ya: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Ulan-Ude, 4 dekabrya 2009 g.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010, pp. 7–10. (in Russ.)

3. Bultumurskii datsan. Tabangut – narod-voin. I Detskii festival' kazakov-buddistov. [Bultumur datsan Tabangut – warrior people. I Children's festival of Cossack Buddhists]. Ulan-Ude: Baikal-Geo, 2017. (in Russ.)

4. Vasil'ev, A.P., 1916. Zabaikal'skie kazaki: istoricheskii ocherk: v 3-kh t. T. 1 [Baikal Cossacks: a historical sketch: in 3 volumes. Vol. 1]. Chita. (in Russ.)

5. Vasil'ev, A.P., 1916. Zabaikal'skie kazaki: istoricheskii ocherk: v 3-kh t. T. 2 [Baikal Cossacks: a historical sketch: in 3 volumes. Vol. 2]. Chita. (in Russ.)

6. Voennaya entsiklopediya: v 8-mi t. T. 3 [Military encyclopedia: in 8 volumes. Vol. 3]. Moskva: Voenizdat, 1995. (in Russ.)

7. Vysotina, E.A., 2011. Kazachestvo v istorii Rossii, Zabaikal'ya i Buryatii: uchebnoe posobie

[Cossacks in the history of Russia, Transbaikalia and Buryatia: a textbook]. Ulan-Ude: EKOS. (in Russ.)

8. Garmaev, V., 2014. Istoriya kazachestva Buryatii: fakty, dokumenty, biografii, stikhi [History of the Cossacks of Buryatia: facts, documents, biographies, poems]. Ulan-Ude: Vest'. (in Russ.)

9. Dabain, B. and Batuev, Ts., 2019. Buryaty-kazaki na sluzhbe Otechestvu [Buryat Cossacks in the service of the Fatherland]. Ulan-Ude: NovaPrint. (in Russ.)

10. Zhizn' na styke vekov. «Ostrosyuzhetnaya» sud'ba selenginskogo kazaka Gombo Badmazhapova [Life at the crossroads of centuries. An action-packed fate of Selenga Cossack Gombo Badmazhapov]. URL: <https://asiarus-sia.ru/persons/16429/> (in Russ.)

11. Zuev, A.S., 1994. Russkoe kazachestvo Zabaikal'ya vo vtoroi chetverti XVIII – pervoi polovine XIX vv. [Russian Cossacks of Transbaikalia in the second quarter of the XVIIIth – first half of the XIXth century]. Novosibirsk: NGU. (in Russ.)

12. Materialy dlya istorii 41-go Pekhotnogo Selenginskogo polka s 29 noyabrya 1796 po 29 noyabrya 1896 g. [Materials on the history of the 41st Infantry Selenginsky Regiment from November 29, 1796 to November 29, 1896]. Lutsk: Tipolitografiya S.I. Bonka, 1896. (in Russ.)

13. Margoeva, A.R., 2022. Kazaki-buddisty: transformatsiya traditsionnoi kul'tury v sovremennykh usloviyakh [Buddhist Cossacks: the transformation of traditional culture in modern conditions], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 23, no. 4, pp. 101–110. (in Russ.)

14. Nora, P., Ozouf, M., de Puymege, G. and Winock, M., 1999. Frantsiya-pamyat' [France-memory]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (in Russ.)

15. Popova, I.F., 2013. Torgovlya Rossii i Kitaya cherez Kyakhta i Maimaichen [Russian-Chinese trade in Kyakhta and Maimaicheng], Mongolica, Vol. 11, pp. 28–36. (in Russ.)

16. Tishkov, V.A. and Shabaev, Yu.P., 2019. Istoriicheskaya pamyat': formy sokhraneniya, konstruirovaniya i prezentatsii [Historical memory: forms of preservation, construction and presentation], Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, no. 4, pp. 62–71. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 17.10.2024;
рекомендована к печати 02.11.2024*

УДК 929

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/47-58>

Д.С. Макаренко*

ФИГУРА АГВАНА ДОРЖИЕВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТИИ**

В центре внимания статьи – фигура выдающегося бурятского общественного и религиозного деятеля конца XIX – начала XX вв. Агвана Доржиева (1853–1938). Автор рассматривает не только жизнь и деятельность Доржиева, но и метаморфозы исторической памяти о нем и отношения к его идеям как в Бурятии, так и в масштабах всей России.

Ключевые слова: Агван Доржиев, буряты, буддизм, Тибет, Буддийская традиционная сангха России (БТСР), Республика Бурятия

The figure of Agvan Dorzhiev in historical and contemporary Buryatia.
DANIIL S. MAKARENKO (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

The article focuses on the figure of an outstanding Buryat public and religious figure of the late XIXth – early XXth century Agvan Dorzhiev (1853–1938). The author examines not only Dorzhiev’s life and work, but also the metamorphoses of historical memory of him and attitudes towards his ideas both in Buryatia and throughout Russia.

Keywords: Agvan Dorzhiev, Buryats, Buddhism, Tibet, Buddhist Traditional Sangha of Russia (BTSR), Republic of Buryatia

Введение

Буряты как один из приграничных народов России исторически занимали выгодное положение внутри государства и принимали активное участие в реализации восточной политики своей страны. После официального включения в состав Российской империи в 1727 г. бурятские казаки обороняли внешний периметр страны, торговая слобода Кяхта стала опорным пунктом российско-китайской торговли, а представители бурятского духовенства – связующей нитью в отношениях России с буддийским миром. На рубеже

XIX–XX вв. буряты оказали наиболее значительное влияние на азиатскую внешнюю политику России. Деятельность таких представителей бурятского народа, как П.А. Бадмаев, Г.Ц. Цыбыков и А. Доржиев, позволила Российской империи получить преференции в рамках тибетского периода «Большой игры» – геополитического соперничества с Великобританией за господство в Центральной Азии. Также известны истории бурятских казаков Ц. Бадмажапова и Д. Иринчинова, которые в это же время стали проводниками П.К. Козлова и Н.М. Пржевальского в их

* МАКАРЕНКО Даниил Сергеевич, аналитик Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия, makarenkodanil121@gmail.com

© Макаренко Д.С., 2024

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

центральноазиатских экспедициях. Принадлежа одновременно к европейскому и азиатскому миру, буряты успешно использовали свой трансграничный потенциал и выступали буфером в отношениях между Россией и зарубежной Азией. Однако смена политического строя в России заметно изменила положение бурят внутри государства. Традиционная культура и религия народа, в связке с российским подданством составлявшие основу трансграничной деятельности его представителей, подверглись существенной модернизации. Между тем культурные связи бурят с другими народами Внутренней Азии оказались под угрозой уничтожения. Впрочем, распад СССР дал толчок для возрождения национальной культуры бурят и предоставил им возможность вновь занять буферное положение между Россией и странами Азии. Возрождение бурятской культуры длится вот уже более трех десятилетий, но процесс все еще далек от завершения. Основой развития национальной культуры народа и возвращения буферного статуса в отношении России со странами Азии может стать историческая память о великих бурятских деятелях прошлого.

Одним из таких деятелей по праву может считаться Агван Лобсан Доржиев (1853–1938), который занимался активной внешнеполитической деятельностью на стороне России в Тибете, Монголии и Китае, а также был одним из лидеров бурятского общества в конце XIX – начале XX вв. Доржиев развивал буддийскую религию и образование в Бурятии и за ее пределами, а также укреплял дружеские отношения между народами по всей Евразии. Будучи представителем азиатского мира и вместе с тем российским подданным, Доржиев способствовал сближению азиатской и европейской культур. При этом он стремился поместить буддийские народы России в ядро этого процесса и направить выгоду от своей деятельности в сторону своей малой родины – Бурятии. Несмотря на то, что его жизнь и деятельность достаточно подробно изучены отечественными и зарубежными авторами, в число которых входят и бурятские исследователи, ситуация вокруг наследия Доржиева, на наш взгляд, пока не нашла аналогичного отражения в научных и публицистических работах. Существуют исследования, посвященные книжному наследию Доржиева [25] и исторической памяти о нем в Бурятии [19], однако нельзя с уверенностью сказать, что проблема интерпретации его деятельности освещена в полной мере, а место Доржиева в

официальной повестке республики соответствует масштабам его идей и заслуг перед родиной. Между тем именно наследие Агвана Доржиева – общественного деятеля, укреплявшего положение Бурятии как центра взаимодействия культур – может помочь бурятам вновь обрести выгодный статус проводников восточной политики своего государства.

При этом ситуацию вокруг наследия Агвана Доржиева следует рассматривать в контексте не только современного национального возрождения в Бурятии, но и всего российского общества. Одной из главных целей национальной политики Российской Федерации является «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»). Согласно мнению отечественного антрополога В.А. Тишкова, «историописание – это основной питательный материал для всех вариантов национализма, этнического или гражданско-государственного», и одной из важнейших функций исторической памяти является «укрепление общей гражданской идентичности» [30, с. 16; 31, с. 70]. В зависимости от интерпретации деятельности исторических фигур их наследие может как способствовать консолидации общества, так и разделять его на группы. Соответственно, историческая память о национальных героях России может выступать одним из факторов воздействия на этническую и общегражданскую идентичность коренных народов страны и тем самым напрямую влиять на их взаимоотношения со своим государством. В свое время Агван Доржиев был одним из признанных лидеров бурят, оказавшим значительное влияние на развитие бурятского общества. По этой причине вопрос исторической памяти о нем в современной Бурятии представляется важным не только для развития национальной культуры бурят, но и для поддержания стабильности международных отношений в России.

Жизнь и деятельность Агвана Доржиева

Агван Доржиев родился в 1853 г. в улусе Хара-Шибирь Хоринской степной думы, который в настоящее время находится в Заиграевском районе Республики Бурятия. До восемнадцати лет юноша служил в Степной думе и даже успел жениться и обзавестись домашним хозяйством, но уже через год был посвящен в монахи и отправился на учебу

в «страну снегов» – Тибет. В 1888 г. он закончил обучение в Брайбунской буддийской академии и получил высокую степень геше-лхарамба – «так [я] прославился» [15, с. 46]. За выдающиеся способности Доржиев удостоился чести стать учителем Далай-ламы XIII Тубтэна Гьяцо (1876–1933) и начал преподавать юному первосвященнику буддийскую философию и историю. В течение следующих десяти лет Доржиев постепенно становился «важной фигурой на политической карте Тибета» [14, с. 6] и старался убедить тибетскую аристократию сотрудничать с Российской империей, чтобы уберечь страну от грядущей агрессии Китая и Великобритании [17]. В результате именно он сыграл важную роль в сближении своих «духовной» и реальной родин.

К концу XIX вв. Тибет, формально находящийся в составе Цинской империи, оказался в эпицентре событий «Большой игры» России и Великобритании, стремившихся установить свое влияние в регионе. Тибетцы решили использовать интерес европейских держав себе на пользу. В попытке повысить международный авторитет страны и оградить ее от полномасштабной экспансии с любой из сторон Далай-лама решил установить дипломатические отношения с Российской империей, которая могла защитить Тибет от агрессии соседних стран, но не могла претендовать на его территорию ввиду ее географической удаленности. Исполнителем миссии по установлению дружественных отношений с Россией стал Агван Доржиев. Он активно помогал агентам российской разведки на территории Тибета. Известно, что весной 1895 г. в Лхасу под видом паломников отправились торговые агенты со стороны России – буряты Очир Жигжитов и Дугар Ванчинов, за помощь которым Доржиеву были пожалованы золотые часы «с вензельным изображением Высочайшего имени» [3, с. 14; 5, с. 72]. В 1898 г. Доржиев впервые приехал в Петербург в качестве представителя Далай-ламы XIII и был принят Николаем II. Российский государь и его министры позитивно восприняли его предложения, однако не приняли никаких серьезных мер по установлению прямого диалога с тибетцами, поскольку правительство «опасалось быть втянутым в дальневосточные предприятия, грозившие обострением отношений России как с Японией, так и с Англией» [35, с. 26]. Доржиев посетил еще несколько европейских государств и вернулся в Лхасу в конце 1899 г. В марте следующего года он вновь отправился в Россию, чтобы

доставить Николаю II предложение Далай-ламы XIII установить дружественные отношения между странами [24, с. 35–36].

Следующее посольство Доржиева в Петербург состоялось в 1901 г. и, по мнению историка А.И. Андреева, «явилось кульминацией его членочной дипломатической деятельности, приведшей к русско-тибетскому сближению. Петербург, несмотря на свои колебания, пошел навстречу пожеланиям Лхасы – правда, не так далеко, как ей этого хотелось» [5, с. 95]. В 1903–1904 гг. английские войска совершили военную интервенцию в Тибет. Далай-лама был вынужден бежать в монгольскую Ургу, где не оставлял попыток активизировать «тибетский вектор» политики России через своего приближенного Доржиева [24, с. 66, 75–78]. Однако все попытки первосвященника заставить российский МИД занять четкую союзническую позицию в отношении Тибета потерпели неудачу. Обострение политической ситуации на Дальнем Востоке, которое переросло в войну с Японией, а также необходимость формировать союзнические отношения с Великобританией из-за накаляющейся обстановки в Европе значительно сдерживали амбиции страны в Тибете. Согласно историку Т.Л. Шаумян, в этот период «российская дипломатия продолжила давать Далай-ламе обещания помощи, однако на деле Россия уже не хотела, да и не могла оказать ее» [35, с. 198]. Таким образом, международная обстановка, в которой оказалась Россия, не способствовала осуществлению планов Доржиева по сближению с Тибетом. В 1907 г. Россия и Великобритания подписали соглашение, направленное на решение региональных противоречий между странами, и договорились «воздерживаться от любого вмешательства» во внутренние дела Тибета и вести дела с Лхасой только через верховные власти Китая» [33, с. 259]. XIII Далай-лама смог вернуться в свою резиденцию лишь во время Синьхайской революции в 1911 г. Через два года он провозгласил полную независимость Тибета от Китая, продлившуюся вплоть до 1951 г., пока регион не стал частью Китайской Народной Республики (КНР), возглавляемой Мао Цзэдуном. В результате дипломатическая деятельность Доржиева в конце XIX – начале XX вв. так и не привела к полному сближению России и Тибета, но его посольства во многом позволили стране заявить права на дружественные отношения с Далай-ламой, затормозить экспансию Великобритании вглубь Центральной Азии, а также укрепить международное положение буддийских народов империи. И хотя

царская администрация старалась увеличить свое присутствие на Востоке, в этот период Тибет, по мнению петербургских чиновников, не входил в сферу приоритетных направлений внешней политики государства, поэтому Россия не воспользовалась подаренной Доржиевым возможностью усилить свое влияние на этой территории.

Несмотря на то что дипломатические планы Доржиева не были полностью реализованы, он смог воспользоваться своим положением при дворе, чтобы улучшить положение буддистов России. В начале века он добился согласия императора Николая II на строительство буддийского храма в Петербурге. Дацан возводили с 1909 по 1915 гг., причем часть расходов на строительство покрыли лично Далай-лама XIII и сам Доржиев [2, с. 15]. Стараясь поддержать буддийские народы России, в 1907 г. Доржиев подал в МИД записку «о более тесном сближении с Монголией и Тибетом», призывая правительство принять меры по укреплению культурно-экономических связей между этими странами на российских началах [6, с. 57]. Он считал, что монгольские народы находятся в центре взаимодействия Европы и Азии, и старался объединить их для того, чтобы они могли позитивно влиять на международные отношения и отстаивать свои интересы во взаимоотношениях с глобальными силами. Одним из главных факторов консолидации монгольских народов был буддизм тибетского толка, поэтому Доржиев активно проповедовал учение Будды в Бурятии и Калмыкии, открывал новые буддийские школы, дацаны и центры медицины. При этом он нередко покупал и вывозил в Россию предметы из священных кладовых Тибета. Своему родному дацану – Ацагатскому – он, например, подарил «Атлас тибетской медицины» [12]. В 1920-е гг. Доржиев предпринял попытку реформировать монгольскую письменность и создал собственный алфавит «Вагиндра», а также открыл в Бурятии первую типографию по европейскому образцу [1, с. 100]. Однако впоследствии эта письменность так и не получила широкого распространения.

Вместе с тем Агван Доржиев участвовал в общественно-политической жизни Бурятии. В 1905 г. он принимал участие в деятельности Бурятского национального комитета, а в 1916 г. – Общебурятского комитета Забайкальской и Иркутской областей. Он стал одним из лидеров т.н. «обновленческого» движения бурятского буддизма, представители которого старались модернизировать религию и в то же время вернуться к истокам учения, очистить его от более поздних наслоений. После

установления советской власти в Бурятии «обновленцы» и Доржиев старались сохранить буддизм в рамках советской системы. Вместе с главой буддистов Бурятии XII Хамбо-Ламой Д.Д. Итигэловым он был председателем и членом комиссий во время общественных и религиозных съездов бурят [10]. Стараясь преодолеть барьер между буддийскими народами и новой атеистической властью, в Ленинграде он вел полемические беседы с лидерами СССР. Нарком просвещения Луначарский, сам высокий интеллект, так высказывался об Агване Доржиеве: «Когда мы беседуем с Доржиевым, нам, большевикам, необходима полная мобилизация нашего интеллекта для того, чтобы быть на высоте» [34].

На начальном этапе построения СССР Доржиев старался нормализовать отношения молодого советского государства и Тибета. Он оставался доверенным лицом Далай-ламы и выполнял функции «полномочного представителя Тибета в СССР», а Петербургский дацан получил статус «Тибето-Монгольской миссии» [32, с. 53]. Ему удалось организовать три секретные советские миссии, которые посетили «страну снегов» в 1922, 1924 и 1927 гг. [5, с. 241–247, 262–269, 291–294]. Вместе с тем Доржиев помогал молодым бурятам и калмыкам выезжать в Тибет на учебу: известно, что в 1923 г. он лично отправил туда группу из десяти хуvaraков (послушников), семь из которых благополучно добрались до пункта назначения и впоследствии стали знаменитыми ламами [12]. В основе сотрудничества Доржиева с атеистической властью лежало желание сохранить буддийскую общину в СССР, и в начале 1920-х гг. правительство действительно не оказывало серьезного давления на буддистов. Однако уже к концу десятилетия «религиозные общины Бурятии и Калмыкии стали подвергаться беспрецедентному экономическому и административному нажиму, проводилась антибуддийская пропаганда» [26, с. 43]. Большевики уничтожали дацаны и предметы культа, подвергали лам репрессиям, по сути полностью искореняя буддийскую жизнь в Бурятии и Калмыкии [14, с. 14–15]. Доржиев боролся за то, чтобы сохранить буддизм в СССР, и направлял множество писем в правительственные инстанции, но постепенно его отношения с НКВД становились «все более натянутыми и холодными», а в 1936 г. наркомат и вовсе отказался продлить его служебное удостоверение [4, с. 94]. 2 ноября 1937 г. Доржиев переехал из Ленинграда в Улан-Удэ, где через несколько дней был арестован местными властями. Его обвинили в руководстве контрреволюционной пан-

монгольской террористической повстанческо-диверсионной шпионской организацией. В ходе расследования его подвергли пыткам, и следствием одного из таких допросов стал «паралич сердца», отчего обвиняемого увезли в тюремную больницу, где он и скончался 2 февраля 1938 г. в возрасте 84 года, так и не осужденный за свою недоказанную «антисоветскую» деятельность [29, с. 8].

Агван Доржиев навсегда оставил свой след в истории России как талантливый дипломат, буддийский учитель и общественный деятель. Его жизнь пришлась на время, когда Российская империя, а позже и Советский Союз, вели активную внешнюю политику на восточном направлении. Но даже при том влиянии, которое он имел у себя на родине, в столичных кругах и за рубежом, его идеи не были полностью реализованы. Царское правительство использовало дипломатические способности Доржиева для поддержания дружеских отношений с Тибетом, чтобы увеличить свое влияние в Центральной Азии. Однако полное сближение с тибетским государством, которого добивался Доржиев, не состоялось из-за сложного международного и внутривнутриполитического положения, в котором находилась империя в начале XX в. Советский Союз на начальном этапе также использовал его дипломатические способности, чтобы увеличить свой престиж в странах Азии и распространить коммунистические идеи среди местных жителей. Вместе с тем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политика СССР изменилась: в стране началась массовые репрессии против духовенства, а также сменились внешнеполитические приоритеты страны, что положило конец планам Доржиева [5, с. 319–320]. В конце 1930-х гг. его деятельность была признана террористической, а он сам, как и множество других буддистов, подвергнут репрессиям. В результате нельзя с уверенностью сказать, что Доржиев пользовался достаточным доверием царской и советской администраций, чтобы воплотить в жизнь свои планы, но его дело соответствовало «духу времени» и тем задачам, которые в этот период встали перед Россией на Востоке. Его предложения, возможно, оказались даже более масштабными, чем планы правительств его страны, что в конечном итоге негативно сказалось на его судьбе.

Историческая память и современные трактовки деятельности

В СССР имя Агвана Доржиева было под запретом среди бурят, поскольку его внешнеполитическая и религиозная деятельность считалась антисо-

ветской. Несмотря на то что с 1946 г. в Бурятии появилось Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ), официальная буддийская жизнь в республике фактически прекратила свое существование еще в 1930-х гг. Тибетский буддизм как важная часть идентичности бурят был отвергнут советским обществом, что негативно сказалось на отношениях государства с буддийскими народами за его пределами. При этом задача расширить свое присутствие в Азии требовала от советского правительства следовать внешнеполитическому курсу, заданному Доржиевым, и использовать буддистов во внешней политике страны. С 1950-х гг. деятельность ЦДУБ была направлена на «налаживание взаимодействия с буддистами за рубежом и пропаганду достижений тех народов Советского Союза, что исповедовали эту религию» [20, с. 237]. Однако международная деятельность ЦДУБ была недостаточно широкой, чтобы выполнить поставленные задачи, поскольку номенклатурные буддисты не могли заменить настоящих буддистов, на протяжении нескольких веков приносивших пользу стране. Вместе с тем в 1933 г. ушел из жизни XIII Далай-лама, склонный к ведению дружественной политики по отношению к России. Новый Далай-лама XIV Тензин Гьяцо (род. 1935) не мог установить прямые отношения с советскими буддистами и впервые посетил страну только в конце 1970-х гг. В 1959 г. он бежал из Тибета за рубеж из-за конфронтации с руководством КНР, в результате чего центр тибетского буддизма разделился на «географический» и «духовный». Первый остался территорией в составе Китая, а второй сконцентрировался вокруг первосвященника и его окружения и стал достоянием всего мира [21]. Поскольку СССР в тот период находился в конфронтации с руководством Китая, изолировавшим тибетский регион, а буддийские народы страны не имели возможности установить прямой контакт с Далай-ламой, государство всего за несколько десятилетий полностью утратило инициативу в отношениях с первосвященником и буддийским миром.

Примечательно, что первым учителем тибетского буддизма в США стал ученик Агвана Доржиева – калмык Нгаванг Вангъял, отправленный им в Тибет в начале 1920-х гг. В 1955 г. он с благословения Далай-ламы XIV прибыл в США, открыл первый в стране тибетский монастырь и основал общину Гелуг на Западе [8; 28, с. 235]. Геше Вангъял стал преподавать в Колумбийском университете в Нью-Йорке и подготовил множество известных буддистов и буддологов [7, с. 64]. В их

числе – Роберт Турман, который стал первым американцем, получившим посвящение в монахи от Далай-ламы, а также основателем и президентом влиятельной буддийской организации – Тибетского дома в США (1987). И пока Геше Вангьял за рубежом выполнял одну из задач, которые ставил перед собой его учитель: сближать европейскую и азиатские культуры, на родине наследие великого дипломата оставалось под запретом. Хотя даже в этот период небольшие группы паломников приезжали в Хара-Шибирь, чтобы почтить память одного из лидеров бурятского общества старой эпохи (Полевые материалы автора, далее – ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). Доржиев был частично реабилитирован только в 1957 г. за недостаточностью улик, а полная реабилитация за отсутствием состава преступления произошла уже на закате советского государства 14 мая 1990 г. [4].

После распада СССР в Бурятии началось возрождение традиционной культуры и религии. Фигура Агвана Доржиева получила шанс вернуться в авангард общественной повестки. В 1991–1992 гг. Далай-лама XIV дважды посетил буддийские регионы России – Бурятию и Калмыкию. Оказавшись в Бурятии, первосвященник отправился на малую родину своего учителя в с. Хара-Шибирь, где указал, что «Доржиев достоин значительного по размерам памятника-ступы» [18]. В том же году был возведен целый комплекс построек: субурган высотой 10 м, окруженный семью малыми субурганами. Кроме того, Далай-лама освятил место будущего строительства Ацагатского дацана, на территории которого в 1999 г. открылся дом-музей, посвященный его учителю [19, с. 192]. При участии администрации дацана, общественных деятелей и местных жителей в 1990-е гг. был основан Республиканский фонд Агвана Доржиева, по ходатайству которого в 2003 г. в Бурятии была учреждена новая награда – медаль Агвана Доржиева. Таким образом, именно Далай-лама XIV запустили процесс восстановления памяти о Доржиеве на его малой родине.

В другой буддийский регион страны, Калмыкию, Далай-лама приехал в сопровождении своего последователя – американца калмыцкого происхождения Тэло Тулку Ринпоче (Эрдни Омбадыкова), который впоследствии был избран верховным главой буддистов Калмыкии. Первосвященник лично участвовал в восстановлении буддизма в этой республике, и с его помощью она вновь обрела статус «важнейшего центра буддизма север-

ной Евразии» [21, с. 295]. С начала 1990-х гг. буддисты Калмыкии стали активно приглашать в республику тибетских лам, связанных с Далай-ламой и его окружением, желая «обучиться основам философии и религиозной деятельности» [9, с. 117], тем самым как бы восстанавливая утраченную связь с международным буддийским миром. Однако в Бурятии, в отличие от Калмыкии, религиозное возрождение произошло без прямого участия первосвященника. Вероятно, на это повлияла позиция российского правительства, которое не признало статус посадника Далай-ламы в Калмыкии, старалось не вносить напряженность в отношениях с Китаем, и поэтому нуждалось в буддийском лидере, который смог бы оградить российских верующих от «духовного» и «географического» Тибета.

В 1995 г. новым главой буддистов Бурятии, Хамбо-ламой, был избран Дамба Бадмаевич Аюшеев. Через два года с целью централизации буддийских общин была создана новая религиозная организация – Буддийская традиционная сангха России (БТСР), главой которой стал Хамбо-лама [20, с. 247, 252]. Руководство организации не сотрудничало с Далай-ламой напрямую и находилось в оппозиции по отношению к приезжающим в Россию тибетским ламам. Со второй половины 1990-х гг. БТСР и тибетские ламы начали борьбу за паству и влияние, и это противостояние продолжается до наших дней [22]; (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.; ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.). Руководству БТСР требовалось увеличить авторитет локальной традиции в обход исторических связей с Тибетом. Для этого местные священнослужители обратились к национальным символам, выражающим независимость и самодостаточность бурятского буддизма. Ключевым событием этого периода стало обретение в 2002 г. тела XII Хамбо-ламы Д.Д. Итигэлова, который «никогда не был на Тибете, не учился там и тем не менее достиг столь выдающейся реализации» [27, с. 96]. Как признавались во время интервью сами бурятские священнослужители, до 2002 г. XII Хамбо-лама не был широко известен в Бурятии, но феномен обретения нетленного тела сделал его узнаваемой святыней обновленного бурятского буддизма, ориентированного на местную традицию (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.; ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.).

Очевидно, что для сторонников Хамбо-ламы Д.Б. Аюшеева, старающихся дистанцироваться от Тибета и всего с ним связанного, фигура Агвана Доржиева выглядела неоднозначно. Несмотря на то, что после распада СССР вышло множество научных и общественных работ, посвященных деятельности Доржиева и сам Далай-лама принимал участие в восстановлении его наследия, в официальной религиозной повестке Бурятии, формируемой преимущественно БТСР, ему не уделялось значительного внимания. Важную роль в этом сыграл сам Д.Б. Аюшеев, который неоднократно «подвергал сомнению историческое наследие Доржиева» и публично критиковал его [20, с. 243]. Такая позиция Хамбо-ламы вызвала разногласия между ним и его оппонентами внутри буддийского сообщества Бурятии. Тарба Доржиев, глава Ацагатского дацана, которому «принадлежит инициатива создания фонда Агвана Доржиева и именной медали великого учителя» [23], даже назвал Аюшеева «раскольником» в связи с принижением роли Доржиева и других «выходцев из Ацагатского дацана» в истории Бурятии [13]. Примечательно, что Ацагатский дацан не входит в БТСР. Более того, созданный при участии его главы фонд Агвана Доржиева участвует в кампаниях по поддержке борьбы «тибетского народа за независимость от коммунистического Китая» [11, с. 131] и тем самым ставит под сомнение дипломатическую позицию российского правительства по невмешательству во внутреннюю политику КНР. Кроме того, Доржиев является выходцем из современного Шулуутского дацана, который был построен на месте разрушенного при советской власти оригинального Ацагатского дацана (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). При этом Музей Доржиева в его родном селе Хара-Шибирь, который не относится к Ацагатскому дацану и мог бы выступать альтернативной точкой притяжения для паломников и туристов со стороны БТСР, тоже не пользуется поддержкой Сангхи и местной администрации, а его заведующая Х.Ч. Цыдыпдоржиева собирает экспонаты для коллекции музея самостоятельно [19]; (ПМА. Иволгинский, Хоринский, Заиграевский, Кяхтинский и Бичуринский районы Республики Бурятия. 2022 г.). В результате того, что заслуги Доржиева не были признаны буддийским руководством республики, внутривластные соперники БТСР получили возможность использовать его фигуру для того, чтобы показать свою преемственность с местной традицией и привлечь паству.

Как мы уже упоминали ранее, исторически тибетский буддизм был важным культурным ресурсом бурят и калмыков, составлявшим основу их взаимопонимания с другими народами Внутренней Азии. Агван Доржиев был одним из бурятских деятелей, использовавших этот ресурс, чтобы улучшить положение буддийских народов России и решать внешнеполитические задачи России на восточном направлении. Однако в постсоветский период религиозная элита Бурятии выбрала курс на «суверенизацию» буддизма, тем самым ограничив собственную возможность взаимодействовать с международным буддийским сообществом, а глава буддистов республики неоднократно подвергал критике одного из исторических лидеров бурятского общества, напрямую связанных с Тибетом, – Агвана Доржиева. В результате идеи и заслуги Доржиева, которые, безусловно, находят отклик в современном обществе (подтверждением тому служат посвященные ему научные и общественные работы, культовые объекты и регулярные конференции в его честь [16]), все еще не признаны до конца. К сожалению, ситуация не изменилась и в наши дни, хотя глава государства В.В. Путин анонсировал разворот страны на Восток, и именно коренные народы азиатской части России, в частности буряты, благодаря своим культурным историческим связям с другими народами Азии вновь могут сыграть важную роль в реализации восточной политики страны.

В рамках открытой политики по отношению к буддийским народам Азии с 17 по 19 августа 2023 г. в столице Бурятии г. Улан-Удэ был организован Международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности», в котором приняли участие представители 13 буддийских стран. Участники форума обсудили вопросы международного сотрудничества стран с традиционно буддийским населением, сохранения и развития буддизма в современных условиях, а также сохранения культурно-исторического наследия буддийского мира. В то же время фигуре Агвана Доржиева не было уделено внимания ни на одном пленарном заседании, даже когда участники дискуссии обсуждали события, напрямую связанные с его личностью, например, появление в Бурятии «Атласа тибетской медицины» (ПМА. Иволгинский и Кяхтинский районы Республики Бурятия. 2023 г.).

Наследие Доржиева сохранилось не только на его малой родине, но и в Санкт-Петербурге, где он

непосредственно оказывал влияние на международные отношения и внутригосударственное положение буддистов. С 2004 г. фонд поддержки и развития бурятской культуры «Ая-Ганга» и Санкт-Петербургский дацан при поддержке других общественных организаций проводят в его честь Доржиевские чтения. Они проходят как в европейской части России – Санкт-Петербурге, так и в азиатской – Бурятии, а их участниками становятся не только академические исследователи, но и буддийские ученые [16]. Также 14 июля 2004 г. в Санкт-Петербургском дацане «Гунзэчойнэй» была открыта мемориальная доска, посвященная Доржиеву. Кроме того, частью алтарной композиции петербургского дацана является памятная статуя Доржиева, парная к статуе Д.Д. Итигэлова. Хотя изначально была установлена только статуя XII Хамбо-ламы, а вторую статую не удалось установить из-за ограничений, спровоцированных пандемией, в 2022 г. она все же появилась на алтаре (ПМА. Санкт-Петербург. 2022 г.). Интересно, что парные статуи двух лидеров бурятских буддистов, в современных реалиях ставших символами «суверенной» (Итигэлов) и направленной вовне (Доржиев) политики духовенства Бурятии, были установлены именно в Санкт-Петербургском дацане, который входит в БТСР и одновременно открыт к сотрудничеству с международным буддийским сообществом. Хочется надеяться, что это знак надвигающейся «оттепели» в отношениях между буддийским руководством Бурятии и международным буддийским миром.

Заключение

Агван Доржиев был одним из лидеров буддистов страны на рубеже XIX–XX вв. Его деятельность была направлена на укрепление отношений между Россией и странами Азии. При этом он не только положительно влиял на отношения между государствами, но и развивал буддийскую религию в Бурятии и Калмыкии, тем самым поддерживая исторические культурные связи буддийских народов России с другими народами Азии. Те задачи, которые ставил перед собой Доржиев, соответствовали общей направленности открытой внешней политики его государства на Востоке и позволяли реализовать выгодное буферное положение Бурятии в отношениях России со странами Азии. В результате сами буряты, сохранявшие и преумножавшие свои культурные традиции и международные контакты, и российское государство, получившее к себе на службу представителей этого народа, ста-

новились выгодоприобретателями такого сотрудничества. Несмотря на то, что Доржиев, будучи учителем и приближенным Далай-ламы XIII, открыл для государства возможность значительно увеличить свое влияние среди буддийских народов Азии, правительство не воспользовалось ей в полной мере. Царская администрация высоко ценила и использовала его дипломатические способности, которые принесли России выгоду на восточном направлении, но ввиду сложной международной обстановки, в которой государство находилось в начале XX в., Россия не могла установить еще более дружественные отношения с Монголией и Тибетом, чего непосредственно добивался Доржиев. В ранний советский период он помогал большевикам налаживать отношения с Тибетом, который советское правительство рассматривало «в качестве плацдарма для нанесения удара по британскому империализму в Индии» [5, с. 247]. Однако смена политического курса СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. привела к искоренению буддизма в Бурятии и Калмыкии, вследствие чего буддийское духовенство и верующие, в т.ч. и сам Агван Доржиев, были репрессированы. Парадоксально, но в послевоенный советский период правительство следовало его курсу по укреплению связей со странами Азии, хотя сама личность дипломата находилась под запретом. В период демократизации советского общества в 1980-х гг. и после распада СССР фигура Доржиева получила шанс на реабилитацию в глазах общественности, но негативная оценка его деятельности со стороны буддийского руководства Бурятии не позволила полностью раскрыться его наследию, а самому дипломату – вновь обрести статус народного героя.

Интересно, что отношение к личности и идеям Доржиева во многом зависит от внешнеполитического курса, которому следует центральное правительство страны и руководство Бурятии. В результате его общественная и дипломатическая деятельность, направленная на благо Родины, после смерти Доржиева так и не была признана официальным буддийским руководством республики. Со второй половины 1990-х гг. российское правительство стремится не проводить на своей территории мероприятия, которые могут негативно повлиять на отношения с КНР, и сохраняет сдержанную позицию в отношении Далай-ламы, а официальная религиозная элита Бурятии в лице БТСР также ведет «закрывающую» политику по отношению к первосвященнику и международному буддийскому сообществу. Глава бурятских буддистов Д.Б. Аю-

шеев подвергает Доржиева критике, и главное место в официальной религиозной повестке республики, сформированной преимущественно БТСР, занимает XII Хамбо-лама Д.Д. Итигэлов. В то же время интерес к жизни и деятельности Доржиева проявляют общественные и научные организации как в Бурятии, так и за пределами республики, что подтверждает актуальность его наследия в современном российском и бурятском обществе. В наши дни ситуация вокруг фигуры Доржиева вызывает дополнительное беспокойство, поскольку современная интерпретация его деятельности со стороны буддийского руководства Бурятии идет вразрез с новой стратегией ведения Россией активной внешней политики на Востоке, чему он и способствовал в свое время. Фигура Доржиева может стать успешным примером для нынешних жителей и руководства Бурятии, позволив им вооружиться его опытом, чтобы еще более эффективно использовать свой этнический ресурс на пользу России. Для того чтобы это произошло, буддийскому руководству республики следует восстановить историческую справедливость в отношении великого дипломата, признать заслуги Агвана Доржиева и поспособствовать его скорейшему возвращению в официальную повестку Бурятии. В этом случае Хамбо-лама и его сторонники не только устранят напряженность по отношению к своему прошлому и разногласия со своими внутривластными оппонентами, но и получат возможность транслировать свои идеи «вовне» и использовать фигуру Доржиева для увеличения собственного международного престижа. Прежде всего, правильная интерпретация исторической памяти о Доржиеве как об одном из великих деятелей бурятского народа имеет потенциал укрепить общегосударственную и этническую идентичность жителей Бурятии, а также повысить статус бурят внутри российского государства, поскольку в очередной раз проиллюстрирует вклад бурятского народа в историю России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангаева С.П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1999.
2. Андреев А.И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ: ЭкоАрт, 1992.
3. Андреев А.И. От Байкала до Священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX в. (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.: Самара, 1997.
4. Андреев А.И. Уход Агвана Доржиева // Альманах Orient. 1998. Вып. 2–3. С. 93–105.
5. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета; Нартанг, 2006.
6. Андреев А.И. Тибето-монгольский проект Агвана Доржиева // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества. СПб.: Петрополис, 2021. С. 56–67.
7. Аюшеева Д.В. Тибетский буддизм в Северной Америке // Религиоведение. 2013. № 3. С. 63–70.
8. Аякова Ж.А. О тибетском буддизме в США // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2015. № 1. С. 83–85.
9. Бакаева Э.П. Калмыцкие буддисты и Далай-лама XIV: страницы истории Калмыкии 1992 года // Новый исторический вестник. 2018. № 3. С. 111–122.
10. Бардуева Т.Ц. Пандито хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов и обновленческое движение в Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 8. С. 165–168.
11. Ванчикова Ц.П. Тибетцы в Бурятии: новый феномен в этническом и культурном многообразии республики // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 128–135.
12. Дагбаев Э.Д. Агван Доржиев в истории Российского государства: учебное пособие для вузов. Улан-Удэ: Бэлиг, 2005.
13. Дамбу Аюшеева назвали главным раскольников буддизма в Бурятии. URL: <https://baikal24.ru/text/29-06-2010/dambu/>
14. Дамдинов А.В., Чимитдоржиев Ш.Б. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: Бэлиг, 2010.
15. Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). М.: Восточная литература, 2003.
16. Доржиевские чтения. URL: <https://ayaganga.ru/доржиевские-чтения/>
17. Заятуев Г.З. Цанид-Хамбо Агван Доржиев (1853–1938 гг): жизнеописание. Улан-Удэ: Объединение детских писателей Бурятии, 1991.
18. Миронова Г.А. Агван Доржиев и ступа, возведенная в память об Учителе Далай ламы XIII // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 33–35.

19. Митыпова Г.С. Историческая память: заповедные и достопримечательные места, связанные с именем Агвана Доржиева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. VII Доржиевские чтения. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 189–197.

20. Михалев М.С. Засечная черта Внутренней Азии: Южная Сибирь и евразийская интеграция. М.: ИКСА РАН, 2023.

21. Михалев М.С. Тибет в картине мира калмыков: от страны к метафоре // Ойраты и Тибет. Историческое наследие и современные перспективы: СПб.: Петербургское востоковедение, 2023. С. 287–309.

22. Намсараева С.Б. Политический аспект религиозной жизни современной Бурятии // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература, 2008. С. 58–88.

23. Реликвии Ацагатского дацана. URL: <https://arigus.tv/news/culture/52376-relikvii-atsagatskogo-datsana/>

24. Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914. М.: Восточная литература, 2005.

25. Сизова А.А. Книжное наследие Агвана Доржиева // Агван Доржиев. Ученый и дипломат, принесший буддизм в сердце России. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2022. С. 38–45.

26. Сипейкин А.В. Деятельность А. Доржиева в 1920-е гг. в информационных документах ОГПУ // История и архивы. 2023. № 2. С. 37–52.

27. Соколова С.А. Буддийские реликвии как основа создания этнополитического мифа: новый взгляд на особенности религиозного возрождения в Бурятии // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 4. С. 92–100.

28. Терентьев А.А. Намнанэ-лама, учитель А. Доржиева и С. Цыденова // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 1. С. 227–237.

29. Тиваненко А.В. «Желаю свержения Советской власти»: неизвестные страницы из жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Баргуджин-Токум, 2017.

30. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 4–16.

31. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 4. С. 62–71.

32. Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 году // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.

33. Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004.

34. Цанид-Хамбо Агван Доржиев: документальный фильм (2006). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jni1G78Ydpw>

35. Шаумян Т.Л. Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017.

REFERENCES

1. Angaeva, S.P., 1999. Buddizm v Buryatii i Agvan Dorzhiev [Buddhism in Buryatia and Agvan Dorzhiev]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

2. Andreev, A.I., 1992. Buddiiskaya svyatynya Petrograda [The Buddhist shrine of Petrograd]. Ulan-Ude: EkoArt. (in Russ.)

3. Andreev, A.I., 1997. Ot Baikala do svyashchennoi Lkhasy: Novye materialy o russkikh ekspeditsiyakh v Tsentral'nyu Aziyu v pervoi polovine XX v. (Buryatiya, Mongoliya, Tibet) [From Baikal to holy Lhasa: New materials on Russian expeditions to Central Asia in early XXth century (Buryatia, Mongolia, Tibet)]. Sankt-Peterburg: Samara. (in Russ.)

4. Andreev, A.I., 1998. Ukhod Agvana Dorzhieva [Agvan Dorzhiev's passing], Al'manakh Orient, Vyp. 2–3, pp. 93–105. (in Russ.)

5. Andreev, A.I., 2006. Tibet v politike tsarskoi, sovetkoi i postsovetkoi Rossii [Tibet in the politics of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; Nartang. (in Russ.)

6. Andreev, A.I., 2021. Tibeto-mongol'skii proekt Agvana Dorzhieva [Tibeto-Mongolian project of Agvan Dorzhiev]. In: Mongoliya – Rossiya: vek nezavisimosti – vek sotrudnichestva. Sankt-Peterburg: Petropolis, 2021, pp. 56–67. (in Russ.)

7. Ayusheeva, D.V., 2023. Tibetskii buddizm v Severnoi Amerike [Tibetan Buddhism in North America], Religiovedenie, no. 3, pp. 63–70. (in Russ.)

8. Ayakova, Zh.A., 2015. O tibetskom buddizme v SShA [About Tibetan Buddhism in the USA], Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V.R. Filippova, no. 1, pp. 83–85. (in Russ.)

9. Bakaeva, E.P., 2018. Kalmytskie buddisty i Dalai-lama XIV: stranitsy istorii Kalmykii 1992 goda [Kalmyk Buddhists and Dalai Lama XIV: pages of the history of Kalmykia in 1992], Novyi istoricheskii vestnik, no. 3, pp. 111–122. (in Russ.)

10. Bardueva, T.Ts., 2010. Pandito khambo lama Dashi-Dorzho Itigelov i obnovencheskoe dvizhenie v Buryatii [Pandito Khambo Lama Dashi-Dorzho Itige-

lov and the renewal movement in Buryatia], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, no. 8, pp. 165–168. (in Russ.)

11. Vanchikova, Ts.P., 2012. Tibetsy v Buryatii: novyi fenomen v etnicheskom i kul'turnom mnogoobrazii respubliki [Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in republic's cultural and ethnic diversity], Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostoковедение, no. 2, pp. 128–135. (in Russ.)

12. Dagbaev, E.D., 2005. Agvan Dorzhiev v istorii Rossiiskogo gosudarstva: uchebnoe posobie dlya vuzov [Agvan Dorzhiev in the history of Russia: a textbook]. Ulan-Ude: Belig. (in Russ.)

13. Dambu Ayusheeva nazvali glavnym raskol'nikom buddizma v Buryatii [Dambu Ayusheev was called the main dissenter in Buryatian Buddhism]. URL: <https://baikal24.ru/text/29-06-2010/dambu/> (in Russ.)

14. Damdinov, A.V. and Chimitdorzhiev, Sh.B., 2010. Agvan Dorzhiev – vydayushchiysya religiozniy i obshchestvenno-politicheskii deyatel' [Agvan Dorzhiev, a prominent religious and socio-political figure]. Ulan-Ude: Belig. (in Russ.)

15. Dorzhiev, A., 2003. Zanimatel'nye zametki: Opisanie puteshestviya vokrug sveta (Avtobiografiya) [Interesting notes: Description of a trip around the world (Autobiography)]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

16. Dorzhievskie chteniya [Dorzhiev readings]. URL: <https://ayaganga.ru/доржиевские-чтения/> (in Russ.)

17. Zayatuev, G.Z., 1991. Tsanid-Khambo Agvan Dorzhiev (1853–1938 gg): zhizneopisanie [Tsanid-khambo Agvan Dorzhiev (1853–1938): a biography]. Ulan-Ude: Ob'edinenie detskikh pisatelei Buryatii. (in Russ.)

18. Mironova, G.A., 2012. Agvan Dorzhiev i stupa, vozvedennaya v pamyat' ob Uchitele Dalai lamy XIII [Agvan Dorzhiev and the monument built in memory of Guru Dalai Lama XIII], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 7, pp. 33–35. (in Russ.)

19. Mitypova, G.S., 2018. Istoricheskaya pamyat': zapovednye i dostoprimechatel'nye mesta, svyazannye s imenem Agvana Dorzhieva [Historical memory: reserved and remarkable places associated with Agvan Dorzhiev]. In: Buddiiskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedenie, yazykoznanie i iskusstvo: VII Dorzhievskie chteniya. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2018, pp. 189–197. (in Russ.)

20. Mikhalev, M.S., 2023. Zasechnaya cherta Vnutrennei Azii: Yuzhnaya Sibir' i evraziyskaya in-

tegratsiya [Fortified line of Inner Asia: Southern Siberia in Eurasian integration]. Moskva: IKSA RAN. (in Russ.)

21. Mikhalev, M.S., 2023. Tibet v kartine mira kalmykov: ot strany k metafore [Tibet in the Kalmyk worldview: from country to metaphor]. In: Oiraty i Tibet. Istoricheskoe nasledie i sovremennye perspektivy. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostoковедение, 2023, pp. 287–309. (in Russ.)

22. Namsaraeva, S.B., 2008. Politicheskii aspekt religioznoi zhizni sovremennoi Buryatii [Political aspect of religious life in modern Buryatia]. In: Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnykh narodov Rossii. Moskva: Vostochnaya literatura, 2008, pp. 58–88. (in Russ.)

23. Relikvii Atsagatskogo datsana [Relics of the Atsagat Datsan]. URL: <https://arigus.tv/news/culture/52376-relikvii-atsagatskogo-datsana/> (in Russ.)

24. Rossiya i Tibet: sbornik russkikh arkhivnykh dokumentov, 1900–1914 [Russia and Tibet: a collection of Russian archival documents, 1900–1914]. Moskva: Vostochnaya literatura, 2005. (in Russ.)

25. Sizova, A.A., 2022. Knizhnoe nasledie Agvana Dorzhieva [Book heritage of Agvan Dorzhiev]. In: Agvan Dorzhiev. Uchenyi i diplomat, prinesshii buddizm v serdtse Rossii. Sankt-Peterburg: Muzei-institut sem'i Rerikhov, 2022, pp. 38–45. (in Russ.)

26. Sipeikin, A.V., 2023. Deyatel'nost' A. Dorzhieva v 1920-e gg. v informatsionnykh dokumentakh OGPU [The activity of A. Dorzhiev in the 1920s as reflected in the reports of the OGPU], Istoriya i arkhivy, no. 2, pp. 37–52. (in Russ.)

27. Sokolova, S.A., 2022. Buddiiskie relikvii kak osnova sozdaniya etnopoliticheskogo mifa: novyi vzglyad na osobennosti religioznogo vozrozhdeniya v Buryatii [Buddhist relics as a basis for the ethnopolitical myth: a new look at the specifics of religious revival in Buryatia], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 23, no. 4, pp. 92–100. (in Russ.)

28. Terent'ev, A.A., 2017. Namnane-lama, uchitel' A. Dorzhieva i S. Tsydenova [Namnane-lama, the teacher of A. Dorzhiev and S. Tsydenov], Trudy Instituta vostoковедения RAN, no. 1, pp. 227–237. (in Russ.)

29. Tivanenko, A.V., 2017. «Zhelayu sverzheniya Sovetskoi vlasti»: neizvestnye stranitsy iz zhizni Agvana Dorzhieva [«I wish the overthrow of Soviet power»: unknown pages of Agvan Dorzhiev's life]. Ulan-Ude: Bargudzhin-Tokum. (in Russ.)

30. Tishkov, V.A., 2011. Istoricheskaya kul'tura i identichnost' [Historical culture and identity], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 2, pp. 4–16. (in Russ.)

31. Tishkov, V.A. and Shabaev, Yu.P., 2019. Istoricheskaya pamyat': formy sokhraneniya, kon-

struironiia i prezentatsii [Historical memory: forms of preservation, construction and presentation], Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, no. 4, pp. 62–71. (in Russ.)

32.Uspenskii, V.L., 2021. O nesostoyavsheisya missii v Tibet Agvana Dorzhieva v 1928 godu [On Agvan Dorzhiev's failed mission to Tibet in 1928], Mongolica, Vol. 24, no. 2, pp. 52–57. (in Russ.)

33.Hopkirk, P., 2004. Bol'shaya Igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom [The Great Game: on secret service in High Asia]. Moskva: Ripol Klassik. (in Russ.)

34.Tsanid-Khambo Agvan Dorzhiev: dokumental'nyi fil'm (2006) [Tsanid-khambo Agvan Dorzhiev: a documentary (2006)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jni1G78Ydpw> (in Russ.)

35.Shaumyn, T.L., 2017. Rossiya, Velikobritaniya i Tibet v «Bol'shoi igre» [Russia, Great Britain and Tibet in the Great Game]. Moskva: KMK. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2024;
рекомендована к печати 06.11.2024*

УДК 94(47)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/59-69>

И.Д. Исмакаева, Т.А. Конюхова, С.И. Корниенко, А.В. Сенина*

ЗЕМСКИЕ И НЕЗЕМСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ: СОСТАВ, СТРУКТУРА, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

В статье на примере Пермской губернии рассматриваются профессиональные и социокультурные характеристики земских медицинских работников в сравнении с неземскими медиками. Проведенный анализ позволил авторам выделить ключевые особенности этой категории «третьего элемента» в Пермском земстве и охарактеризовать социокультурные аспекты медицинской профессии в Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: земская медицина, земский врач, медицинские работники, Пермское земство

Zemstvo and non-zemstvo medical workers of Perm Governorate: composition, structure and socio-cultural characteristics. ILIANA D. ISMAKAEVA, TATYANA A. KONYUKHOVA, SERGEY I. KORNIENKO, ANNA V. SENINA (HSE University, Perm, Russia)

The article examines the professional and socio-cultural characteristics of zemstvo medical workers in comparison with non-zemstvo doctors using the case of Perm Governorate. The analysis allowed the authors to identify the key features of this category of the «third element» in Perm zemstvo and to characterize the socio-cultural aspects of the medical profession in Perm Governorate in the late XIXth – early XXth century.

Keywords: zemstvo medicine, zemstvo doctor, medical workers, Perm zemstvo

* ИСМАКАЕВА Илиана Дамировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, idismakaeva@hse.ru

КОНЮХОВА Татьяна Алексеевна, студент факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, takonyukhova@edu.hse.ru

КОРНИЕНКО Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, sikornienko@hse.ru

СЕНИНА Анна Васильевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин факультета социально-экономических и компьютерных наук Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия, avsenina@hse.ru

© Исмакаева И.Д., Конюхова Т.А., Корниенко С.И., Сенина А.В., 2024

** Работа выполнена в рамках проекта № 23-00-030 «“Третий элемент” в Пермском земстве: социокультурный облик и деятельность (1870–1918 гг.)» программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Введение

Одной из наиболее значимых тем современного земствоведения стала история земской медицины. В ней ведущее место занимает проблематика земских медицинских работников, в первую очередь – врачей. Одновременно такое внимание связано и с продолжающейся активной разработкой проблематики «третьего элемента» в земстве – земских служащих, среди которых медикам принадлежало одно из ведущих мест, как в количественном отношении, так и по значимости их деятельности в земствах. Во многом земская медицина создала базу для развития научной медицины, повышения квалификации врачей и других специалистов-медиков на региональном уровне и в стране в целом. О значении земской медицины, деятельности земских медиков как важного этапа становления российской общественной медицины говорит и тот факт, что исторический опыт земств и земских врачей служит одним из истоков решения проблем здравоохранения в регионах современной России.

Земские собрания и управы в области медицины и здравоохранения занимались организационно-хозяйственными, управленческими, кадровыми и иными вопросами, в т.ч. строительством и ремонтом больниц, приемом на работу врачей и фельдшеров, организацией курсов для повышения квалификации врачей, постановкой профилактической и санитарной службы. На всех этапах земской историографии отмечается значимость «третьего элемента» – земских служащих – в организации и функционировании земств как системы местного самоуправления, их роль как связующего звена между земскими учреждениями и населением, как фактора формирования гражданского общества. Важным элементом этих процессов выступали земские медики и прежде всего – земские врачи. Они, как и представители других профессиональных когорт «третьего элемента», обладая достаточно высоким уровнем образования, знанием местных реалий и потребностей, не только обеспечивали решение профессиональных задач, но и непосредственно участвовали в организации деятельности земств и ее управлении, нередко проявляя себя как ведущие деятели губернских и уездных земств в целом.

Так, в Пермской губернии земские врачи сыграли важнейшую роль в становлении системы земской медицины. Кроме того, во многом благодаря их инициативе и взаимодействию с земскими собраниями и управами в Пермской губернии возникли съезды земских врачей, появилась постоянная санитарная комиссия из

трех врачей, а позднее было организовано санитарно-статистическое бюро при губернской земской управе [6, с. 92–95].

Историография

Вопросы состава, облика земских служащих-медиков, их деятельности, вклада в становление и развитие земской медицины и здравоохранения в регионах и стране в целом привлекали внимание исследователей на всех этапах земской историографии. Одна из особенностей начального дореволюционного этапа земской историографии состоит в том, что нередко авторами первых работ становились теоретики и практики земского самоуправления, среди которых и земские медики. В этом плане следует отметить опубликованный в 1871 г. очерк земской медицины И.И. Моллесона, в котором рассмотрена история развития медицины, уделено особое внимание санитарной и профилактической деятельности [12]. В начале 1890-х гг. Е.А. Осипов дал обзор земской медицины, дополненный статистическим очерком санитарного состояния Российской империи [14]. Становление, эволюция и состояние земской медицины в губернии охарактеризованы П.А. Голубевым в юбилейном труде, посвященном 30-летию Пермского земства. Автор подчеркнул значимость этой области земской деятельности и указал на трудности в ее развитии, связанные со слабыми сторонами состояния здравоохранения в губернии, – высокие материальные расходы на перестройку и постройку больниц, богаделен и приютов, находившихся в плохом состоянии [3]. Один из ведущих исследователей истории земства Б.Б. Веселовский в фундаментальном труде последовательно рассмотрел деятельность земства в области здравоохранения [2]. Он проанализировал дореформенное состояние медицины в империи, выделил этапы развития земской медицины, показал особенности ее организации и перспективы дальнейшего развития. Дореволюционная историография поставила ряд важных вопросов в исследовании деятельности земства в области здравоохранения и земской медицины, изучение которых было продолжено на следующих ее этапах, а также положила начало систематизации большого фактического материала.

В советский период было продолжено изучение земской интеллигенции, в т.ч. земских врачей и других медицинских работников. Такие исследования становятся важным аспектом понимания роли интеллигенции в обществе и ее влияния на социокультурную трансформацию региона. Так, Н.М. Пирумова, рассматривая условия

возникновения профессиональной группы земских врачей, анализирует их социокультурные и профессиональные характеристики, условия работы и быта [15; 16]. В своих исследованиях на материале списков земских служащих она выделяет следующие категории медицинских работников: врачи, среди которых около половины – санитарные (составляли около 6,5% от общей численности земских служащих), средний медицинский персонал – фельдшеры и акушерки (10,5%), достаточно немногочисленные ветеринары (врачи и фельдшеры). В это число не включены служащие больниц, сиротских домов, психиатрических колоний, исполняющие главным образом подсобные санитарные функции и составляющие приблизительно 5%, поскольку не все земские управы вели их учет. Анализ земских медицинских работников, проведенный Н.М. Пирумовой, не потерял актуальности и в контексте региональных исторических исследований.

Одной из первых работ, посвященных региональным земствам, в рассматриваемый период стало исследование деятельности Пермского земства в период с 1870 по 1890 гг., которое провел М.И. Черныш [22]. Автор тщательно проанализировал работу земства на фоне социально-экономического развития Урала после реформ, описал состояние медицинского дела и развитие земской медицины, уделил пристальное внимание санитарному вопросу.

В постсоветский период опубликовано множество работ по истории земской медицины, в т.ч. выполненных в русле региональной истории. Так, применительно к Пермской губернии необходимо отметить работу Ю.Н. Киприянова о развитии ветеринарного дела в губернии [7]. Оценка состояния местного здравоохранения конца XIX в. представлена в работе М.Б. Мирского [11]. Вопросы кадрового обеспечения земской медицины, участия медицинских работников в общественной жизни, процесс обучения медиков затронуты в работах Т.Ю. Шестовой, посвященных земствам близлежащих Вятской, Пермской и Оренбургской губерний [23]. Внимание В.Ю. Кузьмина сосредоточено на взаимодействии земств и властей по вопросам здравоохранения [8]. Кадровые вопросы и проблемы найма на земскую службу получили развитие в публикациях Д.Э. Черноухова [20].

Исследователями Института истории и археологии Уральского отделения РАН медицинские работники, в т.ч. земские врачи, рассматриваются в русле акторного подхода как одни из ключевых факторов (субъектов) модернизации в регионе, особо подчеркивается вклад земских врачей в ор-

ганизацию санитарной службы и охрану материнства и младенчества [1, с. 119].

Важно отметить, что в последние годы наметилась тенденция изучения социокультурного облика земских врачей и составления их коллективных портретов. Данные о более чем 300 земских врачах Пермской губернии собраны Д.Э. Черноуховым (и, по прогнозам автора, этот список можно расширить как минимум в 2 раза) [19]. Исследователи Н.А. Невоструев и В.В. Лядова предложили обобщающий образ врача на Урале [9] и отметили, что «проблема требует своего дальнейшего исследования, прежде всего за счет расширения списка медицинского сословия, включения в него фельдшеров и других медицинских работников (акушерок, сестер милосердия, оспопрививательниц)» [9, с. 21]. Кроме того, они представили малоизвестные имена земских врачей Пермской губернии, акцентируя внимание на их личном вкладе не только в развитие медицины, но и в формирование элементов гражданского общества на Урале [10]. Д.Э. Черноухов и Э.А. Черноухов продолжают дискуссию о типичном портрете земского врача и на примере врачей Осинского земства отмечают преимущественно прагматичный характер деятельности большинства этих специалистов [21].

Таким образом, несмотря на накопленный фактический материал, представляется, что социокультурный портрет земского врача требует дальнейшего исследования. Для более полного понимания и раскрытия роли и значимости земских медицинских работников, прежде всего врачей, необходимо не только проанализировать их профессиональные и социокультурные характеристики и получить коллективные портреты, но и выявить их особенности, отличия от врачей и медицинских работников вне земской сферы. Это и стало целью представленного исследования.

Источники и методология

Исходным для осмысления и раскрытия роли земских медицинских работников, прежде всего врачей, в становлении и развитии общественной системы здравоохранения, системы земского самоуправления, а также в формировании гражданского общества в России является совокупность их социально-культурных и профессиональных характеристик, которые составляют отличительные черты земских медицинских работников и могут быть выявлены на основании сравнительного анализа коллективных портретов групп и сообществ земских медиков и других представителей медицины. Средством построения таких портре-

тов может быть метод просопографии, для реализации которого разрабатываются просопографические базы данных. Так, основой исследования стала база данных (БД), содержащая сведения о 421 земском медицинском работнике, созданная в процессе реализации проекта «Третий элемент» в Пермском земстве: социокультурный облик и деятельность (1870–1918 гг.)». Информация в БД о земских медицинских работниках записана поименно и структурирована по следующим демографическим и социокультурным параметрам: ФИО, годы жизни, образование, пол, возраст, национальность, вероисповедание, должность и другие профессиональные параметры. Систематизация информации из источников позволила с помощью запросов к БД получить интегрированные количественные данные для выявления коллективных портретов как отдельных групп и категорий медицинских работников, так и всей когорты земских медиков в целом.

Одним из важных источников данных стали цифровые ресурсы, в частности – база данных «Формулярные и послужные списки в фондах Государственного архива Пермского края» [18]. Она содержит поименные, структурированные записи данных о персоналиях – служащих различных учреждений Пермской губернии, представленные в формулярных и послужных списках с 1781 по 1923 гг., которые хранятся в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК).

Так, в БД ГАПК, среди более чем 3 000 записей, содержащих информацию о служащих, 379 относятся к медицинскому персоналу второй половины XIX – начала XX вв. Из них 96 составляют медицинские работники – служащие земства, 283 – медицинские работники, состоящие на гражданской службе, но не относящиеся к сфере земской медицины. К ним относились, например, городские врачи, врачебные инспекторы, фельдшеры и лекарские ученики, подведомственные врачебному отделению Пермского губернского правления, различные категории медицинских работников заводских, приисковых и промысловых больниц, горных округов, железных дорог. Частнопрактикующие врачи не включены в эту группу, поскольку сведения о частной практике не отражены в формулярных и послужных списках Пермской губернии.

Использование БД ГАПК позволило дополнить состав персоналий в выборке, полученной из БД по проекту научно-учебной группы (НУГ) в НИУ ВШЭ, до 421; получить новые сведения о социокультурных характеристиках ряда земских служащих и данные по служащим

медикам вне земства, составить типичные их портреты и провести сравнения с земскими медицинскими работниками.

Определенное сходство структуры баз данных создавало благоприятные возможности для восполнения недостающих сведений в записях персоналий служащих, репрезентации их в общих таблицах и сравнительного анализа.

Для анализа полученных количественных данных о профессиональных, демографических и социально-культурных характеристиках земских и иных медицинских работников использовались методы дескриптивной статистики.

Анализ данных

В составе медицинских работников земства Пермской губернии были врачи, фельдшеры, ветеринарные врачи и фельдшеры, акушерки, санитары и иной вспомогательный персонал в различных медучреждениях.

К моменту открытия земских учреждений в 1870 г. здравоохранение в губернии находилось на достаточно низком уровне. Неслучайно этот вопрос рассматривался специально уже на первой очередной сессии Пермского губернского земского собрания. В докладе Пермской губернской земской управы о санитарной части приводятся следующие сведения о кадровом составе медицинских работников [4, с. 155–156]. Всего на конец августа 1870 г. в Пермской губернии насчитывалось врачей – 58 (приблизительно 1 врач на 37 тыс. чел.), акушеров – 10 (1 на 210 тыс. чел.). Число оспопрививателей было крайне ограничено: по официальным сведениям их было всего 98 (по одному на 22 тыс. чел.). Больниц городских, горного ведомства и частных насчитывалось 56, при этом больницы уездных городов имели 125 кроватей. Здесь же управа докладывала, что сельская врачебная часть была передана в ведение земства в зачаточном состоянии. Из 12 положенных по штату сельских врачей на службе состоял только 1, из 36 повивальных бабок в штате было 2, фельдшера находились лишь в 54 волостях, оспопрививатели – в 98, к тому же фельдшера и оспопрививатели совсем не имели хирургических инструментов [4, с. 154]. Как подчеркивалось в докладе, при недостатке врачей, отчасти и вследствие недоверия к ним в массе, в первых журналах губернских земских собраний отмечались шарлатанские практики фельдшеров и знахарей, которые «умышленно подрывают доверие массы к представителям рациональной медицины, отвлекая больных от обраще-

ния к специалистам и нагло эксплуатируя невежество и беспомощность народа», используют «ядовитые средства, расстраивающие здоровье многих сотен людей» [4, с. 155–156].

Очевидно, что область здравоохранения в губернии требовала большого внимания и расходов земства. Необходимо было увеличить численность и расширить штат медицинских работников, обеспечить подготовку новых кадров, повышение квалификации медицинского персонала, прежде всего врачебного.

По уровню образования медицинский персонал Пермской губернии состоял из образованных, квалифицированных специалистов. Несмотря на нехватку кадров, с которой столкнулись земства в первые годы своего существования, 77% медицинских работников земства имели высшее образование (из выборки служащих, для которых известны данные об образовании, 147 человек из 191 получили высшее образование, преобладают выпускники Казанского университета). Высшее образование отмечено у 36% (101 человек из 278) неземских врачей и медработников из аналогичной выборки (таблица 1).

Средний медицинский персонал готовили в фельдшерских школах, обучение завершалось

экзаменом на звание фельдшера, и основные различия между земским и неземским медицинским персоналом заметны именно на уровне среднего образования. Только 5% земских медицинских работников получили образование в училищах, гимназиях и прогимназиях, среднее специальное образование более характерно для этой группы. Среди неземских медицинских работников доля окончивших училища, гимназии и прогимназии составляет 56%. Это можно объяснить тем, что с 1872 г. земство повсеместно становится одним из главных организаторов обучения среднего медицинского персонала, именно в этом году был утвержден «Нормальный устав земской фельдшерской школы» (образцовый), по которому фельдшерские школы учреждались при губернской земской больнице и содержались на ее счет [13, с. 521–524]. Выпускники земских фельдшерских школ были обязаны отслужить в этом звании 4,5 года по назначению земских управ, определивших их в школу [13, с. 523]. В 1888 г. частная фельдшерская школа была открыта и при Пермской губернской земской Александровской больнице [5, с. 19–21].

Таблица 1

Образование медицинских работников

Образование	Земские медицинские работники	Прочие
Высшее (университеты, академии, институты)	147	101
Фельдшерские, ветеринарно-фельдшерские школы, экзамены на звание фельдшера	35	22
Училища, гимназии и прогимназии	9	155
Нет данных	230	5
Объем выборки	191	278
Итого	421	283

В целом, учебные заведения разного уровня, которые оканчивали медицинские работники, были достаточно разнообразными: всего в данных встречается 178 разных учебных заведений. Однако на уровне учреждений высшей школы лидирует Императорский Казанский университет, что можно объяснить относительной географической близостью Казанской и Пермской губерний. По имеющимся данным, его закончили 63 земских медицинских работника и 64 иных. Таким образом, именно выпускники Казанского университета в значительной степени оказывали влияние на развитие медицины в Пермской губернии. Примечательно, что есть примеры земских врачей, получивших высшее образование за границей: в

Швейцарии, Германии, Австрии. Имеющиеся данные о количестве выпускников высших учебных заведений среди рассматриваемых групп представлены в таблице 2.

Заметную роль в подготовке медицинских кадров и повышении их квалификации играли выдаваемые земством стипендии. Губернское и уездные земские собрания выделяли деньги на стипендии учащимся. В этом случае после обучения медицинские работники возвращались на работу в родную губернию. Так, одним из стипендиатов Осинского уездного земства был Владимир Евграфович Безсонов. В 1873 г. студент Императорской Военно-медицинской академии В.Е. Безсонов обратился в земскую управу с ходатайством о предоставлении ему

стипендии в размере 300 руб. [17, с. 272], по завершении обучения он служил в различных уездах Перм-

ской губернии, а позже стал ординатором Пермской губернской земской Александровской больницы.

Таблица 2

Количество медицинских работников – выпускников высших учебных заведений

Образование	Земские медицинские работники	Прочие
Императорский Казанский университет	63	64
Императорская Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия (Императорская военно-медицинская академия, Военно-медицинская академия)	28	5
Императорский Московский университет	15	11
Императорский Томский университет	13	3
Императорский Дерптский университет (Императорский Юрьевский университет)	8	7
Казанский ветеринарный институт	6	0
Императорский Киевский университет Святого Владимира	3	2
Императорский Харьковский университет	2	3
Императорский Варшавский университет	2	1
Харьковский ветеринарный институт	2	0
Императорский Виленский университет	1	0
Императорский Николаевский университет	1	0
Императорский Новороссийский университет	0	4
Пермский университет	0	1
Зарубежные учебные заведения	3	0

Стипендиальный фонд земств постепенно увеличивался. В 1891 г. фонд губернской управы на выдачу стипендий составлял 600 руб. В 1894 г. слушательницам училища лекарских помощниц и фельдшерниц и повивального института уже были назначены стипендии на сумму в 1 350 руб. К 1904 г. для обучения в высших учебных заведениях между заявителями распределялись 50 стипендий, учрежденных губернским земским собранием.

Стипендии выдавали и учащимся средних специальных учебных заведений, в частности – учащимся фельдшерской школы при Александровской больнице. Размер стипендии на курсах составлял от 120 до 150 руб. в год. Считаясь с потребностями земств Пермской губернии в фельдшерском персонале, сметная комиссия высказалась за увеличение числа стипендий в фельдшерских школах (в 1910 г. их количество достигло 30). Причем 24 стипендии принадлежали уездным земствам (по 2 стипендии на уезд) по рекомендации уездных земских собраний, а 6 оставалось в распоряжении губернского земского собрания. Размер стипендии в 1910 г. колебался от 150 до 240 руб. Как убедительно доказывает исследование Д.Э. Черноухова и Э.А. Черноухова, если рассматривать эти данные в ключе «прагматической» историографической традиции, земства постоянно вкладывались в подготовку молодых специалистов из уездных земств, стремились вырастить и удержать новые кадры, однако

должности земских врачей в сельских участках оказывались мало привлекательными и перспективными с точки зрения дохода [21, с. 90–91].

Следует отметить, что в обеих группах пермских медицинских работников незначительно представлены лица дворянского происхождения. Для неземских медработников их доля составляет около 18%, для земских – менее 10% выборки. Состав медицинских работников по социальному происхождению представлен в таблице 3.

Таблица 3

Сословный состав медицинских работников

Из какого звания происходит	Земские медицинские работники	Прочие
Из священнослужителей	23	10
Из крестьян	22	16
Из мещан	18	20
Из служащих	12	13
Из дворян	9	14
Из офицерских детей	6	4
Из солдатских детей	4	1
Из купцов	0	1
Из потомственных граждан	0	1
Нет данных	327	203
Объем выборки	94	80
Всего	421	283

В целом, необходимо отметить, что данные о происхождении земских врачей Пермской губернии также отличаются от общих показателей, которые дает Н.М. Пирумова (в ее выборке сведений о земских служащих в Пермской губернии не содержится). Так, по ее данным, среди земских врачей больше всего было выходцев из дворян и чиновников [15, с. 21], что не соотносится с полученными данными о земских медицинских служащих, прежде всего врачах, Пермской губернии и подтверждает вывод о региональной специфике. Согласно исследованию Д.Э и Э.А. Черноуховых, разнообразие социального состава медицинских работников в Пермской губернии связано во многом с тем, что срок службы земского врача на одном месте часто был непродолжительным (пример – Осинский уезд со сроком службы 1–3 года [21, с. 93]). Как подчеркивают авторы, для преодоления дефицита кадров земство активно привлекало людей непривилегированного социального статуса, однако удержать кадры было достаточно сложно.

С точки зрения вероисповедания обе группы медицинских работников достаточно монолитны и представлены преимущественно православными. Но заметно количество исповедующих иудаизм: 69 из 71 таковых – аптекарские помощники и ученики, среди которых 40 женщин. Всего среди неземских медицинских работников присутствует 125 женщин-аптекарских помощниц при Врачебном отделении Пермского губернского правления в ведении Министерства внутренних дел в 1916–1919 гг. Религиозная принадлежность медицинских работников в Пермской губернии представлена в таблице 4.

Таблица 4

**Конфессиональный состав
медицинских работников**

Вероисповедание	Земские медицинские работники	Прочие
Православие	89	190
Католицизм	3	8
Лютеранство	2	5
Иудаизм	1	71
Ислам	1	1
Нет данных	325	8
Объем выборки	96	275
Всего	421	283

Земские медицинские работники (помимо собственно врачей в эту группу включен и средний медицинский персонал) по возрасту практически

не отличаются от прочих (средний возраст земского медика, согласно нашим подсчетам, 42 года, неземского – 41 год).

Абсолютное большинство медицинских работников, по имеющимся данным, составляли мужчины. Несмотря на немногочисленность женщин – медицинских работниц земства (на текущий момент в БД их 26), сохранились сведения об их специальностях: это фельдшерицы, акушерки, ординаторы (в т.ч. в Александровской больнице). Некоторые из них были стипендиатками земства: О.И. Скворцова, Е.В. Александрова (Кротова), И.О. Калашникова (Фракман). Они не только исполняли свои профессиональные обязанности, но и играли активную роль в культурно-просветительской деятельности. Так, в воскресной школе при Крестовоздвиженском начальном училище Пермского уезда в 1905–1906 уч. г. фельдшерица-акушерка А.Б. Аверьянова проводила уроки по анатомии (Государственный архив Пермского края. Ф. 40. Оп. 1. Д. 155. Л. 10).

Коллективный портрет наиболее типичного земского медицинского работника по показателю «должность» подразделяется на две группы: ветеринар, заведующий уездной больницей или уездным врачебным участком, ординатор, служащий в Александровской больнице. Другие показатели: мужчина, средний возраст – 42 года, образование – высшее или среднее специальное, православный. Особенностью выборки является то, что портрет группы ветеринаров представлен в ней наиболее широко: эта должность охватывает около четверти всех земских медицинских служащих, сведения о которых содержатся в базе данных проекта. Портрет ординатора Александровской больницы – не столь многочисленный по сравнению с группой уездных ветеринаров, но, тем не менее, устойчивый и узнаваемый, – характерен для 10% медицинских работников, представленных в базе. Данные об ординаторах Александровской больницы наиболее полные, в т.ч. известны и их врачебные специализации: акушеры, хирурги, терапевты, сифилидологи, офтальмологи, невропатологи.

Коллективные портреты земских и неземских медицинских работников в Пермской губернии достаточно схожи. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют говорить об определенных особенностях и отличиях этих групп. Отметим, что в группе неземских врачей отсутствуют данные об ординаторах, акушерах, ветеринарах, нет сведений о врачебных специальностях. Категория ординаторов и среди земских врачей представлена достаточно небольшой группой, в основном земскими работниками Александровской больницы. Неполнота

данных не позволяет со всей определенностью делать утверждения о степени разнообразия должностного состава. Имеющиеся данные о распределении должностей среди земских и неземских медицинских работников в Пермской губернии представлены в таблице 5.

Таблица 5

Должности медицинских работников

Должность	Земские медицинские работники	Прочие
Врач	184	61
Ветеринарный врач	106	0
Фельдшер	59	22
Ординатор	40	0
Провизор, аптекарский ученик или помощник	17	200
Акушер	4	0
Заведующий больницей	4	0
Нет данных	7	0
Объем выборки	414	283
Всего	421	283

В коллективные портреты земских и неземских медицинских работников не включен показатель чин, что обусловлено многочисленными лакунами в данных о нем. Отсутствуют сведения о 80% как земских, так и неземских медицинских работников (данные о чинах медицинских работников в Пермской губернии представлены в таблице 6). Распределения известных данных очень близки. Согласно им для земского медицинского персонала более характерно отсутствие чина (13% против 7%), а также менее характерны высокие чины.

Таблица 6

Чины медицинских работников

Чин	Земские медицинские работники	Прочие
Не имеет	11	4
Коллежский советник	22	19
Надворный советник	16	11
Коллежский регистратор	11	5
Коллежский ассессор	9	8
Титулярный советник	7	4
Статский советник	3	4
Коллежский секретарь	2	0
Действительный статский советник	1	1
Нет данных	338	227
Объем выборки	83	56
Всего	421	283

Также не включены в коллективные портреты из-за ограниченности выборки матримониальные показатели медицинских работников Пермской губернии. Тем не менее, можно предположить, что обе категории медицинских работников схожи и по ним. Сведения о матримониальном статусе и составе семьи – супругах и детях, содержатся в формулярных списках. Данные о семейном статусе медицинских работников в Пермской губернии представлены в таблице 7. Из них видно, что абсолютное большинство в выборках по показателю в обеих группах представлено состоящими в браке.

Таблица 7

Матримониальный статус медицинских работников

Сведения о семье	Земские медицинские работники	Прочие
В браке	66	90
Холост / не замужем	7	2
Вдовец / вдова	0	6
Нет данных	348	185
Объем выборки	73	98
Всего	421	283

Результаты

Несмотря на ограниченность и неполноту выборок, с различной степенью достоверности удалось выявить следующие отличия земских медицинских работников от неземских в Пермской губернии.

Происхождение. В большинстве случаев земские медицинские работники в Пермской губернии были выходцами из духовенства, крестьян и мещан, что отличает их как от группы неземских медиков в губернии, так и в целом от профессиональной группы земских врачей. В силу региональной специфики (малочисленности дворянства в Пермской губернии в сравнении с Центральной Россией) эти отличия достаточно закономерны. Тем не менее, земскими врачами чаще становились представители наименее привилегированных социальных групп.

Образование и квалификация. Основные различия между земскими и неземскими медицинскими работниками проявляются на уровне высшего и среднего образования. По имеющимся данным, среди земских медиков в два раза чаще встречаются выпускники высших учебных заведений, в т.ч. зарубежных университетов. Земский средний медицинский персонал, как правило, заканчивал обучение в земских фельдшерских школах, получал специализированное медицинское образование. Как отмечено выше, земствами была разработана система целевого обучения – выпуск-

ники земских фельдшерских школ были обязаны отслужить по направлению земств, отправивших их на обучение.

Стипендии. Деятельность земств по подготовке новых кадров, особенно среди непривилегированных социальных групп, реализована через систему земского медицинского образования и выдачу стипендий, которые предоставлялись учащимся для получения медицинского образования. Земские собрания выделяли средства на стипендии, что позволяло более широкой аудитории получить медицинское образование. Увеличение стипендиального фонда и количества стипендий демонстрирует заинтересованность земств в подготовке новых специалистов и повышении их квалификации.

География работы. Несмотря на то, что сведения о месте работы обеих групп медиков отличаются неполнотой, можно отметить, что земские врачи чаще всего работали в сельских районах, где их услуги были необходимы для обеспечения доступности медицины. Неземские врачи могли работать в более крупных населенных пунктах, на заводах, железных дорогах, в полевых госпиталях и др.

Участие женщин. Статистический портрет медицинского работника конца XIX – начала XX вв. ожидаемо преимущественно мужской. Тем не менее, с точки зрения гендерного подхода важно, что в источниках сохранились значимые сведения об участии женщин в развитии медицины в регионе. Несмотря на неполноту и ограниченность данных, они демонстрируют два заметных портрета. Среди неземского среднего медицинского персонала это, прежде всего, аптекарские помощницы. В формулярных и послужных списках Пермской губернии не встречаются женщины с позицией врача. Однако, привлекая другие источники, среди земского персонала мы находим фельдшерниц, акушерок, ординаторов. Многие из них были стипендиатками земства, закончили высшие женские медицинские курсы в Санкт-Петербурге или получили образование за границей.

Завершая изложение результатов исследования, следует подчеркнуть его значимость для понимания социокультурных аспектов медицинской профессии в Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. Значительные отличия между земскими и неземскими медицинскими работниками не только проливают свет на кадровую структуру и образовательные практики в области медицины, но и иллюстрируют роль земства с одной стороны как института, способствующего развитию медицинского персонала и доступности медицинских услуг в сельских районах, а с другой формирующего си-

стему создания новых высококвалифицированных медицинских кадров и их закрепления в регионе. Полученные данные о стипендиальных фондах, образовательных возможностях и участии женщин в медицинской практике подчеркивают важность местного самоуправления в формировании медицинского сообщества и решении социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016.
2. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет: в 4-х т. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911.
3. Голубев П.А. 30-летие земства в Пермской губернии. Пермь, 1900.
4. Журналы первого очередного Пермского губернского земского собрания, декабрьской сессии 1870 года, с докладами губернской управы и другими приложениями. Пермь, 1871.
5. Журналы XVIII очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. Пермь, 1888.
6. Журналы Пермского губернского земского собрания XX очередной сессии с приложениями. Пермь, 1890.
7. Киприянов Ю.Н. История ветеринарии Пермской губернии. Ч. 1. 1870–1917. Пермь: Пушка, 1995.
8. Кузьмин В.Ю. История земской медицины России и влияние на нее государства и общественности: 1864 – февраль 1917 гг.: дисс. ... д. ист. н. Самара, 2005.
9. Лядова В.В., Невоструев Н.А. Земский врач: попытка исторической реконструкции (на примере Пермской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Технологос. 2022. № 2. С. 5–24.
10. Лядова В.В., Невоструев Н.А. Земские врачи Пермской губернии: забытые имена (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 1. С. 195–208.
11. Мирский М.Б. Медицина в России XVI–XIX вв. М.: РОССПЭН, 1996.
12. Моллесон И.И. Земская медицина: Очерк И.И. Моллесона, земского врача в г. Перми, члена Общества врачей г. Казани. Казань, 1871.
13. Нормальный устав земской фельдшерской школы // Мыш М.И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1904. С. 521–524.
14. Осипов Е.А. Земская медицина в России // Русская земская медицина. М., 1899. С. 43–211.
15. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.

16. Пирумова Н.М. Списки земских служащих конца XIX – начала XX вв. // Археографический ежегодник за 1980 год. М.: Наука, 1981. С. 110–122.

17. Систематический сборник постановлений осинских уездных земских собраний за время с 1870–1890 год и очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения, в связи с общими сведениями об Осинском уезде. Оса, 1891.

18. Тематическая база данных «Формулярные и послужные списки в фондах ГАПК» // Государственный архив Пермского края. URL: <https://archives.permkrai.ru/database/71>

19. Черноухов Д.Э. База данных по земским врачам Пермской губернии: проблемы составления и перспективы рефлексии // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета (г. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 351–354.

20. Черноухов Д.Э. Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. н. Екатеринбург, 2021.

21. Черноухов Д.Э., Черноухов Э.А. Земские врачи Осинского уезда Пермской губернии в 1870–1919 гг. (к дискуссии о типичном образе этих специалистов) // Технологос. 2023. № 4. С. 88–96.

22. Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1959.

23. Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864–1900. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003.

REFERENCES

1. Aktory rossiiskoi imperskoj modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regionalnoe izmerenie [Actors of the Russian imperial modernization (18th – early 20th century): regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kulturnoi informatsii, 2016. (in Russ.)

2. Veselovskii, B.B., 1909–1911. Istoriya zemstva za 40 let: v 4-kh t. [The history of zemstvo over 40 years: in 4 volumes]. Sankt-Peterburg: Izd-vo O.N. Popovoi. (in Russ.)

3. Golubev, P.A., 1900. 30-letie zemstva v Permskoi gubernii [The 30th anniversary of zemstvo in Perm Governorate]. Perm. (in Russ.)

4. Zhurnaly pervogo ocherednogo Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, dekabr'skoi sessii 1870 goda, s dokladami gubernskoi upravy i drugimi prilozheniyami [Journals of the first regular Perm provincial Zemstvo assembly, session of December

1870, with reports of the provincial Zemstvo council and other applications]. Perm, 1871. (in Russ.)

5. Zhurnaly XVIII ocherednogo Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s prilozheniyami [Journals of the XVIII regular Perm provincial Zemstvo assembly with applications]. Perm, 1888. (in Russ.)

6. Zhurnaly Permskogo gubernskogo zemskogo sobraniya XX ocherednoi sessii s prilozheniyami [Journals of the XX regular Perm provincial Zemstvo assembly with applications]. Perm, 1890. (in Russ.)

7. Kipriyanov, Yu.N., 1995. Istoriya veterinarii Permskoi gubernii. Ch. 1. 1870–1917 [The history of veterinary medicine in Perm Governorate. Part 1. 1870–1917]. Perm: Pushka. (in Russ.)

8. Kuz'min, V.Yu., 2005. Istoriya zemskoi meditsiny Rossii i vliyanie na neyo gosudarstva i obshchestvennosti: 1864 – fevral' 1917 gg. [The history of zemstvo medicine in Russia and the influence of state and society on it, 1864 – February 1917], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Samara. (in Russ.)

9. Lyadova, V.V. and Nevostruev, N.A., 2022. Zemskii vrach: popytka istoricheskoi rekonstruktsii (na primere Permskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.) [Zemstvo doctor: an attempt of historical reconstruction (the case of Perm Governorate in the second half of the XIXth – early XXth centuries)], Tekhnologos, no. 2, pp. 5–24. (in Russ.)

10. Lyadova, V.V. and Nevostruev, N.A., 2023. Zemskie vrachi Permskoi gubernii: zabytye imena (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Zemstvo doctors of Perm Governorate: forgotten names (second half of the XIXth – early XXth centuries)], Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya, no. 1, pp. 195–208. (in Russ.)

11. Mirskii, M.B., 1996. Meditsina v Rossii XVI–XIX vv. [Medicine in Russia from the XVIth to the XIXth century]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

12. Molleson, I.I., 1871. Zemskaya meditsina: Ocherk I.I. Mollesona, zemskogo vracha v g. Permi, chlena Obschestva vrachei g. Kazani [Zemstvo medicine: an essay by I.I. Molleson, zemstvo doctor in Perm, a member of the Kazan Society of Physicians]. Kazan. (in Russ.)

13. Normal'nyi ustav zemskoi fel'dsherskoi shkoly [Standard charter of a zemstvo medical assistant school]. In: Mysh, M.I., 1904. Polozhenie o zemskikh uchrezhdeniyakh 12 iyunya 1890 g. s otnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami. Sankt-Peterburg: Tipo-litogr. M.P. Frolovoi, pp. 521–524. (in Russ.)

14. Osipov, E.A., 1899. Zemskaya meditsina v Rossii [Zemstvo medicine in Russia]. In: Russkaya zemskaya meditsina. Moskva, 1899, pp. 43–211. (in Russ.)

15. Pirumova, N.M., 1986. Zemskaya intelligentsiya i eyo rol' v obshchestvennoi bor'be do

nachala XX v. [Zemstvo intelligentsia and its role in the social struggle up to the early XXth century]. Moskva. (in Russ.)

16. Pirumova, N.M., 1981. Spiski zemskikh sluzhashchikh kontsa XIX – nachala XX vv. [Lists of zemstvo officials from the late XIXth to the early XXth century]. In: Arkheograficheskii ezhegodnik za 1980 god. Moskva: Nauka, 1981, pp. 110–122. (in Russ.)

17. Sistematischeskii sbornik postanovlenii osinskikh uездnykh zemskikh soborov za vremya s 1870–1890 god i ocherk dvadtsatiletnei deyatelnosti Osinskogo zemstva po glavneishim predmetam ego vedeniya, v svyazi s obshchimi svedeniyami ob Osinskom uезде [Systematic collection of resolutions of the Osinsky District zemstvo assemblies from 1870 to 1890 and an essay on the activity of the Osinsky zemstvo on key issues within its jurisdiction for 20 years, in connection with general information about the Osinsky District]. Osa, 1891. (in Russ.)

18. Tematicheskaya baza dannykh «Formulyarnye i posluzhnye spiski v fondakh GАРК» [Thematic database «Formulary lists and service records in the funds of the State Archives of Perm Krai»]. URL: <https://archives.permkrai.ru/database/71> (in Russ.)

19. Chernoukhov, D.E., 2018. Baza dannykh po zemskim vracham Permskoi gubernii: problemy sostavleniya i perspektivy refleksii [Database of zemstvo doctors of Perm Governorate: challenges in compilation and prospects for reflection]. In: Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VII Vserossiiskoi

nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu Istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo federal'nogo universiteta (g. Ekaterinburg, 16–18 noyabrya 2018 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018, pp. 351–354. (in Russ.)

20. Chernoukhov, D.E., 2021. Zemskaya meditsina Permskoi gubernii v poslednei treti XIX – nachale XX vv. [Zemstvo medicine of Perm Governorate in the late XIXth – early XXth century], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg. (in Russ.)

21. Chernoukhov, D.E. and Chernoukhov, E.A., 2023. Zemskie vrachi Osinskogo uезда Permskoi gubernii v 1870–1919 gg. (k diskussii o tipichnom obraze etikh spetsialistov) [Zemstvo doctors of the Osinsky District of Perm Governorate in 1870–1919 (towards the discussion on the typical image of zemstvo doctors)], Tekhnologos, no. 4, pp. 88–96. (in Russ.)

22. Chernysh, M.I., 1959. Razvitie kapitalizma na Urale i Permskoe zemstvo [The development of capitalism in the Urals and the Perm zemstvo]. Perm. (in Russ.)

23. Shestova, T.Yu., 2003. Razvitie zdorvookhraneniya ural'skikh gubernii (Permskoi, Vyatskoi, Orenburgskoi) 1864–1900 [The Development of healthcare in the Ural governorates (Perm, Vyatka, Orenburg), 1864–1900]. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
рекомендована к печати 09.10.2024*

УДК 314(571.53)(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/70-78>

В.А. Шаламов, С.А. Шаламова*

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

В статье на основе данных всеобщих переписей населения 1897 и 1926 гг. выясняется место жителей таких региональных столиц, как Иркутск, Красноярск, Чита, Верхнеудинск и Якутск, в структуре населения Восточной Сибири. Авторы анализируют динамику роста общей численности городского населения Восточной Сибири, изменения полового состава, соотношения городского и сельского населения региона, а также проводят сравнение темпов развития региональных центров Восточной Сибири между собой.

Ключевые слова: историческая демография, региональный центр, Восточная Сибирь, городское население, урбанизация

Demographic dynamics in the regional centers of Eastern Siberia in the late XIXth – first quarter of the XXth century. VLADIMIR A. SHALAMOV, SVETLANA A. SHALAMOVA (Baikal State University, Irkutsk, Russia)

Based on the data of the general population censuses of 1897 and 1926, the article focuses on the place of the residents of regional capitals (Irkutsk, Krasnoyarsk, Chita, Verkhneudinsk and Yakutsk) in the structure of the population of Eastern Siberia. The authors analyze the dynamics of growth of the total urban population of Eastern Siberia, changes in its gender composition, the ratio of the urban and rural population of the region, and also compare the rates of development of the regional centers of Eastern Siberia with each other.

Keywords: historical demography, regional capital, Eastern Siberia, urban population, urbanization

Введение

Переписи населения являются важнейшим историческим источником, предоставляющим широкие возможности для компаративного анализа. Октябрь 1917 г. внес существенные изменения во все сферы жизни российского общества, что нашло отражение в т.ч. в переписях населения советского времени. В частности, изменились административно-территориальные границы, из пере-

писей исчезла графа о конфессиональной принадлежности, поменялась социальная стратификация общества и т.д. В результате исследователи стали избегать сравнения данных двух крупнейших всеобщих переписей населения 1897 г. и 1926 г. в рамках отдельно взятых регионов, в т.ч. Восточной Сибири. Однако сложность стыковки статистических материалов двух переписей не означает полной невозможности их сопоставления. При деталь-

* ШАЛАМОВ Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия, wladimir13x@ya.ru

ШАЛАМОВА Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия, swetlanal5x@ya.ru

© Шаламов В.А., Шаламова С.А., 2024

ном ознакомлении с материалами переписей авторами были выявлены направления, доступные для проведения анализа динамики социальных процессов.

В центре внимания данной статьи – население региональных центров Восточной Сибири. Под Восточной Сибирью понимается пространство бывшего Иркутского генерал-губернаторства, в состав которого входили Енисейская и Иркутская губернии и Забайкальская и Якутская области. Их административными центрами были города Красноярск, Иркутск, Чита и Якутск. В начале 1920-х гг. в ходе административно-территориальных преобразований на основе Якутской области была создана Якутская АССР (далее – ЯАССР), а западную часть Забайкальской области преобразовали в Бурят-Монгольскую АССР (БМАССР). Таким образом, добавился еще один регион с центром в Верхнеудинске. В 1926 г. губернии были упразднены и на их основе образованы округа, границы которых не совпадали с прежними административными границами. Тем не менее, эти перемены не затронули города, что дает возможность для сравнительного анализа материалов двух переписей, касающихся их населения.

Тот факт, что исследование фокусируется именно на жителях «больших» городов, обусловлен рядом обстоятельств. Региональные столицы отличались от «малых» городов прежде всего тем, что в них располагалась администрация, управленческая верхушка не только самого города, но и всего региона. Сюда стекалось как население ближайшей сельской округи, так и переселенцы, а также жители «малых» городов. Семейных привлекала возможность устроить детей в учебные заведения для получения среднего или высшего образования, безработных – быстро найти заработок, интеллигенцию – более развитая культурная среда, кустарей и торговцев – возможность легко сбыть продукцию и т.д. Если «малые» города были, по сути, большими деревнями, то в «больших» имелись такие городские атрибуты, как разветвленная многоведомственная администрация, каменные строения, мощеные улицы, водопровод, крупные больницы, учебные и торговые заведения и т.д. Кроме того, существует потребность в изучении не просто массива городского населения, а различных его социальных страт. В нашем случае речь идет о жителях региональных административных центров как самостоятельной социально-территориальной страте.

Первые попытки провести анализ демографического поведения населения некоторых восточносибирских регионов на основании переписей населения конца XIX – первой четверти XX вв. были предприняты еще в межвоенные годы [14; 17; 18]. Однако эти наработки не получили

дальнейшего развития в условиях сталинской модернизации страны и закрытия информации, в т.ч. статистической.

Возрождению интереса к демографической проблематике Восточной Сибири способствовало исследование В.В. Воробьева. Его научный труд, посвященный дореволюционному периоду и содержащий общий анализ процесса роста населения Восточной Сибири и его причин, до сих пор является отправной точкой для всех исследующих данную проблематику [2].

Научный тандем В.А. Исупова и А.С. Московского, напротив, концентрировался на изучении демографических процессов в регионе в советский период, в т.ч. по материалам переписи 1926 г. В их трудах городское население Сибири в целом рассматривалось довольно подробно, но главным образом с точки зрения миграционных процессов, социальных трансформаций, катастроф и кризисов [6; 7]. Авторы не пытались проводить параллели с демографическими процессами дореволюционного периода.

В первом томе масштабного трехтомного труда «Население России в XX веке» приведены в сравнительной перспективе данные по демографии России на базе переписей населения 1897 и 1926 гг., а также дан анализ наблюдавшихся тенденций [8]. Однако, как и для прочих обобщающих работ, для данного труда характерно редкое упоминание Восточной Сибири и ее демографических особенностей.

На сегодняшний день практически по каждому региону Восточной Сибири и Дальнего Востока имеются научные статьи, в которых рассматриваются те или иные вопросы исторической демографии. Так, публикация Г.А. Ткачевой о демографической ситуации на Дальнем Востоке построена на данных переписи населения 1926 г. [15]. В ней приведена динамика роста населения, в т.ч. городского, сведения о распределении населения по регионам и занятости. Сопоставлению с данными переписи 1897 г. подверглись только данные об общей численности населения. Похожую работу в отношении малых городов Красноярского края в 1920-е – 1930-е гг. провела М.В. Холина [16]. Специфику переписи населения 1897 г. в Забайкалье изучал А.Н. Изюмов [5], сословную структуру дореволюционного городского общества Сибири – А.А. Артемьев [1], динамику национального состава региона по материалам переписей 1926–1989 гг. – М.А. Семенов [13]. Обзор научной литературы показывает, что исследователи, как правило, фокусируют внимание либо на переписи населения 1897 г., либо на советских переписях, избегая их сравнения и в лучшем случае демонстрируя лишь общую динамику численности населения без детализации.

**Характеристика переписей населения
1897 и 1926 гг.**

28 января 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи. В 1904 г. были изданы отдельные тома ее материалов по всем регионам Восточной Сибири, содержащие сводные статистические таблицы. Аналогичное издание по Якутской области появилось годом позже. В первой таблице без обозначения номера были приведены данные отдельно по округам и окружным центрам. Приводились сведения по наличному населению, из которого выделялись иностранные подданные и временно пребывающие в месте переписи. При этом наличное население разделялось по половому признаку. Далее был представлен состав населения, в т.ч. такие его характеристики, как место рождения, словесная принадлежность, родной язык и вероисповедание. Именно эта часть материалов переписи наиболее востребована учеными. В таблице I дано распределение наличного и постоянного населения по полу и месту пребывания, благодаря чему можно рассчитать соотношение городского и сельского населения.

Первая советская перепись населения была проведена 17 декабря 1926 г. Ее материалы, касающиеся восточносибирских регионов, были опубликованы отдельными книгами в 1928–1930 гг. При этом по три тома было отведено Сибирскому краю, в который вошли территории бывших Иркутской и Енисейской губерний, а также БМАССР, образованной на землях западной части Забайкалья и части Иркутской губернии. Материалы переписи по Дальневосточному краю, к которому отнесли восточное Забайкалье и ЯАССР, вошли в состав еще трех томов. Каждый том имел свою специализацию (отделение). В первом отделении была приведена информация о народностях, родном языке, возрасте и грамотности. Именно эта часть материалов и была использована в нашем исследовании.

В таблице V была представлена статистическая информация о наличном и постоянном населении городских поселений с разделением по половому признаку. Именно из этой таблицы мы заимствовали данные по населению административных центров каждого из регионов, а также прочих городских поселений. Данные таблиц совпадают по всем региональным центрам, кроме Верхнеудинска, в отношении которого имеются некоторые неточности. Так, в таблицах IV–V указано, что в городе проживало 28 921 чел., а в таблице XI – на 3 человека меньше. Аналогичные неточности были замечены и в других графах. Тем не менее, данные разнятся незначительно. При расчетах мы использовали цифру в 28 918 чел., поскольку в соответствующей таблице все состав-

ные элементы верифицируются. Предшествующие таблицы, к сожалению, такой возможности перепроверки не дают [3, с. 345, 362].

Данные по сельскому населению с распределением по половому признаку можно вычленил из таблиц IX–XI. В них информация сгруппирована по региональным центрам, городскому населению и сельскому населению каждого округа или района.

**Соотношение городского
и сельского населения**

В Восточной Сибири в конце XIX в. проживало 2 026 345 чел. За три десятилетия XX в. численность населения этой территории достигла 3 689 996 чел. И это при том, что Россия пережила несколько крупных военных конфликтов и революционных потрясений, унесших жизни немало числа жителей восточносибирских регионов (русско-японская, Первая мировая и гражданская войны, три революции). Характерными чертами огромных территорий Восточной Сибири являются их неравномерная заселенность и неодинаковая транспортная доступность. Из таблицы I видно, что уровень урбанизации региона был критически низким. Согласно переписи населения 1897 г., в среднем в городах Восточной Сибири проживало 8,8% населения региона. И если в Иркутской и Енисейской губерниях этот показатель незначительно превышал отметку в 10%, то в Якутской области, где имели место и транспортная удаленность от культурных и административных центров, и суровый климат, он составлял лишь 3,4%.

В регионе наблюдалось преобладание мужского населения над женским, что является характерным признаком переселенческого общества. Лишь в сельской местности западной части Забайкалья численность женщин незначительно превышала численность мужчин. В среднем представители мужского пола составляли 53,8% горожан, в Чите этот показатель достигал 56,8%, что было обусловлено расположением в этом городе администрации гражданского и военного управления, нерчинской каторги и промышленных учреждений. Доля мужчин в населении сельской местности составляла в среднем 51,9%. В городских поселениях мужчин было чуть больше, чем в сельских, в связи с концентрацией в них административных и военных учреждений.

Перепись 1926 г. демонстрирует существенные сдвиги в вышеупомянутых показателях. Если население региона возросло в 1,8 раза, то население его городов – в 3 раза. К 1926 г. в среднем в городах проживало 14,4% населения. Иными словами, темпы роста числа жителей городов Восточной Сибири превышали темпы роста численности

населения региона в целом. Несомненно, это не могло быть следствием естественного прироста населения. Заметно резкое увеличение числа горожан в пределах бывшей Иркутской губернии, где их доля в общей численности населения превысила 25%, что было связано с отнесением ряда сельских населенных пунктов к населенным пунктам городского типа, в т.ч. Бодайбо, Черемхово с копиями, Ленино, Качуг, Жигалово, Усолъе и др. В Забайкалье рост городского населения также происходил за счет отнесения к горожанам жителей крупных железнодорожных станций и промышленных центров. Более интенсивный рост городского населения восточной части Забайкалья может быть отчасти объяснен миграционными процессами, имевшими место в период гражданской войны и первые послевоенные годы. В пределах бывшей Енисейской губернии изменения не были столь значительными, к тому же они компенсировались значительным притоком в сельскую местность крестьян-переселенцев.

Дисбаланс соотношения полов в сравнении с данными переписи 1897 г. приобрел более сглаженный вид. Так, доля мужского населения в городах составляла в среднем 51%, а в сельской местности – 50,2%. Вероятной причиной снижения численности мужчин являются потери в ходе революций и военных конфликтов.

Жители региональных центров в структуре населения Восточной Сибири

Обратимся к вопросу о том, какая доля в структуре городского населения Восточной Сибири приходилась на жителей региональных центров. Данные переписи 1897 г. демонстрирует, что в региональных столицах Восточной Сибири проживало свыше 100 тыс. чел. или почти 60% горожан региона (см. табл. 2), из них около половины концентрировалось в Иркутске. Несмотря на то, что в Якутске проживало лишь около 6,5 тыс. чел., прочие города Якутской области были настолько микроскопическими, что на их фоне Якутск казался крупным городом. В нем локализовался 71% всего городского населения области. В Енисейской губернии и Забайкальской области, напротив, имелся ряд крупных городов, которые оттягивали на себя часть городского населения, поэтому степень концентрации горожан в региональных центрах здесь была ниже.

С точки зрения полового состава населения городов практически везде лидировали мужчины: в региональных центрах представители мужского пола составляли в среднем 54,5% от наличного населения, в прочих городах – 53%. Напрашивается предположение о том, что чем выше концентрация населения, тем больше мужчин в местном сообществе. Однако этот тезис верен только отча-

сти. Доля мужского населения в составе жителей региональных центров существенно варьировалась по городам: в Иркутске – 51,7%, в Якутске – 54,5%, в Красноярске – 55%, в Чите – 60,2% и в Верхнеудинске – 62,3%. Так, дисбаланс соотношения полов был наиболее сглаженным в Иркутске, не обладавшем крупными воинскими контингентами, промышленными предприятиями и не являвшемся центром крестьянского переселения или местом концентрации ссыльнопоселенцев. Высокие же показатели забайкальских региональных центров объяснимы тем, что они находились в прямо противоположном положении.

В городах Восточной Сибири, не являвшихся региональными центрами, соотношение полов было более гармоничным. Заметный дисбаланс наблюдался лишь в городских поселениях Иркутской губернии, где доля мужчин составляла 57,3%. Прежде всего, это происходило за счет таких городов, как Киренск и Нижнеудинск, являвшихся крупными транспортными и промысловыми центрами губернии, что и обусловило привлечение в них массы мужчин на заработки [11, с. 1].

Перепись 1926 г. фиксирует множественные изменения. Так, численность жителей региональных центров Восточной Сибири увеличилась в 2,6 раза. При этом на них стал приходиться 51,1% всех горожан региона. В Иркутской губернии резко уравнилось распределение городского населения между Иркутском и прочими городами, что произошло во многом благодаря отнесению части сельских поселений к городским. В Красноярске и Якутске ситуация практически не изменилась, чего нельзя сказать о Забайкалье. Так, население Верхнеудинска за три десятилетия возросло в 3,6 раза, в нем проживало более 60% городского населения республики.

Дисбаланс в соотношении полов в результате всех перипетий начала XX в. практически повсеместно выровнялся. В региональных центрах доля мужского населения в среднем составляла 50,9%, варьируясь от 49,5% в Красноярске до 52,9% в Чите. Однако для БМАССР преобладание мужчин (61%) в составе населения прочих городских поселений оставалось актуальным, главным образом за счет Нижней Березовки, где дислоцировались воинские контингенты и доля мужского населения составляла 80% [3, с. 345].

Иная картина складывается, когда мы пытаемся узнать, какую долю составляли жители региональных центров Восточной Сибири в общей массе населения региона. Согласно данным переписи 1897 г., эта доля была незначительна – в среднем 5,1% по региону. Лишь в Иркутске проживало 10% населения соответствующей губернии, в Красноярске – 4,7%, в Чите – 3,3%, в Верхнеудинске – 2,5% и в Якутске – 2,4%.

Соотношение численности городского и сельского населения Восточной Сибири по регионам

Регион	Городское население				Сельское население				Общая численность населения		
	Муж.	Жен.	Всего	%	Муж.	Жен.	Всего	%	Муж.	Жен.	Всего
Данные переписи 1897 г.											
Иркутская губерния	33 084	29 711	62 795	12,2	240 995	210 477	451 472	87,8	274 079	240 188	514 267
Енисейская губерния	33 774	29 110	62 884	11	265 194	242 083	507 277	89	298 968	271 193	570 161
Забайкальская область, в т.ч.:	23 987	18 791	42 778	6,4	318 556	310 703	629 259	93,6	342 543	329 494	672 037
Западное Забайкалье	10 677	8 661	19 338	5,9	153 480	155 497	308 977	94,1	164 157	164 158	328 315
Восточное Забайкалье	13 310	10 130	23 440	6,8	165 076	155 206	320 282	93,2	178 386	165 336	343 722
Якутская область	4 871	4 311	9 182	3,4	134 726	125 972	260 698	96,6	139 597	130 283	269 880
ИТОГО	95 716	81 923	177 639	8,8	959 471	889 235	1 848 706	91,2	1 055 187	971 158	2 026 345
Данные переписи 1926 г.											
Иркутская губерния	94 991	95 332	190 323	25,6	279 994	273 610	553 604	74,4	374 985	368 942	743 927
Енисейская губерния	83 317	83 535	166 852	10,6	696 171	712 615	1 408 786	89,4	779 488	796 150	1 575 638
Забайкальская губерния	59 444	54 434	113 878	19,3	241 290	234 933	476 223	80,7	300 734	289 367	590 101
БМАССР	25 336	20 240	45 576	9,3	223 177	222 492	445 669	90,7	248 513	242 732	491 245
ЯАССР	8 023	7 254	15 277	5,3	144 832	128 976	273 808	94,7	152 855	136 230	289 085
ИТОГО	271 111	260 795	531 906	14,4	1 585 464	1 572 626	3 158 090	85,6	1 856 575	1 833 421	3 689 996

Рассчитано по: [3, с. 8–10, 358–360; 4, с. 103, 121; 9; 10; 11; 12]

Соотношение численности населения региональных центров и прочих городов Восточной Сибири

Регион, региональный центр	Региональный центр				Прочие города			
	Муж.	Жен.	Всего	%	Муж.	Жен.	Всего	%
Данные переписи 1897 г.								
Иркутская губерния / Иркутск	26 597	24 876	51 473	82	6 487	4 835	11 322	18
Енисейская губерния / Красноярск	14 688	12 011	26 699	42,5	19 086	17 099	36 185	57,5
Забайкальская область / Чита, Верхнеудинск, в т.ч.:	11 969	7 628	19 597	45,8	12 018	11 163	23 181	54,2
Западное Забайкалье / Верхнеудинск	5 036	3 050	8 086	41,8	5 641	5 611	11 252	58,2
Восточное Забайкалье / Чита	6 933	4 578	11 511	49,1	6 377	5 552	11 929	50,9
Якутская область / Якутск	3 561	2 974	6 535	71,2	1 310	1 337	2 647	28,8
ИТОГО	56 815	47 489	104 304	58,7	38 901	34 434	73 335	41,3
Данные переписи 1926 г.								
Иркутская губерния / Иркутск	49 308	49 456	98 764	51,9	45 683	45 876	91 559	48,1
Енисейская губерния / Красноярск	35 803	36 458	72 261	43,3	47 514	47 077	94 591	56,7
Забайкальская губерния / Чита	32 578	28 948	61 526	54	26 866	25 486	52 352	46
БМАССР / Верхнеудинск	15 179	13 739	28 918	63,5	10 157	6 501	16 658	36,5
ЯАССР / Якутск	5 568	4 990	10 558	69,1	2 455	2 264	4 719	30,9
ИТОГО	138 436	133 591	272 027	51,1	132 675	127 204	259 879	48,9

Рассчитано по: [3, с. 8–10, 346; 4, с. 6, 168; 9; 10; 11; 12]

К 1926 г. этот показатель не претерпел радикальных изменений. В региональных столицах проживало лишь 7,4% всего населения Восточной Сибири. При этом Иркутск (13,3%) по-прежнему занимал лидирующие позиции на фоне других городов. За ним следовала Чита, где к 1926 г. проживало 10,6% населения Забайкальской губернии. Трехкратный рост данного показателя здесь был связан с уже упомянутым общим ростом городского населения в Забайкалье. Интересно, что в Красноярске данный показатель спустя три десятилетия остался почти неизменным (4,6%). Дело в том, что Енисейская губерния, самый плодородный регион Восточной Сибири, приняла наибольшую долю переселенцев, поэтому рост числа горожан нивелировался ростом числа селян.

В целом жители восточносибирских региональных столиц составляли сравнительно немногочисленную, но очень важную социальную страту. Их доля в общем составе населения региона росла, однако темпы этого роста были довольно умеренными.

Динамика развития региональных центров Восточной Сибири

В конце XIX в. население Иркутска, являвшееся официальным центром Иркутского генерал-губернаторства, составляло 51 473 чел., иными словами, в нем проживала почти половина (49,3%) населения, приходившегося на региональные столицы Восточной Сибири. В Красноярске проживало 26 699 чел. (25,6%), в Чите – 11 511 чел. (11%), в Верхнеудинске – 8 086 чел. (7,8%) и в Якутске – 6 535 (6,3%). Любопытно, что последний по численности населения больше походил на сибирский уездный центр. Например, в таких уездных городах Забайкалья, как Нерчинск и Троицкосавск, проживало больше населения, чем в Якутске.

Изменилась ли ситуация к моменту проведения переписи 1926 г.? В среднем население региональных центров Восточной Сибири увеличилось к этому времени на 160,8%. В сравнении с другими региональными столицами наиболее интенсивно развивались города Забайкалья. Чита на короткое время стала столицей Дальневосточной республики и притягивала к себе немало эмигрантов из числа тех, кто не готов был покинуть Россию навсегда, но при этом не смог примириться с политикой военного коммунизма. Военные действия также удерживали в регионе массу военных и членов их семей. Это объясняет рост населения за рассматриваемый период с 11 511 чел. до 61 526 чел. (или на 434,5%). Верхнеудинск с 1923 г. стал столицей БМАССР и стягивал вокруг себя администрацию, военных и интеллигенцию, что значительно увеличило население города – с 8 086 чел.

до 28 918 чел. (или на 257,7%). Население Красноярска увеличилось за три десятилетия с 26 699 чел. до 72 261 чел. (или на 170,7%). Более умеренно росло население Иркутска, число жителей которого стало больше на 91,9% (с 51 473 чел. до 98 764 чел.). Население находящегося вдали от транспортных артерий Якутска за это же время увеличилось лишь на 61,6% (с 6 535 чел. до 10 558 чел.).

Согласно данным переписи 1926 г., в Иркутске, который перестал быть административным и военным центром Восточной Сибири, теперь проживало лишь около трети (36,3%) населения, приходившегося на региональные столицы Восточной Сибири. Коммунальное благоустройство не поспевало за разросшимся населением. Город не мог предоставить возможности для устройства людей, стремящихся к материальному или карьерному благополучию. Для Красноярска этот показатель остался практически на прежнем уровне (26,6%), для Читы – вырос вдвое (22,6%), для Верхнеудинска – увеличился, но незначительно (10,6%). Доля же Якутска в распределении столичного населения снизилась с 6,3% до 3,9%.

Заключение

В целом за три десятилетия, прошедшие между всеобщими переписями населения, количество жителей региональных центров Восточной Сибири увеличилось в 2,6 раза. Рост наблюдался во всех городах без исключения, но с различной интенсивностью (наибольший – в Забайкалье). При этом на долю Иркутска вместо половины стала приходиться только треть населения, проживавшего в региональных столицах Восточной Сибири. В целом жители региональных центров были относительно немногочисленной стратой населения Восточной Сибири. В 1897 г. они составляли 5,1%, а в 1926 г. – 7,4% всего населения региона. Вместе с тем они представляли значительную часть городского населения. В 1897 г. на них приходилось 58,7% горожан, а в 1926 г. – 51,1%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев А.А. Сословная структура городского населения Восточной Сибири по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 3. С. 251–256.
2. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, 1975.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 6. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М.: ЦСУ СССР, 1928.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. М.: ЦСУ СССР, 1928.

5. Изюмов А.Н. Особенности первой всеобщей переписи населения 1897 года в Забайкалье // Вопросы статистики. 2010. № 10. С. 70–72.
6. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
7. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск: Наука, 1984.
8. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2000.
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIII. Енисейская губерния. СПб.: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1904.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1904.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXV. Иркутская губерния. СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1904.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXX. Якутская область. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1905.
13. Семенов М.А. Динамика национального состава Азиатской России по материалам переписей (1926–1989 гг.) // ЭКО. 2018. № 5. С. 93–109.
14. Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах: статистические этюды. Иркутск: Иргубстатбюро, 1924.
15. Ткачева Г.А. Демографическая ситуация в середине 20-х годов // Россия и АТР. 1999. № 1. С. 5–14.
16. Холина М.В. Население малых городов Красноярского края в контексте социально-культурной модернизации 20–30-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 3. С. 29–38.
17. Чураев А. Население Восточной Сибири. М.: ОГИЗ, 1933.
18. Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск: Бюро краеведения, 1928.
3. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. 6. Sibirskii krai. Buryat-Mongol'skaya ASSR [All-Union population census of 1926. Vol. 6. Siberian Krai. Buryat-Mongolian ASSR]. Moskva: TsSU SSSR, 1928. (in Russ.)
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. 7. Dal'nevostochnyi krai. Yakutskaya ASSR [All-Union population census of 1926. Vol. 7: Far Eastern Krai. Yakut ASSR]. Moskva: TsSU SSSR, 1928. (in Russ.)
5. Izyumov, A.N., 2010. Osobennosti pervoi vseobshchei perepisi naseleniya 1897 goda v Zabaikal'e [The features of the first general population census of 1897 in Transbaikalia], Voprosy statistiki, no. 10, pp. 70–72. (in Russ.)
6. Isupov, V.A., 2000. Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka: istoriko-demograficheskie ocherki [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the XXth century: essays in historical demography]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (in Russ.)
7. Moskovskii, A.S. and Isupov, V.A., 1984. Formirovanie gorodskogo naseleniya Sibiri (1926–1939) [The making of the urban population of Siberia, 1926–1939]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
8. Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki: v 3-kh t. T. 1 [Population of Russia in the XXth century: historical essays: in 3 volumes. Vol. 1]. Moskva: ROSSPEN, 2000. (in Russ.)
9. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. T. LXXXIII. Eniseiskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire of 1897. Vol. 83. Yeniseysk Governorate]. Sankt-Peterburg: Tipografiya knyazya V.P. Meshcherskogo, 1904. (in Russ.)
10. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. T. LXXIV. Zabaikal'skaya oblast' [The first general population census of the Russian Empire of 1897. Vol. 74. Transbaikal Oblast]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva «Narodnaya pol'za», 1904. (in Russ.)
11. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. T. LXXV. Irkutskaya guberniya [The first general population census of the Russian Empire of 1897. Vol. 75. Irkutsk Governorate]. Sankt-Peterburg: Tipografiya E.L. Porokhovshchikovoi, 1904. (in Russ.)
12. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. T. LXXX. Yakutskaya oblast' [The first general population census of the Russian Empire of 1897. Vol. 80. Yakutsk Oblast]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Tovarishchestva «Narodnaya pol'za», 1905. (in Russ.)
13. Semenov, M.A., 2018. Dinamika natsional'nogo sostava Aziatskoi Rossii po materialam perepisei (1926–1989 gg.) [National population dynamics in Asian Russia: the 1926–1989 censuses], EKO, no. 5, pp. 93–109. (in Russ.)

REFERENCES

1. Artem'ev, A.A., 2022. Soslovnaya struktura gorodskogo naseleniya Vostochnoi Sibiri po dannym pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [Class structure of the urban population of Eastern Siberia according to the first general census of the population of the Russian Empire in 1897], Voprosy razvitiya obshchestva, no. 3, pp. 251–256. (in Russ.)
2. Vorob'ev, V.V., 1975. Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy) [The making of the population of Eastern Siberia (geographical features and problems)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

14. Sokolov, M.P., 1924. Irkutskaya guberniya v tsifrah: statisticheskie etyudy [Irkutsk Governorate in numbers: statistical etudes]. Irkutsk: Irgubstatbyuro. (in Russ.)

15. Tkacheva, G.A., 1999. Demograficheskaya situatsiya v seredine 20-kh godov [Demographic situation in the mid-1920s], Rossiya i ATR, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.)

16. Kholina, M.V., 2021. Naselenie mal'nykh gorodov Krasnoyarskogo kraja v kontekste sotsial'no-kul'turnoi modernizatsii 20–30-kh gg. XX v. [Population of the small towns of Krasnoyarsk Krai in the context of socio-cultural modernization of the 1920s

and 1930s], Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 3, pp. 29–38. (in Russ.)

17. Churaev, A., 1933. Naselenie Vostochnoi Sibiri [Population of Eastern Siberia]. Moskva: OGIZ. (in Russ.)

18. Shneider, A.R., 1928. Naselenie Prieniseiskogo kraja [Population of Prieniseysky Krai]. Krasnoyarsk: Byuro kraevedeniya. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
рекомендована к печати 30.09.2024*

УДК 94(470+571)"1941/1945"

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/79-89>

И.А. Гудков*

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1943–1945 гг.)

В статье на основе архивных документов исследуются основные аспекты функционирования Владивостокского морского торгового порта – важнейшего транспортного узла в системе поставок по ленд-лизу – в 1943–1945 гг. Автор дает характеристику производственной деятельности, а также детально показывает процесс совершенствования портовой инфраструктуры во взаимосвязи с особыми условиями военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ленд-лиз, Владивосток, Владивостокский морской торговый порт, транспорт

Vladivostok Commercial Seaport during Great Patriotic War, 1943–1945.
ILYA A. GUDKOV (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

Based on archival documents, the article examines the main aspects of the functioning in 1943–1945 of the Vladivostok Commercial Seaport, the most important transport hub in the Lend-Lease supply system. The author describes its work and shows in detail the process of improving the port infrastructure under hard conditions of wartime.

Keywords: Great Patriotic War, Lend-Lease, Vladivostok, Vladivostok Commercial Seaport, transport

Введение

С началом Великой Отечественной войны все стороны жизни советского общества были подчинены решению задач военного времени. На Дальнем Востоке, не знавшем горя оккупации и опустошения, победа ковалась руками тружеников тыла, с наименьшей отвагой и героизмом выполнявших свои боевые задачи. Особая роль в этой сложнейшей миссии отводилась транспортным предприятиям – артериями советской военной экономики, доставлявшим все необходимое на фронт и предприятия страны. На Дальнем Востоке среди них особенно выделяется Владивостокский морской торговый порт, ставший в эти годы ключевыми «воротами» тихоокеанского ленд-лиза.

История Владивостокского порта в годы Великой Отечественной войны – это история о том, как утративший свое бывшее международное значение торговый порт в кратчайшие сроки стал одним из самых технически оснащенных и стратегически важных транспортных узлов Советского Союза. Несмотря на проделанную колоссальную работу по переустройству порта в целях его подготовки к массовому приему импортных грузов, основной поток поставок по ленд-лизу на Тихом океане начался лишь со второй половины 1942 г., и если до этого времени порт работал практически в «штатном режиме», без особого напряжения, то уже к лету 1942 г. волнообразно поступающий импорт и постоянно увеличивающееся количество су-

* ГУДКОВ Илья Артурович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, gudkov.ia96@gmail.com

© Гудков И.А., 2024

дов и их водоизмещения создали ситуацию, когда портовое строительство и механизация попросту не поспевали за нарастающими объемами грузооборота [1, с. 67–68].

В рамках данной публикации автор ставит задачу, в продолжение нарратива о работе, проделанной портовиками за 1941–1942 гг. [1], продемонстрировать особенности функционирования Владивостокского морского торгового порта, а также отразить характерные изменения в его производственной деятельности, связанные с закреплением за ним статуса ключевого транспортного узла поставок по ленд-лизу.

Производственная деятельность порта в условиях военного времени

К началу 1943 г. торговый порт Владивостока все еще находился в состоянии масштабного материально-технического и организационно-управленческого переустройства. Порт и далее продолжал работу с грузопотоками малого и большого каботажного, бывшими основой довоенного грузооборота. Однако тенденция к возрастанию доли импорта, в связи с началом массовых поставок по ленд-лизу с лета 1942 г., стала для него серьезным испытанием.

Изменения в структуре грузооборота вызывали осложнения во всей производственной деятельности Владивостокского порта. Во-первых, волнообразность поступления импортных грузов стала одним из факторов, приводивших к простоям судов и невыполнению планов по выгрузке. Если в феврале 1942 г. в порт прибыло 3 судна с импортом, то в мае – уже 9, а в сентябре и декабре – 15 и 33 соответственно (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 38. Л. 14–15об.). Во-вторых, импортные грузы по своему роду значительно отличались от каботажных. Владивостокский торговый порт с самого начала своего существования осуществлял грузопереработку в основном продовольственных грузов, топлива и строительных материалов. Соответственно механизация порта (механические перегружатели) была узкоспециализированной и развивалась именно в направлении наращивания количества и протяженности конвейерных линий и ленточных транспортеров (Рис. 1), а не портального либо передвижного кранового оборудования. Как итог, резкое возрастание удельного веса тяжеловесных и бочковых грузов, составлявших основу импорта по ленд-лизу, при сокращении объемов поступления массовых грузов, таких как хлеб, переработка которого производилась главным образом механизированным способом и по варианту «борт–вагон»¹, привела к резкому падению процента механизации работ (до 70,2% в 1943 г. в сравнении с 80,7% в 1941 г.) и общего качества выполняемых погрузочно-разгрузочных операций.

¹ Об этом см.: [1, с. 68].

В целом грузооборот торгового порта Владивостока в 1943 г. исчислялся в 2 121,8 тыс. т, из которых 1 590,1 тыс. т (74,9%) приходилось на импорт; а в 1944 г. – 2 959,1 тыс. т, из которых импорт составлял 2 564,4 тыс. т (86,7%) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 46б. Л. 26; Д. 61. Л. 141).

Следует отметить, что 1943–1945 гг. характеризовались более плавным поступлением импортных грузов по месяцам. Если в 1942 г. основная нагрузка на порт выпадала на второе полугодие, то постепенное налаживание систематических поставок по ленд-лизу позволило сделать их более равномерными. Но за выравниванием темпов поставок следовало и общее увеличение их объема. Особенно значительным оно было к середине 1943 г., когда за полгода грузооборот возрос на 257,6% по сравнению с аналогичным периодом 1942 г. При этом основной объем был достигнут благодаря импорту, где рост составил 631,8% соответственно (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 61. Л. 117).

Обработывая в отдельные месяцы более 300 тыс. т грузов, порт превосходил квартальные показатели грузооборота предыдущих лет и даже годовые объемы работы практически всех советских портов, обеспечивавших поставки по ленд-лизу. Так, за годы Великой Отечественной войны арктическими конвоями в порты Архангельска и Мурманска было доставлено 3 964 тыс. т грузов [3, с. 121], из которых на Архангельск приходилось 1 672,6 тыс. т [2, с. 15].

Номенклатура импортных грузов в указанный период оставалась практически неизменной, корректировался лишь удельный вес той или иной позиции (Рис. 2). В 1943 г., импортные грузы поступали по таким группам как: хлебные грузы – 135,6 тыс. т (8,8%); сахар – 75,3 тыс. т (5%); нефтепродукты – 149,5 тыс. т (9,7%); металлы – 195,4 тыс. т (12,6%); машины и оборудование – 403,7 тыс. т (25,7%); химическая продукция – 112,2 тыс. т (7%), а также прочие грузы, не выделенные в отдельные списки – 493,4 тыс. т (31%). К 1944 г. хлебных грузов в порт поступило значительно больше, чем в предыдущем году – 230,3 тыс. т, однако их удельный вес сохранился (9,1%). Аналогичная ситуация наблюдалась с металлами и оборудованием – 337,1 тыс. т (13,1%) и 711,6 тыс. т (27,7%) соответственно. При этом стоит отметить двукратный рост объема поступающих нефтепродуктов (381,8 тыс. т) и одновременно значительный рост удельного веса этой позиции (14,9%) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 61. Л. 117).

Рис. 1. Механизированная разгрузка судна с применением ленточных транспортеров и пластинчатых конвейеров во Владивостокском морском торговом порту, 1940-е гг.

К 1944 г. грузооборот порта достиг 306,2% (477,2% по импорту) по сравнению с 1942 г., однако при этом уменьшился по малому каботажу на 11,9%. Увеличение импорта произошло за счет нефтепродуктов (2295,4%), машин и оборудования (806,7%), металлов (331,1%) и хлеба (309,8%). Судооборот за 1944 г. вырос по сравнению с 1942 г. на 215,6%, что с учетом трехкратного увеличения грузооборота в целом говорит о постоянном росте дедефта прибывающих судов (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 31–38).

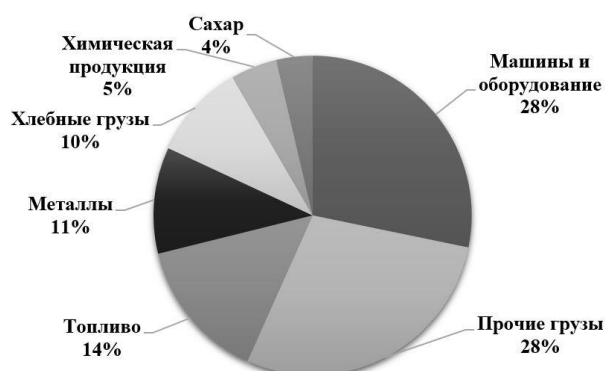

Рис. 2. Номенклатура грузов ленд-лиза во Владивостокском морском торговом порту, 1941–1945 гг. (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 63. Л. 1)

В этой связи, несмотря на возрастающую нагрузку, значительно увеличилось количество простоев в работе Владивостокского порта. Причины задержек можно условно разделить на три основные группы: стихийные обстоятельства непреодолимой силы (погодные условия, ледовая обстановка), независящие от порта причины (перебой с электроэнергией, несвоевременная подача железнодорожных вагонов, отсутствие погрузочно-разгрузочных работ) и внутрипортские факторы, вызванные плохой организацией работ (неграмотное распределение рабочей силы, нарушения трудовой дисциплины, дополнительные перевалки грузов, поломки механизмов). Из вышеперечисленных причин простоя самой злободневной для порта оставалась нехватка железнодорожных вагонов под погрузку.

В 1943–1944 гг. систематическая нехватка железнодорожных вагонов под погрузку во Владивостокском торговом порту достигала 30–50% от минимальной потребности. Так, в 1944 г. с Приморской железной дорогой была согласована подача 149 427 вагонов под погрузку, однако подано было только 107 152 вагона. В результате этого в течение года в порту ежемесячно скапливалось до 84,7 тыс. т грузов (ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 17. Л. 9).

Кроме того, зачастую не выполнялись запросы на отдельные типы вагонов (крытые, платформы, полувагоны, рефрижераторы и прочие), что приводило к замедлению отправки определенных типов грузов, а складские мощности, не запроектированные под хранение того объема грузов, который приходилось хранить в ожидании погрузки в железнодорожные составы, были переполнены. Скоростная разгрузка судов методом «борт–вагон» также не могла применяться повсеместно, во многом именно из-за систематической нехватки вагонов и волнообразности их поступления.

Невозможность в условиях увеличивающегося грузооборота своевременно погрузить импортные грузы в вагоны, недостаток складских площадей создавали ситуацию, когда грузы приходилось выгружать непосредственно на свободное пространство причальных линий. Это приводило к необходимости осуществления дополнительных погрузочно-разгрузочных операций по перемещению груза с причалов на склады или с одних складов на другие, имеющие доступ к железной дороге для дальнейшей отправки. Например, в первое полугодие 1944 г. было переработано по варианту «склад–склад» 164,1 тыс. т – 6,8% всего грузооборота. Дополнительные операции с грузом порождали увеличение коэффициента перевалки, что в условиях постоянного кадрового дефицита тормозило работу по разгрузке судов: в первом полугодии 1943 г. из 231 прибывшего в порт судна – 101 (43,7%) было обработано с простоем (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 30; Д. 58, Л. 31).

С течением времени ситуация с простоями приобрела накопительный эффект. На протяжении 1943–1944 гг. все свободное на причальной линии место, ранее предназначавшееся для разъезда погрузчиков и передвижения рабочей силы, было буквально завалено импортными грузами (Рис. 3).

В служебной записке заместителя председателя Совета народных комиссаров (СНК) А.И. Микояна на имя И.В. Сталина отмечалось, что по состоянию на 24 апреля 1943 г. порт имел «завал» до 200 тыс. т грузов, из которых 90 тыс. т находились непосредственно на причалах и складах, а 110 тыс. т в трюмах 20 пароходов, стоявших у причалов и на рейде (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 162. Л. 177–179). Аналогичной оставалась ситуация и к началу 1945 г. – согласно отчету начальника водного отдела Народного комиссариата государственной безопасности Тихоокеанского бассейна к январю в порту скопилось 311 тыс. т грузов (рассчитанных на 8,5 тыс. вагонов), 162 тыс. т из которых в трюмах 54 судов, ожидавших разгрузки в акватории Владивостока и на рейде еще с конца 1944 г. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 30. Л. 25).

Таким образом, удовлетворительные результаты организации перегрузочного процесса, влекущие за собой рост удельного веса прямого варианта разгрузки по методу «борт–вагон», сводились на нет дополнительными перевалками груза из-за недостаточного количества железнодорожных вагонов. Портовикам периодически и вовсе приходилось отказываться от скоростной обработки судов ввиду катастрофического заговаривания причалов и складских площадей порта. В полной мере решения этой проблемы не удалось добиться вплоть до последних месяцев войны.

Периодическая неспособность руководства Владивостокского порта и Приморской железной дороги обеспечить своевременный вывоз импортных грузов из Владивостока всерьез беспокоила центральные ведомства. Особое внимание к функционированию Владивостокского железнодорожного узла проявлял Государственный комитет обороны (ГКО). В силу стратегической важности своевременной отправки импортных грузов на фронт и предприятия страны, в 1943–1944 гг. ГКО издал более десятка специальных постановлений, направленных на улучшение работы и обеспечение погрузки импорта с Приморской и Дальневосточной железных дорог: им выделялись составы с других участков – в первую очередь Московской и Калининской железных дорог; выстраивались приоритетные графики движения эшелонов; а движению «порожняковых» вагонов на восток было запрещено каким-либо образом препятствовать или замедлять его. Однако, несмотря на все принятые меры, полной обеспеченности вагонным парком добиться не удавалось. Даже в 1945 г. средний процент нехватки вагонов под погрузку во Владивостокском порту составлял 32,7% (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 27–28).

Вместе с тем, в условиях наращивания наступательного потенциала Красной армии во второй половине 1944 г., ожидалось лишь усиление поставок по ленд-лизу. В этой связи перед руководством порта в начале 1945 г. была поставлена задача освобождения причалов и складов во избежание полного коллапса транспортного сообщения. Специфика судоходства в северной части Тихого океана играла порту на руку, т.к. навигация в зимнее время традиционно была крайне ограниченной. Так, в начале 1945 г. Владивостокский порт получил некоторую передышку в работе с импортом. Отсутствие значительного грузооборота в феврале позволило проделать большую работу по очистке складской площади и причальной линии от скопившихся грузов. Уже к концу месяца импорта на складах не оставалось, а хранилось лишь 11 тыс. т различных грузов, из которых 9522 т угля и руды для вывоза на экспорт (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 2, 7).

Рис. 3. Загруженные грузами ленд-лиза причалы Владивостокского морского торгового порта

Подобные действия дали возможность подготовиться к открытию навигации в апреле 1945 г. И если в первую декаду месяца порт в среднем перерабатывал 4 тыс. т в сутки, что даже вызывало простои ввиду отсутствия работы, то уже с середины месяца начался самый напряженный по грузопотоку период за годы Великой Отечественной войны. Массовое прибытие судов с импортным оборудованием привело к тому, что среднесуточная переработка достигла 11,3 тыс. т. В отдельные дни показатели достигали 14–15 тыс. т, что являлось абсолютным рекордом за всю предыдущую историю существования торгового порта (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 36).

Вместе с тем грамотное распределение рабочей силы, а также активное вовлечение новых механизмов в работу позволили работникам порта показать исключительно высокую эффективность. Уровень механизации грузовых работ в первом полугодии 1945 г. достиг 88%, а суточные показатели разгрузки судов по варианту «борт–вагон» систематически доходили до 40%, тогда как в предыдущие годы в среднем достигали 15–25% (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 63–64).

Скоростной метод позволил значительно улучшить работу порта, а в сочетании с соревновательным подходом давал впечатляющие результаты: в апреле 1945 г. вместо 24 тыс. т по плану, скоростным образом было переработано 48,9 тыс. т – 19% от месячного грузооборота (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75.

Л. 104). В этот период владивостокскими портовиками были установлены впечатляющие рекорды: скоростная разгрузка судов позволила разгрузить пароход «Брянск» грузоподъемностью 9467 т за 38 час. вместо 363 час. (по нормативу); пароход «Сталинград» грузоподъемностью 9600 т – за 41 час вместо 269 час.; пароход «Кулу» грузоподъемностью 8120 т – за 24 час. вместо 260 час.; пароход «Менделеев» грузоподъемностью 6844 т – за 32 час. вместо 262 час.; пароход «Ижора» – за 20 час. вместо 172 час. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 30. Л. 162–163).

Как результат, первое полугодие 1945 г. стало самым объемным по грузообороту за весь период войны. По сравнению с аналогичным периодом 1944 г. порт обработал на 127 тыс. т (или на 10,9%) больше грузов – 1 268,8 тыс. т, из которых 95,8% приходилось на грузы ленд-лиза. Основной грузопоток пришелся на второй квартал, который и являлся для порта наиболее напряженным (1 003,4 тыс. т – 79% от грузооборота за полугодие). С третьего квартала 1945 г. в грузообороте Владивостокского порта стали происходить качественные и количественные изменения. При общем его исчислении в 420 тыс. т импортных грузов с июля по сентябрь во Владивосток поступило лишь 129,6 тыс. т (30,9%) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 60–61, 96).

Согласно дополнениям к «Оттавскому» протоколу 1944 г., СССР продолжал получать снабжение от союзников ввиду предстоящего вступления в войну с Японией. Таким образом, после

победы СССР над гитлеровской Германией поставки товаров по ленд-лизу продолжились, хотя и значительно сократились. Сокращение доли импорта в структуре грузооборота порта в третьем квартале 1945 г. также было обусловлено переориентацией на внутренние перевозки: передислокацией воинских частей и подготовкой к будущим военным действиям на Дальнем Востоке.

В этой связи, к августу 1945 г. грузооборот торгового порта сократился до 81,2 тыс. т (из которых 23,5 тыс. т – импортные грузы), что было в 3,7 раза меньше июльских показателей и в 3,2 раза меньше, чем в августе 1944 г.

(ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 112). Однако и после разгрома японской группировки в Китае поставки по ленд-лизу продолжились вплоть до конца календарного года, согласно достигнутым ранее договоренностям.

Если следовать отчетным документам, то за 1941–1945 гг. Владивостокский морской торговый порт обработал на своих причалах 40 617 судов, из них 1 884 судна заграничного плавания с импортными и экспортными грузами, а также 2 716 судов большого и 36 017 малого каботажа [4, с. 216]. Общий объем грузооборота порта за указанные годы составил 9 971,9 тыс. т (Табл. 1).

Таблица 1

Грузооборот Владивостокского морского торгового порта, 1941–1945 гг.

Показатели, тыс. т	1941	1942	1943	1944	1945	ИТОГО
Импорт	426,5	537,4	1 590,1	2 564,4	2 083,5	7 201,9
Экспорт	18,7	1,2	50,4	17,8	81,4	169,5
Малый каботажа	898,4	427,7	481,3	376,9	416,2	2 600,5
ИТОГО	1 343,6	966,3	2 121,8	2 959,1	2 581,1	9 971,9

Источники: ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 29. Л. 3–3об.; Д. 38. Л. 2–3; Д. 466. Л. 3–3об.; Д. 61. Л. 117; Д. 63. Л. 1

Обобщенные данные по грузообороту Владивостокского морского торгового порта за годы Великой Отечественной войны, представленные в таблице, демонстрируют отмеченные выше кардинальные изменения в его структуре. Изначально ориентированный на внутренние перевозки порт, обрабатывающий в основном малогабаритные продовольственные грузы, в срочном порядке трансформировался в ключевой общесоюзный транспортный узел по приему и обработке разнообразных импортных военных и гуманитарных грузов различных габаритов и веса. Притом, если в 1941 г. доля импортных грузов в общем грузообороте едва достигала 30%, то в последующие военные годы она ежегодно держалась на уровне не ниже 70%, достигнув в 1945 г. 80,7%. Всего же за период войны порт обработал 7 201,9 тыс. т импортных грузов – 72,3% от общего объема грузооборота за обозначенный период (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 26; Д. 61. Л. 44).

Развитие инфраструктуры и погрузочно-разгрузочного комплекса порта

Колоссальный рост поступающих грузов происходил параллельно с поиском путей увеличения пропускной способности причалов порта. Отчетные документы говорят о том, что для руководства порта было очевидным усугубление и без того тяжелого положения в случае сохранения текущих темпов прироста грузов, совершенно не соответствовавших темпам оснащения и модернизации портового хозяйства.

В апреле 1943 г. ГКО обязал Наркомат морского флота провести мероприятия по доведению к концу 1943 г. среднесуточной перевалки импорта во Владивостокском порту до 7 тыс. т при одновременной разгрузке 12 судов в сентябре и 14 – в декабре, а также установке и монтажу 74 работающих механизмов (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 160. Л. 162–174). В этих условиях уже к концу апреля 1943 г. был принят новый годовой план капитального строительства во Владивостокском торговом порту на сумму 12,4 млн руб. В течение года он корректировался исходя из потребностей порта, в частности, уже к лету первоначальная сумма средств, предусмотренная для освоения, возросла до 13,2 млн руб. Из них 2,8 млн руб. было заложено на приобретение оборудования централизованным способом через Наркомат внешней торговли, а 10,5 млн руб. – на строительно-монтажные работы, которые были выполнены в 1943 г. на сумму 9 481 тыс. руб. (90,5%) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 7. Д. 1026. Л. 1).

В результате работ был произведен ремонт складских помещений, построены подкрановые опоры и железнодорожные пути под порталными кранами, смонтирован новый углеперегрузатель, отремонтированы 7 причалов, что позволило обрабатывать в порту одновременно до 16 судов. Были смонтированы 14 порталных кранов; собрано и введено в эксплуатацию 7 железнодорожных и 15 гусеничных кранов; сданы в эксплуатацию новые металлические понтоны (ГАПК. Ф. П 68. Оп. 4. Д. 122. Л. 2–3).

К ноябрю 1943 г. в порту имелось 74 механических перегружателя разных типов. Пополнение их шло в основном за счет ленд-лиза: автокран «Лорейн» (3 шт.), «Интернационал» (1 шт.); гусеничные краны «Марион» (2 шт.), «Осгуд» (5 шт.), «Харнишфегер» (3 шт.); порталные краны «Вашингтон», «Клайд», «Даррик», «Леррик» (3 шт.); железнодорожные краны «Браунхайст» и «Браунинг» (4 шт.) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 59).

Ввод в эксплуатацию новых механизмов позволил значительно нарастить пропускную способность порта: с 4,5 тыс. т грузов в сутки в первом квартале 1943 г. до установленных требованиями ГКО 7 тыс. т к четвертому кварталу того же года. Увеличилась на 6,3% доля погрузочно-разгрузочных работ механизированным способом, достигнув к началу 1944 г. 76,5% от всех осуществляемых в порту погрузочно-разгрузочных операций, при общем росте грузоподъемности механизмов на 73% и их количества на 38% за аналогичный период (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 2–4).

Небольшой рост общего охвата механизацией относительно увеличения числа кранового оборудования объясняется изначально высокой степенью вовлечения механизмов в погрузочно-разгрузочные работы, сохранявшейся на уровне не ниже 70% в течение предшествующих лет. При этом, в отличие от проблем первых лет войны, связанных именно с недостатком механических перегружателей, к 1943 г. плановых показателей механизированной обработки портовикам не удавалось достигать по причине низкого использования механизмов по времени (28,3%), что объяснялось особенностью поступающих грузов. Дело в том, что в указанный период порт Владивостока имел большую насыщенность береговыми механизмами средней грузоподъемности от 15 до 43 т, но ощущал нехватку кранов, приспособленных к обработке тяжеловесных грузов, процент которых в общем грузопотоке постоянно возрастал. Так, если в 1942 г. тяжелые машины и оборудование занимали 16,4% от импортного грузопотока, то уже в 1944 г. этот показатель возрос до 27,7% (при росте грузооборота на 806,7%). Отсюда, пока вся нагрузка падала на немногочисленные плавучие и железнодорожные краны высокой грузоподъемности, значительная часть «легких» механизмов простаивала. Кроме того, некоторые краны не могли использоваться из-за «завала» причалов скопившимися грузами, которые мешали разъездам (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 38. Л. 2–3; Д. 61. Л. 117).

В условиях нехватки оборудования руководство порта направляло значительные усилия на повышение производительности погрузочно-разгрузочного комплекса: переоборудование и приспособление имеющихся механизмов к новым условиям работы; улучшение оснащения механических мастерских

станочным оборудованием; проведение масштабной переподготовки обслуживающего персонала, крановщиков, мотористов для производства своевременного ремонта и качественного обслуживания перегружателей. Портовыми инженерами велись постоянные поиски методов рационализации технологического режима работы, выявлялись резервные мощности подъемно-транспортного оборудования.

Интересен случай, когда, находясь в командировке во Владивостоке весной 1944 г., заместитель Народного комиссара морского флота А.А. Афанасьев, оценив ситуацию с механизацией порта, предложил для увеличения пропускной способности переоборудовать мостовой углеперегрузатель под выгрузку тяжеловесных грузов (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 62а. Л. 3–5). Соответствующее поручение было дано отделу механизации Владивостокского порта. После проведения ряда изысканий в кратчайшие сроки мостовой углеперегрузатель стал использоваться по двойному назначению: оборудованный грейферным захватом для бункеровки (погрузки угля) и крюковым – для выгрузки импортных локомотивов (Рис. 4).

Параллельно с эксплуатационной работой особое внимание уделялось ускоренному монтажу поступающих в порт импортных механизмов – за 1944 г. было введено в эксплуатацию еще 17 железнодорожных и гусеничных кранов, доставленных из США (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 100). Результаты начатых в 1944 г. строительного-монтажных работ позволили порту выйти на показатель ежесуточной обработки 10 тыс. т грузов, установленный постановлением ГКО от 25 апреля 1944 г. об увеличении пропускной способности порта. Таким образом, ключевые задачи, поставленные перед портовиками Государственным комитетом обороны, были выполнены (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 244. Л. 51–67).

В сфере кадрового обеспечения Владивостокского торгового порта в 1943–1945 гг. по-прежнему сохранялась хроническая для дальневосточного транспорта в целом и порта в частности проблема кадрового дефицита. На 1 января 1943 г. в порту трудилось 2 784 работника, из которых 673 – грузчики, при имеющейся потребности в 1 110 чел. (дефицит почти 60%) (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 71). Однако уже к 1 июля численность рабочих, задействованных в погрузочно-разгрузочных операциях, достигла 2 774 чел. Такое резкое увеличение контингента связано с переброской во Владивосток кадровых грузчиков из Архангельского и Мурманского торговых портов. Сократившаяся к концу 1942 г. нагрузка на северные порты позволила высвободить и направить во Владивосток 1 450 чел. Хотя это не решило проблему кадрового голода полностью, но позволило на некоторый срок прекратить практику привлечения сторонней неквалифицированной рабочей силы (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 31–60).

Рис. 4. Выгрузка импортных локомотивов переоборудованным мостовым углеперегрузателем (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 62а. Л. 1)

Уже к декабрю 1943 г. общее количество работников порта достигло 6 448 чел., из которых 2 531 (39,3%) были задействованы на погрузочно-разгрузочных операциях, что было в 2,5 раза больше, чем в декабре 1942 г. Количество женщин, работающих в порту, возросло до 1 603 чел., что в три раза превышало показатели аналогичного периода (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 5–6). Интересно отметить, что до 1942 г. в отчетных документах, в частности – в годовых отчетах по эксплуатационной деятельности, отдельно не выделялись половозрастные категории работников порта. Так, появление отдельной строки для обозначения женщин-работниц можно считать косвенным признаком повышения их роли на производстве.

Неуклонно возрастающий грузооборот порта создал постоянную потребность в дополнительных рабочих руках. К 1944 г. ресурс пополнения за счет прикомандированных из северных портов себя исчерпал и проблему пытались решить с помощью демобилизованных. По распоряжению ГКО от 28 января 1944 г. во Владивостокский порт на постоянную работу направлялась 1 тыс. военнослужащих, не годных к строевой службе, из войск Дальневосточного фронта. Однако данные меры были малоэффективны, поскольку большая часть кандидатов не могла быть принята на работу по результатам заключения медкомиссии: это

были в основном раненные, непригодные для тяжелой физической работы (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 199. Л. 157; Оп. 2. Д. 274. Л. 143–144).

В связи с этим уже к весне 1944 г. руководство порта вернулось к практике привлечения к погрузочно-разгрузочным работам жителей города и военнослужащих ближних гарнизонов. Однако вследствие высокого уровня травматизма, частых хищений и порчи грузов, в 1944 г. контингент привлеченной рабочей силы был значительно меньше, чем в предыдущие годы – ежемесячно от 100 до 900 чел. Но, как и прежде, полностью закрыть потребности порта мобилизация граждан не могла. Ежемесячный дефицит достигал 25% (около 1 500 чел.) и так и не был полностью преодолен вплоть до конца войны (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 30. Л. 134).

Всего к декабрю 1944 г. в порту числилось работающими 6 685 чел., из которых 2 552 – грузчики, а к середине 1945 г. – 7 633 чел., из которых 5 477 были непосредственно заняты на погрузочно-разгрузочных операциях (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 31–38).

В связи с всевозрастающей ролью Владивостокского торгового порта в обеспечении поставок по ленд-лизу, в 1944 г., согласно распоряжению СНК от 14 января 1944 г., в его ведение была передана значительная часть складских площадей

рыбного порта (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 86. Л. 361), а по решению ГКО от 23 апреля 1944 г. в состав порта в качестве пятого нефтеналивного района вошла нефтебаза, ранее находившаяся в ведении «Главнефтеснаба». Последнее было вызвано увеличением поступления нефтепродуктов (в 1944 г. их количество увеличилось по сравнению с 1943 г. на 255,3%), с которым не справлялись имеющиеся в распоряжении торгового порта нефтеналивные причалы и резервуары (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 321. Л. 149–163).

В октябре 1944 г. для упрощения администрирования всех тихоокеанских грузопотоков по приказу Наркомата морского флота портопункты Находка, Посыет, Тетюхе², Ольга, Терней, Славянка, Судзухе³, Пфусунг⁴ были включены в управление Владивостокского морского торгового порта (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 86–87).

Всего к концу 1944 г. Владивостокский торговый порт имел в своем составе: 1-й район «Эгершельд» (6–16 причал); 2-й район «Владивосток» (17–30 причалы, исключая причалы 22, 23, 24, занятые судоремонтным заводом им. К.Е. Ворошилова («Дальзавод»); 3-й район «Мыс Чуркина» (58–60 причалы); 4-й район «Мыс Чуркина» (46–50 причалы); 5-й район «Нефтеналивной» (Амурский залив, железнодорожная станция «Первая речка»); автотранспортную и ремонтную конторы (14-й причал); административные здания (управление порта, телефонную станцию, электростанции и подстанции, контору капитана порта, морской вокзал, транспортно-экспедиционную контору); а также вышеперечисленные портопункты (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58. Л. 86–87).

Подводя итог обзору работ по совершенствованию материальной базы Владивостокского морского торгового порта в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что за 1941–1945 гг. на капитальное строительство во Владивостокском морском торговом порту было израсходовано приблизительно 35,4 млн руб., на капитально-восстановительный ремонт – 7,3 млн руб. К началу 1945 г. порт имел 24 хорошо оборудованных причала, из которых 3 были оборудованы пирсами для бункеровки. Причальный фронт позволял одновременную постановку под грузовые работы до 15 крупных судов с импортным оборудованием; 2 под грузовые операции малого каботажка; 2 под частичную разгрузку тяжелых грузов и 2 под бункеровку [4, с. 215–216]. Таким образом, одновременно под грузовые операции могло быть поставлено 21 судно, тогда как к началу войны порт был способен принять только 12 судов (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 122. Л. 2–3).

² Ныне г. Дальнегорск.

³ Ныне с. Киевка.

⁴ Ныне пос. Моряк-Рыболов.

В годы войны Владивостокский торговый порт стал оснащаться новейшими средствами механизации погрузочно-разгрузочных работ всевозможных систем и различной грузоподъемности, в т.ч. и импортными. Было смонтировано около 2 км пластинчатых и ленточных транспортеров, мостовой углеперегрузатель, 3 плавучих, 20 порталных кранов, 30 железнодорожных кранов, а также десятки гусеничных и автомобильных. Если в 1941 г. порт располагал только 2 небольшими порталными и 2 плавучими кранами, то в 1945 г. имел 84 крана различных марок общей грузоподъемностью 1 380 т; 40 штабелеукладчиков; 30 мото- и электрокаров грузоподъемностью от 1,3 до 4,5 т [4, с. 215–216], а по уровню механизации работ значительно опережал средние показатели по всему морскому транспорту Советского Союза [5, с. 150].

Заключение

Несмотря на продолжающиеся в отечественной историографии дискуссии о роли союзнических поставок по ленд-лизу в достижении победы, полностью отрицать их позитивный вклад некорректно. Не только фронт остро нуждался в технике и боеприпасах, идущих из зарубежья, но и ряд отраслей промышленности напрямую зависел от сырья, материалов и оборудования, поставляемых по программе.

Сам Владивостокский торговый порт, в военные годы ставший главным портом страны, связывающим Советский Союз со странами антигитлеровской коалиции, непосредственно зависел от поставок союзников. Большая часть сложных крановых механизмов, направленных на работу с тяжеловесными грузами, прибыла в порт на судах из США, а тысячи вагонов и локомотивов, которые впоследствии доставляли товары из порта в центр страны, таким же образом ставились на рельсы напрямую с корабельных палуб.

Учитывая специфику судоходства на Тихом океане, который с 1941 г. являлся зоной боевых действий, Владивосток стал центром приема преимущественно «мирных» грузов: через причалы прошли миллионы тонн продовольствия, топлива, сырья и оборудования для промышленных и транспортных предприятий страны. В этой связи организация эффективной и бесперебойной работы Владивостокского морского торгового порта становилась одним из факторов исправного функционирования советской военной экономики.

О важности труда владивостокских портовиков говорит и уровень внимания, оказанный порту в годы Великой Отечественной войны высшим руководством. Только за 1943–1945 гг. Государственный комитет обороны не менее 17 раз специальными постановлениями обязывал Наркоматы

морского флота и путей сообщения принять срочные меры к устранению и недопущению задержек в работе Владивостокского железнодорожного узла⁵. Анализ этих постановлений отчетливо показывает, что центр обращался по большей части к одним и тем же проблемам на протяжении всего периода войны: простои в работе и затоваривание причалов. Особенно они обострились, как уже отмечалось, с 1943 г., когда тихоокеанский ленд-лиз заработал в полном объеме.

Необходимо отметить, что недочеты в работе порта были вызваны не только некачественной и несвоевременной реализацией погрузочно-разгрузочных операций или плохо организованным управлением, а в первую очередь постоянной «гонкой» портового погрузочно-разгрузочного комплекса и его технических возможностей с всевозрастающими объемами массово прибывающих в порт негабаритных и сложно-комплектных грузов, поставляемых по ленд-лизу.

Так, ключевой особенностью функционирования Владивостокского торгового порта в годы войны стала ситуация, когда в условиях практически стабильного ежемесячного перевыполнения планов по грузопереработке, неизменно развивающейся количественно и качественно портовой механизации, увеличения числа грузчиков и железнодорожных вагонов, подаваемых под погрузку, ежесуточная грузопереработка не могла достичь той величины, которая бы позволила обработать весь грузопоток без «простойного времени». Когда порт достиг требуемого ГКО показателя ежесуточной грузопереработки в 7 тыс. т, для своевременной отправки без задержек и завалов складов требовалось уже более 10 тыс. т в сутки. Подобная ситуация складывалась на протяжении всех 5 лет войны. Таким образом, постоянный рост нагрузки нивелировал в глазах контролирующих органов все достижения портового строительства и результаты погрузочно-разгрузочных работ, создавая впечатление «вечного простоя».

Масштаб стратегических задач, которые ставились перед морским и железнодорожным транспортом Дальнего Востока в военное время, вместе с фактором географической удаленности, хроническим кадровым дефицитом и недостаточно развитой материально-технической базой вынуждали порт работать на пределе своих возможностей практически постоянно. Такие условия ставили его руководство перед необходимостью неустанной работы по поиску и внедрению эффективных новаторских методов организации работы порта, в первую очередь – на погрузочно-разгрузочных работах. Непрекращающаяся

рационализаторская деятельность, трудовые подвиги, а также выработка эффективных механизмов взаимодействия транспортных предприятий позволили справиться с поставленными перед Владивостокским торговым портом задачами военного времени. Героические усилия дальневосточных моряков и портовиков, направленные на своевременный прием и отправку важнейших стратегических грузов на фронт и предприятия страны, внесли неоценимый вклад в приближение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 64–73.
2. Красавцев Л.Б. Проблемы разгрузки судов с грузами военной помощи в Архангельском морском торговом порту в 1941–1945 гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и Социальные науки». 2018. № 1. С. 5–17.
3. Монин С.М. Дорогами ленд-лиза // Великая Победа: в 15-ти т. Т. 15. Великая Победа и современный мир. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 120–134.
4. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005.
5. Транспорт и связь СССР: статистический сборник. М.: Статистика, 1972.

REFERENCES

1. Gudkov, I.A., 2020. Vladivostokskii morskoi torgovyi port v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1942 gg.) [Vladivostok Commercial Seaport in the early years of Great Patriotic War, 1941–1942], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 2, pp. 64–73. (in Russ.)
2. Krasavtsev, L.B., 2018. Problemy razgruzki sudov s gruzami voennoi pomoshchi v Arkhangel'skom morskome torgovom portu v 1941–1945 gg. [Challenges related to unloading the ships with military aid cargo in the Arkhangelsk Commercial Seaport in 1941–1945], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*, no. 1, pp. 5–17. (in Russ.)
3. Monin, S.M., 2015. Dorogami lend-liza [Lend-lease roads]. In: *Velikaya Pobeda: v 15-ti t. T. 15. Velikaya Pobeda i sovremennyi mir*. Moskva: MGIMO-Universitet, 2015, pp. 120–134. (in Russ.)

⁵ Воднотранспортный узел транспортной системы советского Дальнего Востока, осуществлявший в рамках исследуемого периода грузопассажирские операции между Владивостокским морским торговым портом и Приморской железной дорогой.

4. Tkacheva, G.A., 2005. Oboronno-ekonomicheskii potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941– 945 gg. [The defense and economic potential of the Soviet Far East, 1941–1945]. Vladivostok: TOVMI. (in Russ.)
5. Transport i svyaz' SSSR: statisticheskii sbornik [Transport and communications in the USSR: a statistical compendium]. Moskva: Statistika, 1972. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
рекомендована к печати 01.10.2024*

УДК 94(470+571)"1941/1945"

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/90-98>

А.С. Бреславский*

ПОСЕЛКИ ГОРОДСКОГО ТИПА В ПРОЦЕССАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

В статье анализируются обобщенные итоги постсоветской трансформации городского расселения на территории Забайкалья и Дальнего Востока России в разрезе поселков городского типа (пгт). Автор уточняет изменения в общем числе, численности населения, структуре пгт, связанные с их реорганизацией в сельские населенные пункты, полной ликвидацией, включением части из них в состав городов, и приходит к выводу о важности пгт для оценки не только статистического убытия городского населения макрорегиона, но и итогов и перспектив урбанизационного процесса на Востоке России.

Ключевые слова: поселки городского типа, городское расселение, урбанизация, Забайкалье, Дальний Восток

Urban-type settlements in the post-soviet transformation of urban settlement system in Transbaikalia and the Russian Far East. ANATOLIY S. BRESLAVSKY (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia)

The article analyzes the results of post-Soviet transformation of urban settlement pattern in the Russian Far East and Transbaikalia regions in terms of urban-type settlements. The author demonstrates the changes in their total number, population and structure that resulted from their reorganization into rural settlements, complete elimination, or integration into cities. It is concluded that urban-type settlements are of great importance for assessing not only the statistical decline of the urban population of the macroregion, but also of the results and prospects of the urbanization process in the East of Russia.

Keywords: urban-type settlements, urban settlement system, urbanization, Transbaikalia, Russian Far East

Введение

Поселки городского типа исторически с 1920–1930-х гг. заняли весомое место в структуре городских населенных пунктов восточных регионов страны. Как и во всем СССР, им отводилась «промежуточная» роль между городом и деревней (см.,

напр.: [17; 19; 20]). Подавляющая часть ныне существующих городов Забайкалья и Дальнего Востока прошла в своем развитии этап «поселка городского типа», который, однако, как мы знаем, не гарантировал им обретение более высокого статуса города. К сожалению, на фоне медленного,

* БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Россия, breslavsky@imbt.ru

© Бреславский А.С., 2024

** Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН, проект № 121031000243-5 «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.».

но продолжающегося роста числа работ по истории конкретных городов макрорегиона, выполненных учеными и краеведами, советская и постсоветская история поселков городского типа в основном все еще слабо изучена, причем как в сравнительном плане, так и в разрезе конкретных пгт. К этому выводу мы пришли в результате работы с широким корпусом литературы во всех центральных библиотеках 11 регионов Дальневосточного федерального округа в рамках экспедиции, которая была организована в марте-июне 2023 г.

В данной статье мы обратим внимание лишь на несколько аспектов позднесоветской и постсоветской истории пгт Забайкалья и Дальнего Востока, связанных с изменениями в их общем числе, в численности их населения, с причинами происходивших в этот период преобразований пгт в сельские населенные пункты, политики ликвидации пгт, включения их в состав отдельных городов. Региональные особенности этих процессов были рассмотрены нами ранее в серии работ 2018–2023 гг. (напр.: [2; 3; 4; 5; 6]), что дает нам возможность в данной статье представить обобщенные результаты этих процессов в масштабе всей территории Забайкалья и Дальнего Востока. Исследование опиралось главным образом на материалы четырех последних переписей населения (далее – ВПН) 1989, 2002, 2010 и 2020 гг. [7; 8; 9; 13], делопроизводственные материалы органов регио-

нальной и местной власти (протоколы собраний населения, обоснования преобразований, стенограммы заседаний и пр.), а также на широкий корпус нормативно-правовых актов, посвященных административно-территориальным преобразованиям пгт.

Пгт в итогах советской урбанизации макрорегиона

Всероссийная перепись 1989 г. зафиксировала на территории Забайкалья и Дальнего Востока СССР 80 населенных пунктов со статусом города и 368 поселков городского типа (с учетом одного пгт без населения – Гоуджекит в Бурятской АССР), в т.ч. лишь 3 курортных поселка [7]. Необходимо учесть, что в открытых материалах переписи не публиковались сведения по закрытым военным поселениям Забайкалья и Дальнего Востока, имевшим статус самостоятельных населенных пунктов [15]. Речь идет, в частности, о поселке Вулканный (Петропавловск-Камчатский-35) у Петропавловска-Камчатского, поселках Дунай и Путятин (Шкотово-22, Шкотово-26), связанных с г. Фокино (Шкотово-17) Приморского края, поселке Углегорск (Свободный-18, в будущем – город Циолковский) Амурской области, поселке Горный (Чита-46) Читинской области, данные по которым можно найти, в частности, уже в переписи 2002 г. [8]. Иными словами, реальное число пгт макрорегиона к началу 1989 г. было не 367, а 372 (без учета пгт Гоуджекит) (см. табл. 1).

Таблица 1

Общее число пгт Забайкалья и Дальнего Востока разных категорий людности по данным ВПН 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

	Всего пгт	Пгт по категориям людности						
		1–1000 чел.	1–3 тыс. чел.	3–6 тыс. чел.	6–9 тыс. чел.	9–12 тыс. чел.	12–15 тыс. чел.	15 и более тыс. чел.
ВПН 1989 г.	367 ¹	27	107	108	47	43	16	19
ВПН 2002 г.	307	64	93	76	30	21	13	10
ВПН 2010 г.	216	35	64	60	24	19	10	4
ВПН 2020 г.	191	33	63	43	27	15	7	3

Составлено по: [2; 3; 4; 8], а также материалам авторского запроса в региональные отделения Росстата

Общее население пгт Забайкалья и Дальнего Востока, учтенных ВПН 1989 г., составило, по нашим подсчетам, 2,1 млн чел. (см. табл. 2). При весьма значительном количестве пгт по отношению к числу городов (число пгт превышало число городов в 4,5 раза), чем Забайкалье и особенно Дальний Восток исторически отличались от более западных регионов страны [16, с. 29], доля населения пгт в общем городском населении макрорегиона в начале 1989 г. составляла, по-

нашим расчетам, чуть менее трети (27,8%) (табл. 3), в то время как на собственно горожан приходилось 72,2%. При этом в разрезе отдельных регионов это значение существенно варьировалось (см. табл. 3). Так или иначе, пгт занимали существенное место в структуре городских населенных пунктов регионов, а их роль в хозяйственном освоении Дальнего Востока, особенно его северо-восточных территорий, оставалась крайне значимой.

¹ Без учета п. Гоуджекит Бурятской АССР, указанного в ВПН 1989 г. без населения, а также закрытых поселков.

Динамика общего населения пгт регионов Забайкалья и Дальнего Востока по данным ВПН 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Регион	Численность населения, тыс. чел.				Убытие населения с ВПН 1989 г. по ВПН 2020 г.	
	ВПН 1989 г.	ВПН 2002 г.	ВПН 2010 г.	ВПН 2020 г.	тыс. чел.	%
Республика Бурятия	188,6	137,6	77,3	58,6	-130	-68,9
Забайкальский край	300,7	235,4	226,5	197,9	-102,7	-34,2
Амурская область	172,9	104,3	90,5	66,6	-106,3	-61,5
Еврейская автономная область	46,8	40	34,5	28,4	-18,4	-39,3
Хабаровский край	204,5	151	133,2	112	-92,5	-45,3
Приморский край	471,9	321,1	171,9	141,7	-214,8	-70
Сахалинская область	116,3	73,1	33,5	42,9	- 73,4	-63,1
Республика Саха (Якутия)	309,9	173,9	134,8	115,3	-194,6	-62,8
Магаданская область	157,1	61,5	47,9	35,9	-121,2	-77,1
Чукотский автономный округ	84,2	13,4	10	9,6	-74,6	-88,6
Камчатский край	52,1	20	6,9	4,1	-48	-92
Итого по макрорегиону	2105,5	1331,6	967,3	813,3	-1292,2	-61,4

Рассчитано по: [2; 3; 4; 8], а также материалам авторского запроса в региональные отделения Росстата

Таблица 3

Доля пгт в городском населении регионов Забайкалья и Дальнего Востока по данным ВПН 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.

Регион	Численность населения, тыс. чел.				Изменение, процентные пункты
	ВПН 1989 г.	ВПН 2002 г.	ВПН 2010 г.	ВПН 2020 г.	
Республика Бурятия	29,5	23,5	13,6	10,1	-19,31
Забайкальский край	33,5	31,9	31	28,5	- 5
Амурская область	24,2	17,6	16,4	12,8	-11,4
Еврейская автономная область	32,9	31,2	29	26,7	-6,2
Хабаровский край	15,9	13,1%	12,2	10,4	-5,5
Приморский край	27	19,8	11,5	9,8	-17,2
Сахалинская область	19,9	15,4	8,5	11,2	-8,7
Республика Саха (Якутия)	43,0	28,5	21,9	17,3	-25,7
Магаданская область	48,3	36,4	32,0	27,4	-20,9
Чукотский автономный округ	73,7	37,5	30,6	29,7	-44
Камчатский край	13,8	6,9	2,8	1,8	-12
По макрорегиону в целом	27,8	20,8	16,1	13,9	13,9

Рассчитано по: [2; 3; 4; 8], а также материалам авторского запроса в региональные отделения Росстата

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство – сохранение в конце 1980-х гг. в статусе пгт 35 населенных пунктов Забайкалья и Дальнего Востока с населением более 12 тыс. чел. (табл. 1). Наибольшее их число располагалось в Приморском и Хабаровском краях [5, с. 99; 6, с. 60]. Семнадцать из них имели население от 15 до 22 тыс. чел. А еще два – Большой Камень [10] и Дальнегорск [11] Приморского края с населением 65 и 49 тыс. чел. соответственно [7] фактически могли входить в группу малых и средних городов. 22 сентября 1989 г., уже

после переписи населения, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР они получили статус города (Архивный отдел Администрации г. Дальнегорска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Отметим также, что в структуре пгт Забайкалья и Дальнего Востока конца 1980-х гг. 43 поселка имели население от 9 до 12 тыс. чел., что создавало необходимые условия для концентрации в них разных видов производственной деятельности, торговли, транспорта и т.д. 47 поселков имели население от 6 до 9 тыс. чел., еще в 108 проживало от 3 до

6 тыс. чел. При этом не соответствовали формальному критерию численности населения в 3 тыс. чел. [21] целых 134 пгт, в т.ч. 27 пгт, население которых не превышало 1 тыс. чел. В этом смысле малолюдные пгт, как мы выяснили, заметно отличались числом и масштабом от малолюдных городов региона. В специфических условиях Севера и Дальнего Востока многие пгт получали этот статус, не достигнув необходимой отметки в 3 тыс. чел., в т.ч. и потому, что предполагалось, что они имели на тот момент перспективу дальнейшего экономического, социального развития и роста численности населения или большая численность населения им была не нужна, исходя из масштабов организованного в них производства.

Одновременно часть пгт, учтенных в переписи 1989 г., теряла население в более ранний межпереписной период (1979–1989 гг.). Причиной этому могло служить, например, исполнение изначальной функции пгт (по добыче полезного ископаемого, геологоразведке, строительству железной дороги, других производственных и инфраструктурных объектов и т.п.). Отток населения из такого рода пгт в 1990-е гг. обычно лишь усиливался, но не был связан исключительно с экономическими и политическими реформами начала этого десятилетия. Однако до распада СССР общее население пгт Забайкалья и Дальнего Востока продолжало расти как за счет миграции, так и вследствие естественного прироста.

Пгт в условиях постсоветской трансформации

Распад СССР и произошедшие вслед за этим системные реформы кардинально изменили ситуацию. В отличие от городов, в структуре пгт Забайкалья и Дальнего Востока произошли куда большие изменения (см. табл. 1), во многом определившие содержание и масштабы урбанизационного кризиса в этом макрорегионе страны.

В 1990-е гг. в ходе экономических преобразований, разрушения хозяйственных связей и системы государственной поддержки предприятий подавляющее большинство рабочих поселков пережили серьезный социально-экономический и инженерно-бытовой кризис. Их демографическое развитие характеризовалось преимущественно отрицательными показателями естественного прироста и усилившейся миграцией населения.

Одновременно процесс образования новых пгт на этих территориях фактически завершился, как показал наш анализ, к концу 1991 г. и уже не возобновился после распада СССР: с 1992 по 2021 г. ни один сельский или новообразованный населенный пункт в регионах Забайкалья и Дальнего Востока, по нашим данным, не приобрел статуса пгт. Напротив, получили развитие обратные процессы, связанные с

административным преобразованием пгт в сельские населенные пункты – поселки и села. Причины и обоснования, по которым осуществлялись преобразования, были различными, но перечень их был весьма узок. На это указывали изученные нами делопроизводительные документы региональных и местных органов власти (протоколы собраний, обоснования решений), нормативно-правовые акты, материалы периодической печати. Инициаторы преобразований (местные и региональные власти, население самих пгт) указывали обычно на утрату промышленного значения населенного пункта, перспектив его промышленного роста, резкое сокращение численности населения, несоответствие социально-бытовой, инженерной инфраструктуры статусу «городского» поселения и т.д. Более весомой причиной становилось желание местных сообществ, муниципальной власти получить дополнительные ресурсы для развития местного сельского хозяйства, фермерства, а также в рамках программ поддержки сельского населения, в т.ч. специалистов-бюджетников (учителей, врачей и т.д.). Эти решения находили поддержку населения пгт (правда, не везде и далеко не всегда всеобщую) и по самым утилитарным причинам: в результате преобразований могли уменьшаться тарифы на отдельные коммунальные услуги (электричество, газ), стоимость автострахования и пр. От статуса пгт отказывались не только мелкие пгт без каких-либо перспектив экономического развития, но и крупные, в частности, районные центры без выраженной промышленной базы. Причем эти процессы в отдельных регионах, например, в Бурятии начались уже в последние годы перестройки. В целом символическое значение статуса поселка городского типа во многих случаях весьма быстро обесценилось под давлением финансовых факторов и усилившихся в большинстве из них в 1990-е гг. инфраструктурных, инженерных, социально-бытовых проблем. На этом фоне выделяется Еврейская автономная область, в которой в рассматриваемый период только 1 из 12 пгт был преобразован в село (п. им. Тельмана у Хабаровска) [3, с. 161–162], в то время как в других регионах эти преобразования оказались куда более масштабными, на что, в частности, указывают данные табл. 1.

Одновременно на фоне усугубляющегося кризиса региональных и локальных экономик в 1990-е гг. часть пгт была полностью упразднена: поселки ликвидировались, расселялись. Этот процесс приобрел выраженный характер в районах Крайнего Севера, дальневосточной Арктике (главным образом в Чукотском автономном

округе, Магаданской области, на севере Республики Саха (Якутия)). Учитывая суровые климатические условия, а также нерентабельность сохранения части местных производств, отсутствие перспектив промышленного развития у ряда расположенных здесь пгт, региональные власти уже с середины 1990-х гг. занялись их вынужденной ликвидацией (см., напр.: [2; 4]). Эти процессы проходили с большими финансовыми и организационными сложностями и противоречиями, весьма болезненно ощущались на местах.

В Забайкалье и на юге Дальнего Востока, напротив, процессы ликвидации пгт не получили сколько-нибудь широкое распространение, при том что местные пгт имели схожие социально-экономические, инфраструктурные и иные проблемы. Кризис большинства пгт приобрел здесь вялотекущий характер, а процессы полной ликвидации отдельных пгт оказались связаны либо с исполнением ими своей основной функции (например, завершение строительства железнодорожной инфраструктуры – пгт Гоуджекит и Тоннельный на бурятском участке БАМ), либо с чрезвычайными обстоятельствами (например, выход на поверхность добываемого урана – п. Октябрьский в Забайкальском крае).

Необходимо отметить, что десятки прежних пгт макрорегиона продолжали функционировать, но уже в статусе сельских населенных пунктов или в качестве микрорайонов отдельных городов, в состав которых они вошли в преддверии переписей населения (например, поселки Заречный и Сокол у г. Улан-Удэ) или в рамках реформы местного самоуправления первой половины 2000-х гг. (поселки Кангалассы и Марха у г. Якутска, поселки Артемовский, Угловое, Заводской у г. Артем, Врангель и Ливадия у г. Находка и т.д.).

Из 372 пгт, которые обладали этим статусом к ВПН 1989 г., только 6 пгт к началу 2020-х гг., т.е. за более чем 30 лет, приобрели статус города. Помимо указанных выше пгт Большой Камень и Дальнегорск в 1993 г. городом становится локальный центр золотодобычи Билибино на Чукотке [22] (при этом в 1990-е гг. он теряет 60% своего населения), в 1997 г. – якутские пгт Покровск (строительный центр недалеко от Якутска) и Нюрба (новый центр алмазодобычи) [14], а в 2015 г. – Углегорск [12], получивший новое имя – город Циолковский [23], в связи со строительством космодрома Восточный [18]. В целом мы видим, что наряду с фактической остановкой процесса образования новых пгт, не выразительными оказались и процессы градообразования на территории макрорегиона. Показательно также, что из 6 городов ДФО, которые утратили этот статус в 1990-е – 2010-е гг., лишь 1 (г. Шахтерск Сахалинской области) был «разжалован» в пгт, в то время

как остальные стали сельскими населенными пунктами.

В результате описанных выше преобразований в период с ВПН 1989 г. по ВПН 2020 г. общее число населенных пунктов Забайкалья и Дальнего Востока со статусом пгт уменьшилось с 372 (с учетом закрытых поселков) до 191, т.е. почти вдвое. При этом уже к ВПН 2002 г. общее число пгт снизилось до 307, а к ВПН 2010 г. – до 216 (Табл. 1). Фактически большая часть преобразований 2000-х гг. произошла к середине этого десятилетия, что было связано с общегосударственной муниципальной реформой, формированием в России новой конфигурации сети городских и сельских поселений, городских округов.

Среди 191 пгт, сохранивших этот статус, общий прирост населения за последние три межпереписных периода показали только 9 поселков, причем 5 из них – в Забайкальском крае (Агинское, Могойтуй в Агинском Бурятском округе края, а также поселки Забайкальск, Ясногорск и Атамановка), 3 – в Республике Саха (Якутия) (пристоличные Жатай и Нижний Бестях, а также поселок алмазодобытчиков Айхал) и еще 1 – в Сахалинской области (им стал пгт Южно-Курильск – крупнейший населенный пункт на Курильских островах, население которого стабильно превышало число жителей двух городов на этих островах – Курильска и Северо-Курильска). В остальных 182 пгт было зафиксировано общее убывание населения.

Население пгт, сохранивших свой статус к ВПН 2020 г., по отношению к ВПН 1989 г. уменьшилось с 1 351 до 790 тыс. чел., т.е. на 41,5% (без учета 5 поселков, не учтенных ВПН 1989 г., и пгт Шахтерск, который до 2017 г. имел статус города). Если говорить об общем населении пгт с учетом административных преобразований, то с конца 1980-х гг. по начало 2020-х гг. оно уменьшилось с 2,1 млн до 813 тыс. чел. (табл. 3), т.е. более чем в 2 раза (61%). Доля пгт в городском населении Забайкалья и Дальнего Востока сократилась в этот период вдвое – до 13,9% (табл. 2). Статистически именно сокращение населения пгт на 1,3 млн чел. во многом определило общие показатели убывания городского населения Забайкалья и Дальнего Востока в период между ВПН 1989 г. и ВПН 2020 г. (1,7 млн чел.) (рассчитано по: [7; 13]). Одновременно «административная рурализация» [1, с. 91] (преобразование пгт в сельские населенные пункты) повлияла и на фактическую неизменность общей доли городского населения в макрорегионе (73–73,6%), что отражало общероссийские тенденции [24, с. 18].

Существенное сокращение общего числа пгт в результате их преобразования в сельские населенные пункты и ликвидации, снижение численности

населения в подавляющем большинстве пгт, сохранивших свой статус, привели и к трансформации структуры этих населенных пунктов по плотности. Если на момент переписи 1980-х гг. в Забайкалье и на Дальнем Востоке население целых 35 пгт превышало 12 тыс. чел. (что в определенной мере позволяло им претендовать на статус города), то к началу 2020-х гг. таких пгт осталось 10. Существенно сократилось число пгт с населением 1–3, 3–6, 6–9 тыс. чел., при этом количество пгт с населением до 1 тыс. чел. чуть увеличилось (с 27 до 33) (табл. 1). Характерно, что ВПН 2020 г. зафиксировала целых 6 пгт региона с населением менее 40 чел., 5 из них – в Магаданской области, 1 – в Республике Саха (Якутия) [13].

Заключение

Постсоветская история пгт Забайкалья и Дальнего Востока фактически указала на их высокую уязвимость по отношению к общегосударственному кризису, ослаблению государственной поддержки. В отличие от городов макрорегиона пгт заметно чаще утрачивали статус городских населенных пунктов, подвергались ликвидации или попросту оказывались заброшенными (на северо-востоке), утратив перспективы развития. В наилучшей позиции оказались те из них, что к концу 1980-х гг. имели тесные связи с расположенными рядом средними и более крупными городами, в пределах городских агломераций или выполняли функции районных центров, в т.ч. имея районообразующее значение. В условиях рационализации и оптимизации систем расселения 1990-х – 2010-х гг. остальные пгт, как правило, оказывались в куда менее выгодных условиях, располагали меньшим числом ресурсов и пр.

Произошедшие изменения в общем числе, численности и структуре пгт Забайкалья и Дальнего Востока, наряду с другими тенденциями и показателями (в оценке градообразования, движения населения в городах различных категорий, городских агломерациях и пр.), свидетельствуют об общем кризисном характере постсоветского этапа в истории урбанизационного процесса в этом макрорегионе России. Продолжающаяся урбанизация, набирающая обороты субурбанизация получили здесь основное развитие, прежде всего, в отдельных городах, в то время как пгт преимущественно остались на периферии этих процессов. Неясность реальных перспектив экономического развития, «догоняющий» и недостаточный характер инфраструктурной модернизации, развитие вахтовых поселений в новых точках хозяйственного освоения территории – по этим и другим причинам в подавляющем большинстве

пгт Забайкалья и Дальнего Востока после острого кризиса 1990-х гг. так и не возникли значимые основания для их уверенного демографического, экономического и административно-территориального роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 83–94.
2. Бреславский А.С. «Нерентабельная» урбанизация: трансформация сети городских поселений Чукотки в конце 1980-х – 2010-х гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2022. № 4. С. 53–60.
3. Бреславский А.С. Городское население Еврейской автономной области в исторической динамике конца 1980–2010-х гг. // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 3. С. 151–173.
4. Бреславский А.С. Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х – 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1227–1243.
5. Бреславский А.С. Урбанизационный кризис и трансформация городского расселения в Хабаровском крае (1990–2010-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 1. С. 97–106.
6. Бреславский А.С. Городское население Приморского края: динамика структурных и демографических показателей (1989–2020 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 58–67.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php
8. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php
9. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php
10. Город атомных субмарин: Большому Камню – 65 лет. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2012.
11. Дальнегорск. Очерки по географии и истории. Дальнегорск, 2007.

12. Закон Амурской области от 29.09.2015 г. № 578-ОЗ «О преобразовании поселка Углегорск Амурской области» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432917441>

13. Итоги ВПН–2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1_Chislenost_i_razmeshchenie_naseleniya

14. Постановление Палаты Республики Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 26.09.1997 г. № ПР 285-1 «О преобразовании поселков Нюрба Нюрбинского улуса и Покровск Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) в города республиканского подчинения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473511159>

15. Распоряжение Правительства РФ от 04.01.1994 г. № 3-р (Перечень официальных географических названий населенных пунктов, расположенных в закрытых административно-территориальных образованиях) // Предпринимательское право. URL: https://www.businesspravo.ru/Docum/Docum_Show_Docum_ID_48753.html

16. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 80-е гг. М.: ИРИ РАН, 1995.

17. Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009.

18. Страны космическая гавань. Углегорску 50 лет. Благовещенск: Платина, 2012.

19. Трубе Л.Л., Хорев Б.С. Новые города на карте Родины. М.: Знание, 1970.

20. Трубе Л.Л. Поселки городского типа и особенности их развития // Известия Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102. Вып. 4. С. 356–362.

21. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.08.1982 г. «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018577>

22. Указ Президиума Верховного Совета РФ от 28.06.1993 г. № 5279-1 «Об отнесении рабочего поселка Билибино Билибинского района Чукотского автономного округа к категории городов районного подчинения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102024529

23. Федеральный закон от 30.12.2015 г. № 411-ФЗ «О присвоении образованному в Амурской области городу наименования – Циолковский» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40359>

24. Чучкалов А.С., Алексеев А.И. «Новые» сельские населенные пункты – бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 18–34.

REFERENCES

1. Alekseev, A.I. and Zubarevich, N.V., 1999. Krizis urbanizatsii i sel'skaya mestnost' Rossii [The urbanization crisis and rural Russia]. In: Migratsiya i urbanizatsiya v SNG i Baltii v 90-e gody. Moskva: Tsentr izucheniya problem vyzhdennoi migratsii v SNG, 1999, pp. 83–94. (in Russ.)

2. Breslavsky, A.S., 2022. «Nerentabel'naya» urbanizatsiya: transformatsiya seti gorodskikh poselenii Chukotki v kontse 1980-kh – 2010-kh gg. [«Unprofitable» urbanization: transformation of the network of urban settlements in Chukotka in the late 1980s–2010s], Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN, no. 4, pp. 53–60. (in Russ.)

3. Breslavsky, A.S., 2022. Gorodskoe naselenie Evreiskoi avtonomnoi oblasti v istoricheskoi dinamike kontsa 1980–2010-kh gg. [Urban population of the Jewish Autonomous Oblast in the historical dynamics of the late 1980s–2010s], Krest'yanovedenie, Vol. 7, no. 3, pp. 151–173. (in Russ.)

4. Breslavsky, A.S., 2022. Krizis urbanizatsii v Magadanskoi oblasti (konets 1980-kh – 2010-e gg.): dinamika strukturnykh i demograficheskikh pokazatelei [Urbanization crisis in Magadan Oblast (late 1980s to 2010s): analyzing structural and demographic trends], Oriental Studies, Vol. 15, no. 6, pp. 1227–1243. (in Russ.)

5. Breslavsky, A.S., 2023. Urbanizatsionnyi krizis i transformatsiya gorodskogo rasseleniya v Khabarovskom krae (1990–2010-e gg.) [Urbanization crisis and the transformation of urban settlement system in Khabarovsk Krai in the 1990s and 2010s], Gumanitarnyi vektor, Vol. 18, no. 1, pp. 97–106. (in Russ.)

6. Breslavsky, A.S., 2023. Gorodskoe naselenie Primorskogo kraja: dinamika strukturnykh i demograficheskikh pokazatelei (1989–2020 gg.) [Urban population of Primorsky Krai: structural and demographic dynamics in 1989–2020], Ural'skii istoricheskii vestnik, no. 2, pp. 58–67. (in Russ.)

7. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, eyo

territorial'nykh edinit, gorodskikh poselenii i gorodskikh raionov po polu [All-Union Population Census of 1989. The size of the urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban districts by gender]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (in Russ.)

8. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2002 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya Rossii, eyo territorial'nykh edinit, gorodskikh poselenii i gorodskikh raionov po polu [All-Russian Population Census of 2002. The size of the urban population of the Russian Federation, its territorial units, urban settlements and urban districts by gender]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (in Russ.)

9. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g. Chislennost' naseleniya gorodskikh naselennykh punktov Rossiiskoi Federatsii [All-Russian Population Census of 2010. The population of urban settlements of the Russian Federation]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (in Russ.)

10. Gorod atomnykh submarin: Bol'shomu Kamnyu – 65 let [A city of nuclear submarines: 65th anniversary of Bolshoy Kamen]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti, 2012. (in Russ.)

11. Dal'negorsk. Ocherki po geografii i istorii [Dalnegorsk. Essays on geography and history]. Dalnegorsk, 2007. (in Russ.)

12. Zakon Amurskoi oblasti ot 29.09.2015 g. № 578-OZ «O preobrazovanii poselka Uglegorsk Amurskoi oblasti» [Law of Amur Oblast of September 29, 2015 No. 578-OZ «On the transformation of the town of Uglegorsk, Amur Oblast»]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432917441> (in Russ.)

13. Itogi VPN–2020. T. 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya [Results of the All-Russian Population Census of 2020. Vol. 1. Population size and distribution]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (in Russ.)

14. Postanovlenie Palaty Respubliki Gosudarstvennogo sobraniya (II Tumen) Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 26.09.1997 g. № PR 285-1 «O preobrazovanii poselkov Nyurba Nyurbinskogo ulusa i Pokrovsk Kangalasskogo ulusa Respubliki Sakha (Yakutiya) v goroda respublikanskogo podchineniya» [Resolution of the State Assembly (II Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) of September 26, 1997 No. PR 285-1 «On the transformation of Nyurba in Nyurbinsky District and Pokrovsk in Khangalassky District of the Republic of Sakha (Yakutia) into the cities of republican subordination»]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473511159> (in Russ.)

15. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 04.01.1994 g. № 3-p (Perechen' ofitsial'nykh geograficheskikh nazvanii naselennykh punktov, raspolozhennykh v zakrytykh administrativno-territorial'nykh obrazovaniyakh) [Order of the Russian Federation Government № 3-r of January 4, 1994 (A list of official geographical names of closed settlements)]. URL: https://www.business-pravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_48753.html (in Russ.)

16. Senyavskii, A.S. 1995. Rossiiskii gorod v 1960-e – 80-e gg. [Russian city in the 1960s and 1980s]. Moskva: IRI RAN. (in Russ.)

17. Simagin, Yu.A., 2009. Poselki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiya seti i osobennosti naseleniya [Urban-type settlements of Russia: network transformation and population characteristics]. Moskva: Institut sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniya RAN. (in Russ.)

18. Strany kosmicheskaya gavan'. Ulegorsk 50 let [The country's space harbor. 50th anniversary of Ulegorsk]. Blagoveshchensk: Platina, 2012. (in Russ.)

19. Trube, L.L. and Khorev, B.S., 1970. Novye goroda na karte Rodiny [New cities on the map of the Motherland]. Moskva: Znanie. (in Russ.)

20. Trube, L.L., 1970. Poselki gorodskogo tipa i osobennosti ikh razvitiya [Urban-type settlements and their development characteristics], Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva, Vol. 102, no. 4, pp. 356–362. (in Russ.)

21. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 17.08.1982 g. «O poryadke resheniya voprosov administrativno-territorial'nogo ustroystva RSFSR» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of August 17, 1982 «On the procedure for resolving issues of the administrative-territorial structure of the RSFSR»]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018577> (in Russ.)

22. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RF ot 28.06.1993 g. № 5279-I «Ob otneseni rabocheho poselka Bilibino Bilibinskogo raiona Chukotskogo avtonomnogo okruga k kategorii gorodov raionnogo podchineniya» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Federation of June 28, 1993 № 5279-I «On the transformation of the settlement of Bilibino, Bilibino District of Chukotka Autonomous Okrug into a city of district subordination»]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102024529 (in Russ.)

23. Federal'nyi zakon ot 30.12.2015 g. № 411-FZ «O prisvoenii obrazovannomu v Amurskoi oblasti gorodu naimenovaniya – Tsiolkovskii» [Law of Russian Federation of December 30, 2015 № 411-FZ «On giving the name of Tsiolkovsky to

city in Amur Region»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40359> (in Russ.)

24. Chuchkalov, A.S. and Alekseev, A.I., 2019. «Novye» sel'skie naselennye punkty – byvshie poselki gorodskogo tipa [«New» rural settlements – former urban-type settlements],

Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya, no. 6, pp. 18–34. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 06.09.2024;
рекомендована к печати 30.09.2024*

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/99-106>

Д.Д. Котова*

«ШИ ЦЗИН» И ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КОНЦЕПЦИЯ М. ХАНТЕРА

Статья посвящена анализу концепции М. Хантера, изложенной им в монографии «Поэтика ранней китайской мысли», в соответствии с которой «Канон поэзии» (Ши цзин) выступает основополагающим текстом, формирующим смысловое поле древнекитайской философской традиции. Автор анализирует методологические основания исследования М. Хантера, характеризует ключевые положения его концепции и лежащую в их основе аргументацию.

Ключевые слова: «Ши цзин», древнекитайская философия, конфуцианство, смысловое поле, метафора, концепт, «Дао дэ цзин»

Shijing and the genesis of Confucian philosophy: the concept of Michael Hunter. DIANA D. KOTOVA (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article is devoted to the analysis of Michael Hunter's concept, set out in his monograph «The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition», according to which the Shijing (Classic of Poetry) is a fundamental text that forms the semantic field of the ancient Chinese philosophy. The author analyzes the methodological foundations of Hunter's research, characterizes the key points of his concept and the argumentation behind them.

Keywords: Shijing, ancient Chinese philosophy, Confucianism, semantic field, metaphor, concept, Dao de jing

Введение

Вышедшая в 2021 г. монография профессора Йельского университета, специалиста в области восточноазиатских языков и литературы Майкла Хантера «Поэтика ранней китайской мысли» [25] посвящена гипотезе о том, что поэтический сборник «Канон поэзии» (*Ши цзин* 詩經) послужил основополагающим текстом, формирующим смысловое поле древнекитайской философской традиции как таковой. Исходя из научной новизны и актуальности исследования М. Хантера, в данной статье мы ставим перед собой цель прояснить методологические и концептуальные положения данного автора в контексте роли «Ши цзин» в генезисе китайской философии.

Как предмет исследования «Канон поэзии», конечно, хорошо знаком отечественным исследователям. В отечественном Китаеведении был подробно разработан вопрос о генезисе стихотворной традиции стихов-*ши* (詩), составивших основу «Канона поэзии» [1, с. 16–17; 5; 10; 13, с. 362–364], высказано множество идей относительно его структуры [2, с. 12–13; 4, с. 346–347] и значимости для стихотворной и литературной традиции [15, с. 16–17]. Аспект влияния «Ши цзин» на древнекитайскую философскую традицию (в первую очередь – конфуцианскую) также подвергся рассмотрению [1, с. 164–190; 6; 15, с. 16–17]. Подход М. Хантера существенно иной. Исследователь рассматривает «Канон поэзии» не

* КОТОВА Диана Дмитриевна, ассистент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, kotova.ddm@dvfu.ru

© Котова Д.Д., 2024

столько как текст поэтический, сколько как текст-носитель смыслов, структур, категорий и сюжетов, формирующую парадигму, впоследствии воспроизведенную и осмысленную в конфуцианской мысли.

Монография М. Хантера встретила главным образом положительные отзывы в западном Китае (см., напр.: [29; 31]). Однако профессор М. Найлэн, специалист в области древнекитайской философии и искусства, отмечает такие концептуальные недостатки работы, как убежденность М. Хантера в недостаточном освещении проблематики «Канона поэзии», весьма спорная детерминация образа мышления древних китайцев идеей «движения» (у М. Хантера – «возвращения»), а также отождествление «поэзии» и «идеологии» [28]. В целом же, думается, что в силу актуальности и масштабности рассматриваемой проблематики, а также оригинальности выводов концепция М. Хантера может представлять интерес и для отечественных исследователей.

Методология исследования М. Хантера

В методологии работы М. Хантера обнаруживается синтез двух подходов. Во-первых, заметно влияние интеллектуальной истории с ее установкой на анализ парадигмального контекста, формирующего своим концептуальным содержанием тот или иной исследуемый текст [18, с. 69–72]. Соответственно, ставится задача обнаружить и проследить, как некоторые концепты парадигмы (в данном случае – «Канон поэзии») сумели задать смысловое поле интеллектуальной традиции (в данном случае – древнекитайской философии и в первую очередь – раннего конфуцианства). Во-вторых, М. Хантер активно использует комплекс методов, разработанных в рамках филологии. Сам исследователь описывает его так: «Если кратко, мы можем попытаться интерпретировать [поэзию-] *ши* 詩 как изменчивый репертуар – именно таким он и был до своей кристаллизации при династии Хань. Я определяю этот подход как “чтение со среднего расстояния” (reading from the mid-range), чтобы расположить его между “пристальным”, поэмоцентричным чтением, проблематизированным Майклом Керном, и “дальним чтением” приверженцев digital humanities» [25, р. 228]. Под «близким» чтением понимается подход, когда литературовед подробно анализирует то, что хотел сказать создатель одного конкретного текста или даже его фрагмента: причем текст этот вписан в парадигмальный канон значимых для культуры произведений [12, с. 11]. Для раннеконфуцианской философии таким каноническим комплексом является текст «Пятиканония» (*У цзин* 五經), куда входят «Канон перемен» (*И цзин* 易經), «Канон поэзии» (*Ши цзин* 詩經), «Канон документов»

(*Шу цзин* 書經), он же «Чтимая книга» (*Шан шу* 尚書), «Записи о ритуале» (*Ли цзи* 禮記) и «[Летопись о] веснах и осенях» (*Чунь цю* 春秋). К XII в. список этих текстов дополнился и оформился в «Тринадцатиканоние» (*Ши сань цзин* 十三經) [3, с. 620]. Также к ним можно присовокупить тексты, в подобные списки не включенные, но имеющие близкий к ним статус: в конфуцианской традиции это текст «Сюнь-цзы» (荀子), принадлежащий философу-конфуцианцу Сюнь Куану (331/298 – 238/215 гг. до н.э.) [23].

С каноническими (в рамках «Ши сань цзин») текстами частично пересекается корпус текстов жанра *чжуцзы* (諸子) («Лунь юй» 論語 [7], «Мэн-цзы» 孟子 [14], «Сюнь-цзы» 荀子 [23] и др.), озаглавленных в большинстве случаев именами конкретных авторов. Этот традиционный взгляд М. Хантер также проблематизирует: здесь важно вспомнить, что он является учеником выдающегося западного сиолога Майкла Керна, чьи исследования древнекитайских канонов способствовали формированию более критического отношения к ним. В частности, в своих статьях М. Керн критикует подход тех исследователей, которые интерпретировали древнекитайские канонические тексты, некритически используя их в качестве источников по философии доханьского периода. Например, он весьма убедительно доказал, что «Канон поэзии» и «Канон документов» – тексты, которые не могут служить адекватной основой для оценки роли и значения ритуала в эпоху Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.), т.к. в них зафиксирована идеализированная в более поздние эпохи рецепция чжоуского ритуала, но никак не его историческое описание [27]. Во многом работы М. Керна – часть процесса смещения интереса исследователей древнекитайской мысли с канонических памятников на более ранние источники (в частности, инскрипции на чжоуской ритуальной бронзе [8, с. 6; 26; 27]). М. Хантер развивает идеи, предложенные его предшественником: в представленной монографии он пересматривает авторитетность древнекитайских канонических текстов, подвергая сомнению не только аутентичность содержания этих текстов эпохе, к которой их относит традиция, но и характер их функционирования на межтекстовом уровне. При этом некоторые методологические элементы М. Хантер заимствует и из концепции «дальнего чтения», разработанной Ф. Моретти: это подход, при котором внимание фокусируется не на содержании и смысле конкретного текста, а на общих закономерностях, присущих большому числу текстов, в т.ч. и находящихся вне зафиксированного канона [12, с. 11–12]. Также этот подход является частью digital humanities, что подразумевает

использование компьютерных технологий: в лингвистических науках это комплекс методов, предполагающий цифровой поиск в корпусах текстов исследуемых слов и понятий, который направлен на выделение тех или иных смысловых контекстов их употребления, их частотности, а также выполнение других операций по выявлению их семантики [30].

Таким образом, М. Хантер подробно исследует «Канон поэзии» как текст, формировавший, в соответствии с его гипотезой, древнекитайскую философскую традицию, при помощи сложного и нетривиального методологического комплекса.

Основные положения концепции М. Хантера

На наш взгляд, представляется возможным выделить в работе М. Хантера три ключевых положения. Рассмотрим каждое из них подробнее.

1. «Канон поэзии» может рассматриваться как парадигмальная матрица древнекитайского философского канона, как «сеть» (*network*) [25, р. 15], скрепляющая его тексты.

М. Хантеру принадлежит попытка вывести «Канон поэзии» из тени других текстов китайского конфуцианского канона. Исследователь активно полемизирует с прежними подходами к «Ши цзин» как к комплексу элементов, скорее дополняющих понимание более «значимых» текстов канона (в виде цитат и т.д.). При помощи комплекса методов автор придает «Канону поэзии» новый статус: в его прочтении это не просто сборник текстов, послуживший источником цитат для комментирования мысли философов-конфуцианцев, но матрица, по которой выстроена вся последующая древнекитайская философия: «Я предлагаю переработать основную концепцию ранней китайской мысли как системы, сосредоточенной вокруг поэзии-ши 詩» [25, р. 15]. И потому не «Канон поэзии» выступает материалом для древнекитайской философии, а, напротив, философские (по крайней мере, конфуцианские) тексты служат своего рода производными от «Канона поэзии». Стоит отметить близость методологии М. Хантера не только установкам интеллектуальной истории, но и идее метатекста, высказанной в свое время Ю.М. Лотманом. Ссылок на работы Ю.М. Лотмана в тексте М. Хантера нет, но параллели с его идеями легко прослеживаются. Используя язык лотмановской семиотики, можно сказать, что у Хантера «Ши цзин» предстает как текст, а китайская философская традиция – как его метатекст. Тексты у М.Ю. Лотмана характеризуются как «динамичные, переходные, текучие формы» [11, с. 51], что вполне применимо к «Канону поэзии». При этом такая форма обретает смысл и предстает как философское высказывание в рамках метатекста: Ю.М. Лотман приводит в качестве примера предписания и разнообразные трактаты Средневековья [11, с. 51]. Подобный

принцип конституирующего метатекста применим и по отношению к текстологии раннего конфуцианства.

Почти все введение к своей монографии М. Хантер посвящает подробному описанию истории исследования «Канона поэзии». Среди ее проблем особенно интересно противопоставление версий «простонародного» и «аристократического» происхождения стихов-ши, составивших «Канон поэзии». Отстаивая точку зрения, что стихи-ши были созданы в аристократических кругах по образцу народной поэзии, М. Хантер предостерегает от опасности отношения к поэзии-ши в духе «романтизма» и бесплодности попыток рассматривать такого рода стихи как «искаженные» аристократическим влиянием народные [25, р. 7–8].

Одной из установок М. Хантера является отказ от попыток интерпретации смысла древнекитайской поэзии, традиционно занимавших классическую синологию. Установка на интерпретацию поэзии-ши через смысл ее стихов и составляющих их слов восходит еще к ханьским временам, а именно – к («Великому предисловию» (*Да юй* 大序), предваряющему сохранившуюся до наших дней версию «Канона поэзии» – «“Стихи” [в передаче] Мао с комментарием Ма Жуна» (*Мао ши Ма Жун чжу* 毛詩馬融注). В этом предисловии «смысл стихов» обозначался понятием «чжи» (志)¹, хотя, конечно, само это слово применительно к стихам упоминалось и прежде [10, с. 180]. М. Хантера же интересует не столько смысл, который несет тот или иной стих из «Канона поэзии», сколько «эффект», который он производит [25, р. 28]. Этот эффект М. Хантер исследует посредством структурного анализа как стиха в его целостности, так и отдельных его элементов (строф и слов) в контексте «Канона поэзии». Так, обосновывая идею о том, что одним из центральных мотивов «Канона поэзии» является мотив движения, исследователь обращается к *фэн* (風)² «Подорожник» (*Фу и* 芣苢) [I, I, 8], «Двое детей садятся в лодку» (*Эр цзы чэн чжоу* 二子乘舟) [I, III, 19] и ряду других. Анализируя их структуру, М. Хантер отмечает, что они построены по принципу циклического движения. К этому отсылают повторяющиеся иероглифы стиха, маркирующие зарифмованные глаголы: в первом случае это помогает отразить суету, представленную в стихе, а во втором – усиливает эффект горя персонажа [25, р. 39–40]. Таким образом М. Хантер переносит исследование стихов «Ши цзин» из поля герменевтики в поле поэтики, как бы позволяя им самим говорить о своих свойствах.

¹ И.С. Лисевич перевел это понятие на русский язык как «устремление» [10, с. 180].

² Поджанр стихов-ши.

М. Хантер рассматривает основные произведения конфуцианской философии либо как тексты, полностью включающие в свой состав структурные элементы и сюжеты стихов-*ши* (причем не только в смысле прямого комментирования, его М. Хантер рассматривает лишь как малую часть этих связей), либо как тексты, полемизирующие с «Каноном поэзии» в каком-либо аспекте – структурном или идейном. К первой категории М. Хантер относит тексты конфуцианской традиции, ко второй – «Канон Пути и благодати» (*Дао дэ цзин* 道德經) и сборник поэзии другого типа – «Чуские строфы» (*Чу цы* 楚辭). Именно под углом парадигматической детерминации структурными элементами и сюжетами «Канона поэзии» М. Хантер и рассматривает всю древнекитайскую философскую традицию.

Для подтверждения своей позиции он приводит примеры из рассматриваемых им текстов. Так, в чжане (фрагменте) «Лунь юя» 3.8, представляющем диалог Конфуция с его учеником Цзыся, видно, как концепт «Канона поэзии» осмысливается в рамках конфуцианства. Цзыся в диалоге ссылается на стих «Дородная» (*Шо жэнь* 碩人). Понятие «белый» (*су* 素), в тексте первоисточника обозначающее лишь цвет, становится здесь некоей идей-метафорой, на основе которой строится этическое рассуждение о ритуале (*ли* 禮):

Цзыся спросил:
– «Чарует юная улыбка,
Прекрасны яркие глаза,
Узорной стала чистота».

Почему так говорят?

Учитель сказал:

- Украшенная ткань получится только из чистой.
- Как из ритуала? – спросил [Цзыся]. Учитель воскликнул:
- Ты – тот, кто [может] дополнять, Шан. С тобой уже можно начинать обсуждать «Песни» («Лунь юя», 3.8. Перевод Д.В. Конончука [7]).

Именно здесь М. Хантер, исходя из постулируемого им «матричного» устройства корпуса текстов древнекитайской философии, подключает метод «дальнего чтения» – чтения при помощи средств цифрового поиска (*digital search tools*) [25, р. 31]. Суть метода заключается в поиске определенного понятия в корпусе текстов и анализе контекстов его бытования, что позволяет, по мнению М. Хантера, приблизительно восстановить смысловое поле взаимосвязей, существовавшее в китайской философии. Подобный метод известен русскоязычному читателю (см., напр., анализ китайского концепта любви у Тань Аошуан [17,

с. 148–160]), однако у М. Хантера он опирается на используемые им электронные базы текстов крайне ограниченной доступности.

Так, высказывания, обычно атрибутируемые как цитаты Конфуция, выступают в интерпретации М. Хантера не столько как манифестации значимой персоналии, сколько как «хаб», посредством которого древние мыслители конфуцианского толка вносили идеи для «установления» (*чу* 處) и «исправления» (*дин* 定) окружающего мира (у М. Хантера – «situate» и «fix» соответственно). В частности, именно для этого они использовали «Канон поэзии» – комментируя его сюжеты и смыслы, мифологизируя Конфуция. М. Хантер приводит в пример высказывание Сыма Цяня, в котором историограф использует цитату из «Канона поэзии», чтобы высказать свое суждение о Конфуции: «В “Ши цзин” есть такие строки: “Когда на высокую гору смотрю, подняв вверх голову, словно иду по Великому Пути, и хотя не смогу достичь цели, но сердцем стремлюсь к ней”. Я читал сочинения Конфуция и хотел представить его себе как человека» [16, с. 150–151]. На основе этого высказывания М. Хантер развивает идею о том, что Сыма Цянь опирается на поэтику «Канона поэзии», описывая акт «видения» через «сердце» (*синь* 心), что является характерной чертой поэзии-*ши* [25, р. 109].

2. «Канон поэзии» является источником концептов, формирующих смысловое поле древнекитайской философии.

Концептом М. Хантер в своем исследовании называет выраженный понятием образ или идею из «Ши цзин», который в дальнейшем послужил формирующим элементом парадигмы древнекитайской философии. Среди таких концептов он в первую очередь отмечает «возвращение» (*зуй* 歸), «путь» (*дао* 道) и «воду» (*шуй* 水) [25, р. 88, 101, 115]. Рассмотрим последовательно каждый из них.

С точки зрения М. Хантера, включенная в «Ши цзин» поэзия носит «кинетический» характер, т.е. так или иначе описывает движение [25, р. 36]. Весь раздел «Го фэн» исследователь рассматривает как «путешествие» от сердца удела Чжоу к другим уделам. Он также находит подтверждение этому в том, как в «Каноне поэзии» освящено понятие «дипломатический визит» (*сюнь* 巡, *сюнь шоу* 巡守): это ритуальное путешествие правителя по своим землям. В «Каноне поэзии» это явление выражено в таких концептах, как «время шествия» (*ши май* 時邁) и «пиршество» (*бань* 般) (у М. Хантера – «he proceeds» и «celebration» соответственно) [25, р. 36]. По мнению исследователя, центральным, проходящим красной линией через весь «Канон поэзии» концептом является «возвращение» – как в прямом, так и в метафорическом прочтении [25, р. 115]. Это и возвращение

в родной дом из дома супруга, и возвращение солдата с войны, и возвращение мыслями к прошлому. «Возвращение» – это процесс, результат которого должен стать воплощением идеала поэзии-*ши*. В качестве противоположности «возвращению» выступает концепт «одиночество», «тоска», «горе» (*ю* 憂) (у М. Хантера – «anxious»). «Тоска» окажется неизменным спутником человека, если его возвращение не свершится. Избавление от тоски – задача персонажей «Канона поэзии»³ [25, р. 82]. М. Хантер также кратко касается идеологического и социального аспекта понятия «возвращение», посредством которого устанавливалась и поддерживалась идея о необходимости для каждого метафорически вернуться «домой», т.е. к интеллектуальному и политическому центру [25, р. 192].

«Путь» М. Хантер постулирует как одну из центральных метафорических категорий «Канона поэзии», рассматривая ее в аспекте идеи о возвращении как ключевом сюжете «Канона поэзии». Потому и концепт пути появляется в тексте «Ши цзин» весьма часто (а именно – 19 раз, т.е. почти в 4 раза чаще, чем его синоним «дорога» (*лу* 路), упомянутый всего 5 раз) и также в нескольких аспектах. Первый аспект «пути», отмеченный М. Хантером, политический: это путь, заданный совершенномудрыми государями древности. Здесь путь выступает как символ политической мощи государя: он реализует «благодать» (*де* 德), дарованную ему Небом, и тем самым символизирует благо государства и общества. Второй аспект «пути» – это тот самый «путь домой». На наш взгляд, тема «пути домой» как основная тема «Канона поэзии» обозначена верно и вполне коррелирует с тем, что один из главных сюжетов стихов-*ши* – это отчуждение, разделение: с семьей, возлюбленными, духами предков. М. Хантер истолковывает воззрения конфуцианцев таким образом, что у них это отчуждение начинает обретать идеологический базис: тоска, описываемая в «Каноне поэзии», истолковывается как однозначно негативное явление, которое можно преодолеть социальным коллективизмом и возвратом к традициям прошлого [25, р. 13–14]. Так, концепт пути, обретя в тексте «Канона поэзии» подобную смысловую окраску, в политической философии конфуцианства принял образ системы принципов правления, истинность которой базируется на постоянном «возвращении» к древности путем сверки с глубоко мифологизированным «путем древних мудрейших правителей» (*сянь шэн ван дао* 先聖王道).

³ Нечто похожее можно усмотреть в идее Новалиса о том, что философия есть «ностальгия, тяга повсюду быть дома». Эту дефиницию в контексте поиска определения метафизики очень емко анализировал М. Хайдеггер, переосмысляя «тягу повсюду быть дома» как побуждающую «искать ходы», т.е. истинные смыслы вещей, «понятий» [19, с. 28–30].

Еще один концепт «Ши цзин» – «вода» – постулируется М. Хантером как понятие метафоричное, «ассоциативное». Например, вода – образ текучей мысли, также образ «потока» (*лю* 流) [25, р. 13–14]. В самом «Каноне поэзии» вода – метафора связи, в первую очередь – неба с землей, выражаемая в течении воды сверху вниз, а также метафора связи с возлюбленным/домом, если речь идет о воде, текущей горизонтально [25, р. 99]. Так, утверждает М. Хантер, первая коннотация получила особое распространение в связи с категорией «благодать» (у М. Хантера – *virtue* или *power*) [25, р. 14]. В этом контексте вода подчеркивает связь правителя с небом. В конфуцианских текстах нередко людей, стремящихся к благородному правителю или к возвращению к родителям, на уровне ассоциации уподобляли водному потоку [22, 7.35.4; 23, 10.13; 24, 10.3.2]. Движение воды, наблюдение за водой – сюжеты, обретшие важную роль в конфуцианстве. Они являлись прямыми метафорами «мысли» (*сы* 思) или «размышления» (*нянь* 念): изначально, в самом «Каноне поэзии», так могли быть метафорически переданы мысли о возлюбленном (стихи «Водный источник» (*Цюань шуй* 泉水) и «Четвертый месяц» (*Сы юэ* 四月)) или настроения и деяния великого правителя (например, стих «Лю-гун» (劉公)).

3. «Дао дэ цзин» и поэма Цюй Юаня «Ли Сао» выступили в качестве текстов, полемизирующих с установками «Канона поэзии».

М. Хантер подчеркивает, что с «Каноном поэзии» следует связывать не только тексты, испытавшие его формирующее влияние, но и тексты, которые обнаруживают скрытую полемику с его идеями. Первым в этом ряду он называет «Дао дэ цзин». Исследователь выдвигает гипотезу о том, что данный текст бы специально создан в противопоставление «Канону поэзии» [25, р. 115]. Он демонстрирует, что «Канон поэзии» ориентирован на «действие», «движение» и «чувства», в то время как «Дао дэ цзин» – на «покой», «сокровенность» (*сюань* 玄), «не-знание» и «не-говорение». Также, в связи с тем, что «Дао дэ цзин», по мнению М. Хантера, постулирует жизнь в отшельничестве, в нем отрицается концепт «возвращение» в том смысле, в каком он фигурирует в «Каноне поэзии», т.е. в смысле возвращения домой. В «Дао дэ цзин» «возвращение» – это свойство Пути [9, с. 134–135], что, как мы можем заметить, делает противопоставление двух текстов не столь очевидным.

Если в «Каноне поэзии» «возвращение» – это действие, сокращающее физическое и социальное пространство между людьми, то в «Каноне Пути и благодати», согласно М. Хантеру, подобное возвращение «к людям» видится как процесс, отдаляющий человека от его собственной природы [25, р. 117–

118]. Особенно сильное «противостояние» «Канону поэзии» М. Хантер усматривает в главе 20, где излагается позитивная интерпретация концепции «одиночества» (вспомним, что в «Каноне поэзии» такое, наоборот, должно быть преодолено в результате «возвращения»). М. Хантер указывает на то, что в этой главе «Дао дэ цзин», в отличие от других его глав, присутствуют звуко-символические биномы: например, *си си* (熙熙), *лэй лэй* (纍纍), *мэнь мэнь* (悶悶) [25, р. 121–122]. Поскольку подобные биномы характерны для «Канона поэзии», М. Хантер интерпретирует этот фрагмент «Дао дэ цзин» как прямую критическую реакцию на «программу» стихов-*ши*, а именно – как постулирование отказа от преодоления одиночества, провозглашение его в качестве нормы [25, р. 124].

Второй текст, который М. Хантер противопоставляет «Канону поэзии», – это «Чуские строфы». При этом противопоставление производится не с точки зрения поэтической формы (т.е. *ши* и *цы*), – напротив, их он мыслит скорее как продолжение одного другим, – но с точки зрения содержания. Сюжет о связи стихов-*ши* и строф-*цы* – классический, его истоки можно найти еще в эпоху Хань. Так, у Бань Гу в послесловии к тексту «Ши фу» читаем: «После Весен и осеней путь дома Чжоу, как размытый потоком, разрушился. Августейшие расспросы о государственных песнопениях вышли из державных обычаев отдельных царств. Ученые мужи, изучавшие стихи, если и остались, оказались в рубищах. Даже подлинно мудрые люди слагали оды, лишённые воли, присущей прежней поэзии. Великий конфуцианец Сунь-цин и государев слуга Цюй Юань из Чу, удаленные и оклеветанные, горевали о своем государстве, и оба творили оды, полные порицаний и таящие устои древних стихов» [20, с. 63]. М. Хантер провозглашает *цы* стихами, которые показывают невозможность выполнения заложенной в «Канон поэзии» программы «возвращения», и, более того, – манифестацией «одиночества». Тот факт, что «Чуские строфы», в частности *цы* «Ли Сао» и «Тянь взнь», на которые М. Хантер делает особый акцент, отсылают к понятию одиночества, не вызывает сомнения. Об этом говорили и комментаторы ранней китайской эпохи Ван И и Бань Гу. Трактую название поэмы «Ли Сао» (離騷), в качестве синонима к *ли* 離 канонисты называли *чоу* 愁 («печалиться», «горевать»), а к *сао* 騷 – *ю* 憂 («одиночество») [20, с. 196–197].

Заключение

Таким образом, М. Хантер на основании использованного им комплекса методов сумел получить ряд оригинальных выводов, проясняющих взаимосвязь «Канона поэзии» и древнекитайской (в первую очередь – конфуцианской) философ-

ской традиции. При этом, безусловно, концепция М. Хантера не лишена некоторых недостатков. Прежде всего, «Канон поэзии», – не единственный текст, который мог служить подобного рода «сюжетообразующим» ядром китайской философии. Мы полагаем, что М. Хантер недооценивает влияние текстов традиции *шу* (書) и рассмотрение текста «Шан шу» (尚書) через призму методологии ученого может дать интересные результаты, дополняющие его выводы. Требуется прояснения и вопрос о принципах установления детерминирующих связей между выделяемыми М. Хантером концептами «Ши цзин» и концепциями китайской философии.

В целом же концепция М. Хантера обладает значительным эвристическим потенциалом, и знакомство с ней, как нам представляется, может быть полезно для отечественных специалистов в области истории китайской философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2-х ч. Ч. 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.
2. Дорофеева В.В. «Ши цзин» как исторический источник для реконструкции пространственных представлений в Древнем Китае: дис. ... канд. ист. н. М., 1992.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. Т. 1. Философия. М.: Восточная литература, 2006.
4. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
5. Кобзев А.И. Старые проблемы и новый перевод «Ши цина» // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 261–331.
6. Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002.
7. Конфуций. Избранные беседы («Лунь юй») / Пер. А.Л. Сергеев, Д.В. Конончук. Владивосток. (рукопись)
8. Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
9. Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). М.: АСТ, 2020.
10. Лисевич И.С. «Великое введение» к «Книге песен» // Историко-филологические исследования. Сборник статей памяти акад. Н.И. Конрада. М.: Восточная литература, 1974. С. 178–181.
11. Лотман М.Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
12. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
13. Попова Г.С., Ульянов М.Ю. Этапы истории *шу* 書 («Записей [речей государей]») и *ши* 詩

(«Стихов»): от литургии до канона (XI–III вв. до н.э.) // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 332–367.

14. Ранняя конфуцианская проза. Луньюй. Мэнцзы. М.: Шанс, 2019.

15. Смирнов И.С. Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. М.: РГГУ, 2014.

16. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. V. М.: Восточная литература, 1987.

17. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.

18. Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2023.

19. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013.

20. «Чуские строфы»: избранные произведения в переводах М.Е. Кравцовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022.

21. Гуань-цзы ([Писания] Учителя Гуаня) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/guanzi>

22. Люй-ши Чунь-цю («Вёсны и осени» господин Люй [Бувэя]) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu>

23. Сюнь-цзы ([Книга] Учителя Сюня) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/xunzi>

24. Чунь-цю Цзо чжуань чжэн-и («Предание [господин] Цзо к “Вёснам и осеням”» с выправленным смыслом) // Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan>

25. Hunter, M., 2021. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. New York: Columbia University Press.

26. Kern, M., 2001. Ritual, text, and the formation of the canon: historical transitions of *wen* in Early China. T'oung Pao, Vol. 87, no 1/3, pp. 43–91.

27. Kern, M., 2009. Bronze inscriptions, the *Shijing* and the *Shangshu*: the evolution of the ancestral sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey, J. and Kalinowski, M. eds., 2009. *Early Chinese religion. Part 1. Shang through Han (1250 BC – 220 AD)*. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, pp. 143–200.

28. Nylan, M., 2023. Review of *Hunter, M. The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=58706>

29. Shen, L.C., 2022. Review of *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*, by M. Hunter. *China Review*, Vol. 22, no. 1, pp. 348–353.

30. Slingerland, E. et al., 2017. The distant reading of religious texts: a ‘big data’ approach to mind-body concepts in Early China. *Journal of the American Academy of Religion*, Vol. 85, no. 4, pp. 985–1016.

31. Tamburello, G., 2021. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. *The Canadian Review of Comparative Literature*, Vol. 48, no. 4, pp. 559–563.

REFERENCES

1. Alimov, I.A. and Kravtsova M.E., 2014. *Istoriya kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziya, proza: v 2-kh ch. Ch. 1* [The history of Chinese classical literature from antiquity to the XIIIth century: poetry, prose: in 2 parts. Part 1]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (in Russ.)

2. Dorofeeva, V.V., 1992. «Shi tszin» kak istoricheskii istochnik dlya rekonstruktsii prostranstvennykh predstavlenii v Drevnem Kitae [*Shijing* as a primary source for the reconstruction of spatial representations of Ancient China], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 1992. (in Russ.)

3. Titarenko, M.L. ed., 2006. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5-ti t. T. 1. Filosofiya* [The spiritual culture of China: an encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 1. Philosophy]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

4. Karapet'yants, A.M., 2010. *U istokov kitaiskoi slovesnosti* [At the origins of Chinese literature]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

5. Kobzev, A.I., 2018. *Starye problemy i novyi perevod «Shi tszina»* [Old problems and a new translation of *Shijing*], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, no. 2, pp. 261–331. (in Russ.)

6. Kobzev, A.I., 2002. *Filosofiya kitaiskogo neokonfutsianstva* [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

7. Confucius, 2013. *Izbrannye besedy («Lun'yui»)*. Perevod A.L. Sergeeva i D.V. Kononchuka [The Analects. Translated by A.L. Sergeev and D.V. Kononchuk]. Vladivostok. (manuscript) (in Russ.)

8. Kryukov, V.M., 2000. *Tekst i ritual: Opyt interpretatsii drevnekitaiskoi epigrafiki epokhi In'-Chzhou* [Text and ritual: an interpretive essay on Ancient Chinese epigraphy of the Yin-Zhou period]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli. (in Russ.)

9. Lao-zi, 2020. *Kniga o Puti zhizni (Dao-De tszin)* [The book of the Way (*Dao de jing*)]. Moskva: AST. (in Russ.)

10. Lisevich, I.S., 1974. «Velikoe vvedenie» k «Knige pesen» [The «great preface» to the «Book of songs»]. In: *Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Sbornik statei pamyati akad. N.I. Konrada*. Moskva: Vostochnaya literatura, 1974, pp. 178–181. (in Russ.)

11. Lotman, M.Yu., 2000. *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Isskustvo-SPB. (in Russ.)

12. Moretti, F., 2016. *Dal'nee chtenie* [Distant reading]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

13. Popova, G.S. and Ul'yanov, M.Yu., 2018. Etapy istorii *shu* 書 («Zapisei [rechei gosudarej]») i *shi* 詩 («Stikhov»): ot liturgii do kanona (XI–III vv. do n.e.) [Stages of *shu* 書 («Records [of Rulers' Speeches]») and *shi* 詩 («Songs») history: from liturgical texts to canon (XI–III BC)], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, no. 2, pp. 332–367. (in Russ.)
14. Rannyaya konfutsianskaya proza. Lun'yui. Mentszy [Early Confucian Prose. *Lun yu. Meng-zi*]. Moskva: Shans, 2019. (in Russ.)
15. Smirnov, I.S., 2014. Kitaiskaya poeziya: v issledovaniyakh, zametkakh, perevodakh, tolkovaniyakh [Chinese poetry: in research, notes, translations, interpretations]. Moskva: RGGU. (in Russ.)
16. Sima Qian, 1987. Istoricheskie zapiski. T. V [Records of the grand historian. Vol. V]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)
17. Tan Aoshuang, 2004. Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost' [Chinese worldview: Language, culture, mentality]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (in Russ.)
18. Whatmore, R., 2023. Chto takoe intellektual'naya istoriya? [What is intellectual history?]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
19. Heidegger, M., 2013. Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – Konechnost' – Odinochestvo [The fundamental concepts of metaphysics: world, finitude, solitude]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)
20. «Chuskie strofy»: izbrannye proizvedeniya v perevodakh M.E. Kravtsovoi [«Verses of Chu»: selected works translated by M.E. Kravtsova]. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2022. (in Russ.)
21. 管子 [[Writings of] Master Guan]. URL: <https://ctext.org/guanzi> (in Chinese)
22. 呂氏春秋 [«Springs and autumns» of Mr. Lü [Buwei]]. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu> (in Chinese)
23. 荀子 [[Writings of] Master Xun]. URL: <https://ctext.org/xunzi> (in Chinese)
24. 春秋左傳正義 [«“Springs and autumns” in a transmission of [Mr.] Zuo» with corrected meaning]. URL: <https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan> (in Chinese)
25. Hunter, M., 2021. The poetics of Early Chinese thought: How the *Shijing* shaped the Chinese philosophical tradition. New York: Columbia University Press.
26. Kern, M., 2001. Ritual, text, and the formation of the canon: historical transitions of *wen* in Early China. *T'oung Pao*, Vol. 87, no 1/3, pp. 43–91.
27. Kern, M., 2009. Bronze inscriptions, the *Shijing* and the *Shangshu*: the evolution of the ancestral sacrifice during the Western Zhou. In: Lagerwey, J. and Kalinowski, M. eds., 2009. Early Chinese religion. Part 1. Shang through Han (1250 BC – 220 AD). Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, pp. 143–200.
28. Nylan, M., 2023. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showpdf.php?id=58706>
29. Shen, L.C., 2022. Review of *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*, by M. Hunter. *China Review*, Vol. 22, no. 1, pp. 348–353.
30. Slingerland, E. et al., 2017. The distant reading of religious texts: a 'big data' approach to mind-body concepts in Early China. *Journal of the American Academy of Religion*, Vol. 85, no. 4, pp. 985–1016.
31. Tamburello, G., 2021. Review of Hunter, M. *The poetics of Early Chinese thought: How the Shijing shaped the Chinese philosophical tradition*. *The Canadian Review of Comparative Literature*, Vol. 48, no. 4, pp. 559–563.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024;
рекомендована к печати 19.11.2024

УДК 17

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/107-117>

Х.С. Эмеретли*

О ПРИРОДЕ И ЗНАЧЕНИИ СТРАДАНИЯ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СЮЖЕТАМИ КНИГИ М. БРЭДИ

В центре внимания статьи находится работа американского философа Майкла Брэди «Страдание и добродетель», которая представляет собой системное исследование понятия страдания с экстерналистской точки зрения. Автор предпринимает попытку в биоэтическом аналитическом ключе критически переосмыслить наиболее дискуссионные и эвристичные моменты книги М. Брэди.

Ключевые слова: страдание, добродетель, эвтаназия, этика, экстернализм

On the nature and meaning of suffering: a reflection on Michael Brady's «Suffering and virtue». KHARLAMPY S. EMERETLI (HSE University, Moscow, Russia)

The article focuses on the work of the American philosopher Michael Brady «Suffering and virtue», which is a systematic study of the concept of suffering from an externalist point of view. The author attempts to critically rethink the most controversial and heuristic points of Brady's book from a bioethical analytical perspective.

Keywords: suffering, virtue, euthanasia, ethics, externalism

Введение

В семьдесят восьмом письме к Луцилию «Не следует бояться болезней» Сенека описывает случай своей хронической простуды: «Сначала я не обращал на нее особенного внимания. . . Но, наконец, мне пришлось слечь, так как катар довел меня до того, что я весь истаял и страшно ослабел. Я даже стал подумывать о самоубийстве; но меня удержала мысль о том, как я оставлю моего отца – старика, очень любившего меня» [4, с. 154]. Рассуждения философа о возможности лишиться себя жизни могут вызывать недоумение, но они являются естественным следствием этической доктрины стоиков. Счастье понималось ими не просто как состояние, в котором человек пассивно добродетелен, как это было у Эпикура, но как состояние, в котором он упражняется в

добродетели, поступает добродетельно. И если в течение жизни человек сталкивается с условиями, которые не оставляют ему шанса на добродетельные поступки, то такая жизнь не стоит того, чтобы ее сохранять [5, р. 408–409]

Даже если приведенная позиция не является бесспорной, ее внутренняя логика схватывается интуитивно в том смысле, что каждый из нас в силах вообразить факторы, которые можно охарактеризовать как *страдание*, способные непоправимо ухудшить качество жизни. Однако ситуация становится тем запутаннее, чем отчетливее проступает мысль о том, что со страданием неразрывно сопряжена вся наша жизнь. А значит обнаружение себя в ситуации, когда индивидуальное благополучие находится под угрозой и в которой вообще

* ЭМЕРЕТЛИ Харлампы Савельевич, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, kemeretli@hse.ru

© Эмеретли Х.С., 2024

возникает тяжелая дилемма – продолжение жизни в непрерывном страдании или добровольная смерть, не является исключительным случаем.

В античной философии страдание изначально приобретает ярко выраженный этический оттенок: «многосложные разновидности отчуждения от мира в древности – от стоицизма и эпикурейства до гедонизма и цинизма – можно всегда объяснить глубоким недоверием к миру, стремлением защититься и спастись от мира, уйти от подстерегающих в нем нужды и опасностей, сосредоточившись на интимном, в сфере которого самость встречается лишь сама с собой» [1, с. 383]. Наличие в этом списке гедонизма не должно никого смущать, хотя порой он некритически и вульгарно трактуется как безудержный поиск наслаждений. Гедонистическая система, наоборот, имеет в качестве своего основного принципа именно избегание неудовольствия; не желание заполучить удовольствие, но страх оказаться под гнетом страдания.

Несмотря на то, что страдание, по всей видимости, обладает статусом сквозной темы в философии, оно не часто помещается в фокус исследовательского интереса в качестве его основного предмета. Это кажется особенно странным в свете развития биоэтики и естественного процесса тотальной медикализации здоровья субъекта – от рождения до момента биологической смерти.

Понимание природы страдания и его моральных импликаций открывает доступ к решению такой важнейшей проблемы биоэтики, как эвтаназия. Регулирующее добровольный уход из жизни законодательство каждого из государств, в которых легализована активная эвтаназия¹, выдвигает факт невыносимого страдания, испытываемого пациентом, в качестве одного из критериев, который потенциально позволяет человеку получить одобрение на прохождение процедуры². В некоторых юрисдик-

циях переживание невыносимого страдания является не только необходимым, но, в зависимости от ситуации, также и достаточным критерием для возможного одобрения эвтаназии. Бельгийский законодательный акт указывает, что смерть пациента должна произойти в «обозримом периоде времени», но по решению лечащего врача и в результате его консультации с психиатром или специалистом в требуемой области медицины; при принятии решения в расчет может приниматься только невыносимое страдание больного. Нидерланды и Люксембург не учитывают фактор «обозримого времени» и в принципе не проводят разграничения между смертельно и не-смертельно больными пациентами [24, р. 19–20]. Правительство Канады три года назад отменило требование того, что смерть должна быть «разумно предвидимой» [22]. При этом ни тексты законодательств указанных стран, ни соответствующие документы биоэтических комиссий не раскрывают должным образом природу, нормативность и значение такого понятия, как страдание³.

Вокруг феномена страдания разворачивается серьезная полемика как в академической, так и в общественной среде, охватывающая множество сторон – от специалистов по этике до самих пациентов и их близких родственников⁴. Кроме того, возникает тревога по поводу широкой доступности и допустимости эвтаназии, что формирует консервативную критику либерального взгляда на человеческую автономию⁵.

³ В материалах биоэтических комиссий можно обнаружить отдельные разделы или главы, посвященные обсуждению проблематики страдания, в т.ч. и в его сочетании с такими прилагательными, как «длительное» и «невыносимое», но их содержание, в первую очередь, носит описательный и критический характер, а предлагаемую глубину проработки вопроса сложно назвать исчерпывающей. См., напр., раздел D в: [25], а также пункты 2.2–2.3 в: [28].

⁴ См., напр.: [7; 29]. Из этой цепки тройственных взаимоотношений доктор-пациент-родственник также проистекает вопрос о пределах способности принимать решения и содержании индивидуального действия.

⁵ Автор статьи в «The Atlantic» пишет: «Лично я не испытываю больших моральных сомнений по поводу асистированного самоубийства для людей, которые испытывают сильные страдания перед лицом неминуемой смерти. Такие случаи ужасны для отдельных людей и семей. Важно то, что MAID (Medical Assistance In Dying, программа, регулирующая добровольный уход из жизни в Канаде. – прим. авт.) так быстро вышла за свои первоначальные рамки» [12].

¹ По состоянию на 2024 г. активная эвтаназия легализована в восьми странах: Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Колумбии, Канаде, Испании, Новой Зеландии и Эквадоре, а также в каждом из шести штатов Австралии. В Португалии закон об эвтаназии прошел слушания в Ассамблее Республики (парламент), был одобрен президентом страны и опубликован в официальном бюллетене, но еще не вступил в силу [19].

² Например, один из пунктов второй главы Бельгийского акта об эвтаназии под названием «Условия и порядок действий» гласит: «Пациент (достигший совершеннолетия, или эмансипированный несовершеннолетний) находится в безнадежном с медицинской точки зрения состоянии, испытывает постоянное и невыносимое физическое или ментальное страдание, которое невозможно облегчить, возникшее в результате серьезно-го и неизлечимого расстройства, вызванного болезнью или несчастным случаем» [16, р. 305–306].

Одной из плодотворных попыток научного решения вопроса о природе и границах страдания является книга Майкла Брэди «Страдание и добродетель» [11]. Автор последовательно представляет теоретические основания данного феномена и описывает его в контексте теории добродетели, что позволяет ему охарактеризовать страдание как значимую категорию моральной философии в целом и биоэтического дискурса в частности. Книга состоит из шести глав, однако я в своей полемике буду анализировать теоретические положения лишь тех из них, критическая рефлексия над которыми позволит, во-первых, впоследствии вывести дискуссию в пространство биоэтики, во-вторых, исследовать действительную возможность (или невозможность) обосновать страдание в качестве добродетели, в-третьих, рассмотреть то ключевое значение, которым обладает феномен, когда речь заходит о вопросах легализации или запрета процедуры эвтаназии.

Страдание как неприятность

Брэди рассматривает страдание двух видов – физическое и ментальное. Физическое страдание в наиболее общем смысле связано с телом. Но, вопреки очевидным догадкам, оно не исчерпывается физической болью той или иной продолжительности и интенсивности. Мы можем указать на широкий спектр состояний, источником которых является соматосенсорная система, но ни одно из которых не сопровождается обязательно чувством боли; например, высокая температура, тошнота, чрезмерная усталость, голод или жажда. Однако физическое страдание обладает как минимум двумя выраженными особенностями: во-первых, оно поддается локализации определенной степени точности – я могу сказать, что испытываю головную боль или я ощущаю дискомфорт в животе; во-вторых, физическое страдание может проявляться вне рамок когнитивной медиации – это означает, что животные и маленькие дети, которые не способны к сложным формам когнитивной активности, способны испытывать боль, усталость, голод и другие ощущения, но не обладают возможностью выразить их так же, как это делает взрослый человек. Для Брэди сцепка физического страдания и тела является его (страдания) наиболее важной характеристикой. Именно поэтому он рассматривает многие проявления страдания как по существу физические и, следовательно, как виды физического страдания [11, р. 13–14]. На мой взгляд, важно отметить, что «физическое» следует понимать в смысле устойчивой связи недуга и его последующего эффекта с телом, а не в

том смысле, что тело служит исключительно первоначальным источником или поводом для психологических переживаний. Примером второго рода может быть, скажем, серьезное заболевание, которое затрагивает тело, не причиняя при этом ощутимого дискомфорта, но сильно ударяет по психологическому состоянию человека. Некоторые авторы для описания таких случаев вводят понятие сенсорного страдания [17, р. 20–22], но я не думаю, что это действительно необходимо, и полагаю разграничение страдания на физическое и ментальное достаточным.

В противовес физическому страданию, ментальное страдание по своей сути не касается *тела* и во многом связано с мышлением субъекта, его отношением к миру и своему месту в нем; оно зависит от психологической реакции на грубые внешние раздражители, от которых бывает трудно или вовсе невозможно увернуться: «интенциональные объекты различных видов ментального страдания, по всей видимости, связаны с широким спектром не-телесных вещей» [11, р. 16]. В одних случаях ментального страдания его центральным компонентом выступает *эмоция*, например, гнетущее чувство вины или скорбь по умершему родственнику. В других эмоциональный аспект отсутствует, по крайней мере, в значении его открытой активности; можно упомянуть такие экзистенциальные состояния, как переживание потери смысла жизни, одиночество или тоска, у которых нет самоочевидных причин ни в теле, ни в психике. При этом разделение ментального страдания на две отдельные группы прорисовывается не столь отчетливо, как это может показаться на первый взгляд. Существуют состояния – тревога, ностальгия, скука и другие, о которых сложно сказать, что в них всегда и полностью отсутствует эмоциональный аспект. Второй тип различия между группами ментального страдания также является обоснованным, но вместе с этим не до конца строгим в своей концептуализации. Согласно этому типу, эмоциональное страдание направлено на некий осознаваемый субъектом страдания объект; когда я испытываю ужасный стыд, то стыжусь чего-то конкретного. Не-эмоциональные страдания лишены представленной возможности; состояние депрессии может отражать неудовлетворенность жизнью человека в ее совокупности или вовсе не иметь осязаемого объекта⁶.

⁶ Фабрис Терони утверждает, что страдание всегда сопровождается интенсивным неприятным аффектом, отсюда, например, скука как таковая не является способом страдания, но может стать им, если вызывает такой аффект [27, р. 119].

Несмотря на расплывчатость линии демаркации между физическим и ментальным страданием, локусом их расхождения является укорененность последнего в области *психологического*, мыслительного, вне зависимости от его возможных физиологических проявлений или истоков. Скажем, если я сломал руку, то попытка убедить себя в том, что никакой травмы на самом деле нет, не изменит объективного положения дел. И наоборот, если в свете новых подробностей, я пойму, что на самом деле не виноват в трагическом событии, из-за которого испытывал сильные угрызения совести, то отрицательно окрашенное эмоциональное состояние, скорее всего, сойдет на нет, по крайней мере, есть все основания этого ожидать.

Брэди указывает на то, что единственным константным элементом для страдания – тем, который встречается в каждом из случаев страдания, – выступает *неприятность*: «Существенным является компонент, который мы можем назвать негативным аффектом. Базовое суждение заключается в том, что все формы страдания считаются формами страдания отчасти из-за этого негативного аффективного элемента, отчасти потому, что они ощущаются плохими или неприятными» [11, р. 16].

Какая именно взаимосвязь существует между *неприятностью* и страданием? Брэди отвечает на этот вопрос, развивая *desire view* – одну из разновидностей экстерналистской трактовки природы страдания⁷, которую в классическом варианте можно сформулировать так: «ощущение S, возникающее в момент времени t, является неприятным в момент t, если субъект S желает, внутренне и *de re*, в момент времени t, чтобы S не возникало в момент t» [11, р. 47].

В отличие от интернализма, который включает негативный аффект переживания в пределах его внутренних качеств, раскрываемых интроспективно, т.е. феноменологически, экстернализм говорит о необходимости внешнего фактора как своеобразного отношения субъекта к переживаемому им в данный момент опыту, как к страданию. Брэди достаточно подробно разбирает интерналистские линии аргументации, но в итоге признает каждую из них неудовлетворительной [11, р. 32–44].

⁷ Две другие позиции в рамках экстернализма: эвалюативизм и императивизм. В центре первого лежит отношение оценки, в центре второго – отношение команды (императива). Например, субъект испытывает неприятное ощущение боли, которое отражает нарушение определенного рода; но также это ощущение отражает нарушение как *плохое* для субъекта (оценка) или, в случае императивизма, как команду защитить тело от этого нарушения, исправить ситуацию [11, р. 45].

На поверхности одним из важных доводов в пользу экстернализма является то, что он позволяет избежать проблему гетерогенности⁸. Также экстернализм позволяет объяснить стимулирующую силу неприятного опыта, который зачастую побуждает нас действовать определенным образом, а именно таким, который позволит устранить источник неприятности или негативного аффекта. Интерналистские трактовки затрудняются с обоснованием мотивирующей силы неприятности, поскольку ее необходимо описать в качестве неотъемлемой части неприятного опыта, что является далеко не тривиальной задачей.

Позиции в рамках экстернализма схожи не столько структурно (неприятность состоит из некоторого опыта и внешнего отношения к этому опыту), но и содержательно, потому что понятия желания, оценки или императива апеллируют к функционально идентичной практике (по крайней мере в том, что мы под ними подразумеваем в контексте обсуждения природы негативных аффектов), а именно к стремлению или побуждению изменить ситуацию. Поэтому «защита *desire view* будет *eo ipso* являться защитой эвалюативизма и императивизма» [11, р. 46]. Таким образом, предпочтение *desire view*, на первый взгляд, не имеет веских теоретических оснований, хотя философ указывает на то, что *desire view* позволяет избежать трудностей, с которыми не справляется как эвалюативизм, так и императивизм. Однако классический *desire view* требует переработки, поскольку его атакует дилемма Евтифрона⁹. Если переживание S является страданием потому, что субъект X желает, чтобы его не было, то раскрывается релятивистская и волюнтаристская природа страдания; отсутствуют какие-либо внутренние критерии неприятности. Если же X желает, чтобы S не было, поскольку оно является страданием, то выходит, что компонент желания излишен – страдание наличествует в любом случае. Новый *desire view*: «Переживание E, возникающее

⁸ Проблема гетерогенности связана с утверждением о том, что неприятность (или болезненность – в случае боли) не может быть квалиа определенных проявлений неприятности, поскольку они настолько отличаются друг от друга в своем качественном характере, что становится невозможным говорить о единой квалиа неприятности; порез пальца листом бумаги, боль в горле из-за ангины и ожог запястья кипящим маслом однозначно оцениваются в качестве неприятных состояний, но кроме этого качества неприятности, которое не поддается внятному описанию, между ними нет ничего общего.

⁹ Дилемма имеет своим источником диалог «Евтифрон» Платона и может быть сформулирована следующим образом: Боги любят благочестивое, потому что оно таковое, или оно благочестивое, потому что его любят Боги? [3, с. 12–13].

в момент времени t , является неприятным в момент t , если и потому, что E состоит из ощущения S в момент времени t , и субъект S желает, внутренне и *de re*, чтобы S не возникало в момент времени t » [11, p. 48].

Т.е. неприятность относится не к одному из компонентов переживания – ощущению боли или желанию, чтобы оно прекратилось, но к переживанию как таковому, соотношению между ощущением боли и желанием, чтобы оно прекратилось. Предлагаемое Брэди определение страдания позволяет отвечать на распространенные возражения как об интернализме, так и об экстернализме и объясняет нормативность страдания и боли, а также наше взаимодействие с ними.

Между тем, решение, к которому приходит Брэди, не выглядит безупречным. С одной стороны, кажется, что философ просто добавляет в существующую конструкцию, выраженную традиционным *desire view*, новый уровень – переживание, понимаемое как соотношение между ощущением боли и релевантным желанием. Не ясно, является ли данное переживание неприятным, поскольку я *желаю*, чтобы этого переживания (соотношения между ощущением боли и желанием) не было, или же переживание является неприятным само по себе, и поэтому я *желаю*, чтобы его не было. Как видно, дилемма Евтифрона не исчезает, но лишь маскируется, касаясь теперь не ощущения боли в отдельности, но переживания в целом. Также переживание, в том виде, в котором оно представлено в контексте нового *desire view*, выступает как понятие первостепенной значимости. Именно оно, в конечном итоге, конституирует неприятность некоторого опыта, а значит и страдания. Но чтобы у меня возникло желание отсутствия переживания, оно должно быть неприятным. Единственным же источником неприятности может быть ощущение боли и мое релевантное желание ее избежать. Иначе говоря, позиция Брэди подчеркивает своеобразную эзотеричность ощущений страдания и боли.

Исходя из своей аналитической конструкции, Брэди дает финальное определение страдания, основанное на новом *desire view*: «Субъект страдает тогда и только тогда, когда он имеет (i) неприятное переживание, состоящее из ощущения S и желания, чтобы S не возникало, и (ii) возникающего желания, чтобы это неприятное переживание не возникало» [11, p. 55].

Желания, о которых идет речь, являются разными: одно из них касается ощущения, а другое –

отношения субъекта к этому ощущению. Брэди вынужден дробить желания, описывая их таким образом, поскольку в противном случае возникает дилемма Евтифрона.

Страдание как добродетель

Рассуждения Брэди о природе страдания и неприятности следует рассматривать в качестве необходимой подводки к теме страдания как добродетели.

Тот факт, что страдание или боль могут в нужных обстоятельствах обладать инструментальной ценностью, принимается как нечто самоочевидное еще со времен Достоевского. Более того, для таких качеств, как терпение, стойкость или мужество наличие страдания, в крайнем случае – как явной потенциальной возможности субъекта, является необходимым. Нетрудно представить также и то, как бедствие, с которым столкнулись другие люди, побуждает меня проявлять сострадание, доброжелательность или щедрость. Однако Брэди идет намного дальше, когда утверждает, что «формы физического и эмоционального страдания могут сами-по-себе конституировать добродетельные мотивы... В нужных обстоятельствах они являются уместными или подходящими реакциями на различные виды обесценивания, где то, что делает их уместными или подходящими реакциями, состоит в том, что они позволяют нам совладать с таким обесцениванием лучшим образом из возможных» [11, p. 59–61].

Здесь автор опирается на понимание добродетели, заимствованное у Марты Нуссбаум, развивающей нео-аристотелевский подход в рамках теории добродетели. По ее словам, Аристотель «изолирует сферу человеческого опыта, которая в большей или меньшей степени присутствует в любой человеческой жизни и в которой каждому человеку в большей или меньшей степени придется делать один выбор, а не другой, и действовать одним, а не другим образом» [23, p. 35].

В этом смысле добродетели являются стабильными диспозициями, побуждающими нас поступать конкретным образом в данной сфере человеческого опыта. А если такие явления, как боль, скорбь или усталость являются неустранимыми и важными частями нашего жизненного опыта, то существуют способы реагирования на них правильно или неправильно; другими словами, лучше или хуже. Но в этике добродетели или просто в моральной философии понятие «добродетель» концептуально охватывает внутренние качества или черты, которые человек приобретает или активно развивает в себе; т.е. те, которые не являются изначальным элементом

его внутренней конституции или следствием естественного процесса. Однако страдание никогда не культивируется субъектом страдания, на что справедливо указывает сам Брэди: «Мы ... не учимся чувствовать голод и усталость в процессе “привыкания”, делая то, что делает добродетельный человек, и, в результате, чувствуя то, что чувствует добродетельный человек. Вместо этого эти чувства – как и наши зрительные и слуховые опыты – возникают в нас естественно и непроизвольно. В результате чего такие чувства не отражают то, кем мы являемся в каком-либо глубоком смысле» [11, р. 65–66].

Однако, с моей точки зрения, только в противоположном случае, если бы страдание являлось приобретаемым качеством или способностью, мы могли бы говорить о моральных импликациях страдания. Иначе придется давать оценочные суждения – похвалу или порицание – за предустановленные состояния, за которые человек не несет никакой ответственности. Я акцентирую внимание на этической стороне вопроса, поскольку, с одной стороны, она в первую очередь интересует самого Брэди, с другой, только в этическом дискурсе понятие страдания (как и боли) может получить широкое применение¹⁰. Осознавая представленные трудности, Брэди подчеркивает специфическую функцию страдания, утверждая, что оно создает *мотивацию* поступать определенным образом¹¹. Он обращается к пониманию добродетели, развиваемом Линдой Загзебски в исследовании «Добродетели разума»: «Мотив, в том смысле, который имеет значение для исследования добродетели, является эмоцией или чувством, которое инициирует и направляет действие в сторону цели. Мотивы соединены с добродетелями тем, что добродетельные личности склонны испытывать определенные эмоции, которые могут привести их к желанию изменить мир или самих себя определенным образом» [30, р. 131].

Страдание может сформировать такие мотивы. Например, голод мотивирует нас принять пищу, усталость – отдохнуть, обездоленность другого – проявить щедрость. Однако содержательно для

¹⁰ Поэтому нет особой необходимости приводить и разбирать определения таких видных теоретиков добродетели, как Джулия Аннас [6] или Хезер Баттали [10], ведь они разве чтошний раз укажут на видимую несостоятельность интерпретации страдания как активной добродетели.

¹¹ Не самое очевидное утверждение, ведь такие состояния, как депрессия могут вызывать страдание, но их специфика заключается в том, что они не содержат в себе мотивационного элемента, более того, характеризуясь как состояния, центральным проявлением которых является отсутствие какой-либо мотивации. Причем Брэди сам подчеркивает эту деталь [11, р. 15].

Загзебски добродетели так же, как и для Нуссбаум или Аннас, являются приобретаемыми превосходствами. Именно поэтому она акцентирует внимание на том, что ее интересуют именно эмоции людей, а не чувства в значении ощущений как результата воздействия внешних раздражителей: «Я не стану сейчас обсуждать, все ли мотивы являются формами эмоций или только большинство из них. Все те [мотивы], которые я буду использовать в своих примерах добродетели, являются эмоциями» [30, р. 130].

Брэди признает эту критику и обращается к релятивистскому подходу в эпистемологии добродетели, цитируя американских философов Джона Греко и Эрнеста Соуза. Релятивизм (от англ. reliable – надежный) в качестве добродетелей понимает «наши надежные когнитивные способности (зрение, слух, интроспекцию и т.д.)» [2, с. 8]. Это врожденные, предустановленные интеллектуальные добродетели, которые позволяют приходиться к обоснованным суждениям. Такое теоретическое наполнение лишает релятивизм спасительного для страдания импульса, поскольку в этом случае не идет речи ни о каких моральных импликациях этого вида добродетелей; Греко и Соуза используют их исключительно в теории познания. Брэди, в свою очередь, предлагает расширить этицированное понимание добродетели так же, как оно было расширено в рамках эпистемологии добродетели, чтобы оно включало пассивные способности людей. Он исходил из того, что страдание, как отмечалось ранее, не может быть приобретаемым качеством: «Поскольку мы можем подумать, что нам необходимо апеллировать к диспозициям к страданию, в нужной степени и правильных обстоятельствах, чтобы сформировать законченную картину того, что значит хорошо справляться, с практической точки зрения, с достаточно широким диапазоном вызовов и сложностей» [11, р. 68].

Интроспекция, память, зрение – являются *способностями*, которые обладают определенной производительностью и силой [13, р. 520] и опережают видимых конкурентов на пути достижения определенных целей [26, р. 227–228]; в рамках эпистемологии можно говорить об успешном достижении знания или истины. Исходя из этой логики, Брэди предлагает включить диспозицию к страданию в число факультативных добродетелей. Однако *способность*, понимаемая в качестве некоторого врожденного компонента субъекта, не зависящего от его воли, намерений

или стремлений, когда речь заходит об эпистемологии, представляет собой способность, функция которой никогда не замещается другими умениями людей. Например, память необходима для полноценного понимания отдельных процессов, и сложно представить, чтобы ее функционал мог быть полноценно заменен другими способностями. Подобного нельзя сказать о голоде как причине страдания. Поскольку задолго до того, как недостаток приема пищи начнет приносить вред, мы ощущаем значительно более слабые, но столь же информативно-наполненные команды, например, «я думаю, мне необходимо что-нибудь съесть». Когда дело касается физического страдания, последнее всегда избыточно и нежелательно, оно – пограничная ситуация. Значимость явных проявлений страдания в таких случаях как минимум неочевидна. Даже если мы готовы принять позицию Брэди, согласно которой голод или сильная жажда являются самоценными, то необходимость этих состояний для осуществления определенных реакций – приема пищи или питья воды – сомнительна. Кажется, что в большинстве случаев достаточно некоторой базовой, во многом незначительной физиологической реакции – чувства голода, чтобы я решил ее удовлетворить. При этом, даже если такое желание отсутствует, как, например, бывает после отравления или из-за вирусных заболеваний, сохраняется некоторая интуиция или простая рефлексия, говорящие о необходимости приема пищи. Во втором случае Брэди, наверное, мог бы возразить, что болезнь формирует тот самый добродетельный мотив, но этот аргумент кажется чем-то искусственным и отвлекающим. То есть, страдание не превосходит «видимых конкурентов», чего требует теория Греко и Соузы. Точно так же определенной степени рациональной рефлексии достаточно для убеждения в том, что не следует неаккуратно и спешно нарезать ножом овощи или выпивать залпом горячий чай. Здесь можно говорить о некотором предвкушении-ожидании потенциальной боли, но едва ли оно имеет дело с ноцицептивной системой в ее прямом функционировании. Греко и Соуза рассуждают об интеллектуальных добродетелях, не редуцируя их к моральным, но замыкая в пределах эпистемологии. И мне сложно представить, каким образом то же самое можно сделать в теории морали без серьезного изменения наших привычных представлений о моральной ответственности и повседневных практик взаимодействия друг с другом.

Даже если мы согласимся, что диспозиции к страданию формируют добродетельные мотивы, то возникает очевидное расхождение с тезисом о

том, что страдание – плохо *по своей сути* вне зависимости от его практической функции. Отвечая на это возражение, Брэди обращается к аргументации теоретика добродетели Томаса Хурки, утверждая, что страдание одновременно как отрицательно, так и добродетельно. Хурка называет это рекурсивной характеристикой добра и зла. Допустим, некоторое явление X по своей сути благо, тогда любовь (желание, преследование, получение удовольствия от любви) по отношению к X ради него самого также по своей сути благо. И наоборот, если X по своей сути плохо, то ненависть и другое негативное отношение к X – по своей сути благо. Таким образом, относительно страдания можно сказать, что в некоторых случаях оно создает диспозицию ненавидеть зло, а это состояние добродетели, например: «Угрызания совести кажется ужасным ощущением, и в этом смысле они *по своей сути* являются для нас плохим состоянием. Но угрызения совести – это также способ ненавидеть или испытывать боль от собственных моральных проступков, и поэтому они считаются формой ненависти к злу. Таким образом, с этой точки зрения, угрызения совести по своей сути плохи по причине того, как они ощущаются, но благо, потому что они являются формой ненависти ко злу» [8, р. 306].

Как справедливо отмечает Брэди, если вышесказанное верно, то количественный рост страданий в мире должен приводить к равнозначному росту добродетели, поэтому есть все основания для культивации страданий. Опровержение этой логической цепочки встречается еще у Джорджа Мура [21, р. 268]. Вкратце, степень внутренней благодати или зла определенного отношения к X всегда меньше, чем степень благодати или зла самого X [15, р. 133]. Отсюда добродетельность, происходящая от ненависти к злу, всегда меньше, чем внутренняя отрицательность этого зла.

Логично применить это утверждение к исследованию эвтаназии. Переживание невыносимого страдания как результата неизлечимого недуга следует рассматривать в качестве достаточного условия для одобрения процедуры добровольного ухода из жизни, поскольку в свете неустранимости страдания его внутренняя отрицательность, как и отрицательность связанного с ним состояния, не могут быть преодолены инструментальной добродетельностью страдания; ведь даже если сохраняются его практические функции, польза от реализации некоторой положительной мотивации (n) всегда будет уступать

вреда, наносимому страданием ($n + 1$). И прогнозируемость смерти пациента, судя по всему, не должна играть никакой роли, когда на противоположной чаше весов расположено невыносимое страдание.

В четвертой главе книги Брэди обращается к описанию добродетелей силы и уязвимости. Первые во многом связаны с именем Фридриха Ницше, который считал, что сила предстает в форме позитивного отношения к страданию и что мы должны разыскивать и принимать страдания, чтобы продемонстрировать силу и добродетель в процессе их преодоления [11, р. 90–95]. Однако нам следует обратить основное внимание на уязвимость и болезнь, т.е. второй тип добродетелей, потому что они являются более насущной темой для биоэтического контекста. Опираясь на теорию Хави Карел, Брэди пытается показать, что состояние болезни или физического недуга связано с добродетелями креативности и адаптируемости. Адаптируемость служит описанием поведенческой гибкости, которая позволяет переживающим болезнь, а также людям с ограниченными возможностями «корректировать свое поведение в зависимости от их состояния». Такая адаптация в свою очередь «требует высокой степени креативности, поскольку [человек] отслеживает новые опции, рассматривает новые возможности и тестирует новые стратегии для достижения своих целей» [11, р. 105]. Это выглядит правдоподобно, в конце концов, мы ожидаем некоторой степени сопротивления невзгодам, как от других, так и от самих себя, питая негодование к пассивности там, где еще возможно успешное противодействие. Однако, даже если уязвимость подсвечивает внешнюю добродетельность страдания – поскольку мы получаем возможность развивать добродетели из-за его присутствия, я полагаю, что это должно подразумевать если и не полную устранимость, то переносимость последнего. В противном случае отсутствует то, что Сири Лекнес и Брок Бастиан называют чувством облегчения или освобождения, которое образуется за счет контраста между неприятными переживаниями и их последующим прекращением: «облегчение зависит от реального или воображаемого существования боли, а приятность облегчения тесно связана с отвратительностью события, [влияние] которого удалось сократить или избежать» [20, р. 65]. Постоянное присутствие сильной неприятности вытесняет надежду достигнуть такого облегчения, интенсифицировать приятные ощущения или, повторим,

обращать внимание на потенциальную добродетельность актуального положения дел.

Разумеется, что все зависит от человеческого выбора – актуального или оформленного в виде предварительной директивы; другими словами, недобровольная эвтаназия является преступлением и грубым нарушением автономии пациента. Трудности возникают в точке пересечения автономии, поднимая вопросы о ее границах, и ситуации неопределенности, а именно тогда, когда страдание проистекает из недуга, относительно которого нельзя однозначно заявить, что его нельзя исправить, устранив тем самым страдание. В большинстве своем это касается психологического страдания, о чем уже было сказано выше. Правильным ли будет решение удовлетворить осознанную и устойчивую в течение относительно длительного периода времени просьбу пациента о прекращении его жизни, при том что положение дел потенциально может измениться? Я склонен отвечать на этот вопрос положительно, понимая при этом, что реальность противится холодному теоретизированию и обобщениям и заставляет уделять внимание каждому конкретному кейсу в отдельности. Критерии для допуска к эвтаназии призваны провести разделительную полосу между жизнью, когда она стоит того, чтобы ее поддерживать, и ситуациями, когда она лишается своей ценности; или, выражаясь языком биоэтики, когда вред от продолжения жизни превышает пользу от ее окончания. Однако вне зависимости от той степени точности, которую эти критерии утверждают, универсально удовлетворительное решение – необходимое для достижения консенсуса в вопросе о допустимости эвтаназии – непрестанно ускользает. Причина неудачи кроется в невозможности примирить радикально противоположные в своей аргументации этические теории. В попытках устранить препятствие можно обратиться к позиции, согласно которой между этической теорией и прикладной этикой (которой в этом случае является биоэтика) есть заметная разница. Как замечает философ Уилл Кимлика, когда речь заходит о принятии конкретных решений в области медицины (если ограничиваться проблемой эвтаназии), то серьезное отношение к морали не обязательно подразумевает серьезного отношения к моральной философии [18]; скажем, бескомпромиссное несогласие между деонтологией и консеквенциализмом по тем или иным этическим вопросам отстраняет нас от фактического решения и не позволяет предложить его людям, жизни которых зависят от него. Поэтому в биоэтическом контексте следует отказаться от обраще-

ния к «высокой» моральной теории и разрабатывать узконаправленные принципы. Плодотворен такой подход или нет, в любом случае, я полагаю, что он не избавляет нас от подсвеченных в тексте трудностей; от необходимости анализировать страдание, ведь даже если мы артикулируем тавтологичное определение феномена – страдание есть страдание, отсылая к интуитивно схватываемому значению его содержания, то остаются открытыми вопросы, связанные с нашим отношением к тем состояниям, которые мы считаем страданием, а также их (состояний) интерпретациями; вопросы, эксплицитно поднимаемые в связи с дихотомией физического и ментального страдания. И на мой взгляд, пристальное внимание к тому, каким в действительности значением обладает страдание, может избавить нас от многих неопределенностей как в мысли, так и в клинической практике и разработке новых политик в области биоэтики.

Заключение

Несмотря на высказанную в отношении книги Брэди критику, ее эвристический потенциал остается высоким. «Страдание и добродетель» закладывает фундамент, который можно использовать в качестве отправной точки для дальнейшего развития мысли в области философии страдания и который уже был использован таким образом; для этого стоит, как минимум, вспомнить две коллективные монографии – «Философия боли» [9] и «Философия страдания» [8], вышедшие в 2020 г., спустя два года после публикации книги Брэди. Для каждой из них философ выполнял задачи редактора в паре с двумя другими специалистами, а также написал по одной статье.

Понимание природы и сущности страдания в рамках моральной философии и биоэтического дискурса позволит приблизить нас к решению проблемы эвтанази, которая расщепляется на вопросы о пределах человеческой автономии, способности принятия решений, воздействии страдания на содержание желания, намерения и поступка. В любом случае, мы указали лишь на вершину айсберга. Ведь если случаи невыносимого физического страдания в большинстве случаев самоочевидны, то ментальное страдание гораздо сложнее для верификации. Относительно недугов психологического характера зачастую сложно говорить как о том, что они неизлечимы, так и о том, что они причиняют невыносимое страдание, а состояние человека не может быть улучшено. На руках у специалистов, ответствен-

ных за принятие окончательного решения об одобрении эвтаназии, в каждом конкретном случае остаются только слова и надежды людей, которые здоровая человеческая эмпатия ожидаемо мешает воспринимать через холодный объектив заданных критериев. Положение усложняется тем, что даже в случаях неизлечимых состояний физической этиологии источник «невыносимого страдания» и повод для прошения об эвтаназии имеют «психологическую основу: зависимость от ухода, потерю автономии, одиночество, отчаяние, чувство никчемности, изоляцию, исчезновение социальных контактов» [14, р. 39–40]. В то же время редуцирование отношения к страданию до простой калькуляции его поверхностных – видимых – проявлений радикально упрощает реальную многогранность феномена и остается невнимательным к индивидуальным переживаниям людей. Не должны ли такие ситуации, когда невыносимое психологическое страдание Y как результат неизлечимого физического недуга X, приниматься достаточным для допустимости эвтаназии, оставляя прерогативу оценки в руках субъекта страдания? Если нет, то почему? Если да, то не следует ли из этого, что с чисто психологическими страданиями или «усталостью от жизни» следует поступать так же? Это крайне непростые вопросы, на которые важно отвечать – и отвечать по-разному, расширяя пространство дискурса. Майкл Брэди сделал важный шаг в этом направлении. Поэтому можно перевести его сослагательную риторику в утвердительную форму: завершая введение, философ отметил, что если его мысль станет отправной точкой для дальнейших исследований, то он посчитает это достижение достаточным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
2. Каримов А.Р. *Эпистемология добродетелей*. СПб.: Алетейя, 2019.
3. Платон. *Полное собрание сочинений в одном томе*. М.: Альфа-Пресс, 2017.
4. Сенека. *Нравственные письма к Луцилию*. М.: Эксмо, 2018.
5. Annas, J., 1993. *The morality of happiness*. New York: Oxford University Press.
6. Annas, J., 2011. *Intelligent virtue*. Oxford: Oxford University Press.
7. Austen, I., 2022. *Is choosing death too easy in Canada?* URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/18/world/canada/medically-assisted-death.html>

8. Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge.
9. Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of pain: unpleasantness, emotion, and deviance*. London; New York: Routledge.
10. Battaly, H., 2015. *Virtue*. Cambridge: Polity Press.
11. Brady, M., 2018. *Suffering and virtue*. Oxford: Oxford University Press.
12. Brooks, D., 2023. The outer limits of liberalism. What happens when a society takes individualism to its logical conclusion? URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2023/06/canada-legalized-medical-assisted-suicide-euthanasia-death-maid/673790/>
13. Greco, J., 1992. Virtue epistemology. In: Dancy, J. and Sosa, E. eds., 1992. *A companion to epistemology*. Oxford: Blackwell, pp. 520–522.
14. Haekens, A., 2021. Euthanasia for unbearable psychological suffering. In: Devos, T. ed., 2021. *Euthanasia: searching for the full story: experiences and insights of Belgian doctors and nurses*. Cham: Springer, pp. 39–47.
15. Hurka, T., 2001. *Virtue, vice, and value*. New York: Oxford University Press.
16. Jones, D.A., Gastmans, C. and Mackellar, C. eds., 2017. *Euthanasia and assisted suicide: lessons from Belgium*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Kauppinen, A., 2020. The world according to suffering. In: Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge, pp. 19–37.
18. Kymlicka, W., 1996. Moral philosophy and public policy: the case of new reproductive technologies. In: Sumner, L.W. and Boyle, J., 1996. *Philosophical perspectives on bioethics*. Toronto: University of Toronto Press, pp. 244–270.
19. Legality of euthanasia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Legality_of_euthanasia
20. Leknes, S. and Bastian, B., 2014. The benefits of pain. *Review of Philosophy and Psychology*, Vol. 5, pp. 57–70.
21. Moore, G.E., 1993. *Principia ethica*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. New medical assistance in dying legislation becomes law. URL: <https://www.canada.ca/en/department-justice/news/2021/03/new-medical-assistance-in-dying-legislation-becomes-law.html>
23. Nussbaum, M.C., 1988. Non-relational virtues: an Aristotelian approach. *Midwest Studies in Philosophy*, Vol. 13, no. 1, pp. 32–53.
24. Nys, H., 2017. A discussion of the legal rules on euthanasia in Belgium briefly compared with the rules in Luxembourg and the Netherlands. In: Jones, D.A., Gastmans, C. and Mackellar, C. eds., 2017. *Eu-thanasia and assisted suicide: lessons from Belgium*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 7–26.
25. Opinion no. 73 of 11 September 2017 on euthanasia in case of non-terminally ill patients, psychological suffering and psychiatric disorders. URL: https://www.health.belgium.be/sites/default/files/uploads/fields/fpshealth_theme_file/opinion_73_web.pdf
26. Sosa, E., 1991. *Knowledge in perspective: selected essays in epistemology*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Teroni, F., 2020. Valence, bodily (dis)pleasure, and emotion. In: Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge, pp. 103–123.
28. The role of the physician in the voluntary termination of life. URL: <https://www.consciencelaws.org/archive/documents/2011-08-30%20KNMG-position-paper.pdf>
29. «What could help me to die?» Doctors clash over euthanasia. URL: <https://www.statnews.com/2017/10/26/euthanasia-mental-illness/>
30. Zagzebski, L., 1996. *Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

1. Arendt, H., 2017. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The human condition]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)
2. Karimov, A., 2019. *Epistemologiya dobrodeteli* [Virtue epistemology]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
3. Plato, 2017. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moskva: Al'fa-Press. (in Russ.)
4. Seneca, 2018. *Navstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilius]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)
5. Annas, J., 1993. *The morality of happiness*. New York: Oxford University Press.
6. Annas, J., 2011. *Intelligent virtue*. Oxford: Oxford University Press.
7. Austen, I., 2022. Is choosing death too easy in Canada? URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/18/world/canada/medically-assisted-death.html>

8. Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge.
9. Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of pain: unpleasantness, emotion, and deviance*. London; New York: Routledge.
10. Battaly, H., 2015. *Virtue*. Cambridge: Polity Press.
11. Brady, M., 2018. *Suffering and virtue*. Oxford: Oxford University Press.
12. Brooks, D., 2023. The outer limits of liberalism. What happens when a society takes individualism to its logical conclusion? URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2023/06/canada-legalized-medical-assisted-suicide-euthanasia-death-maid/673790/>
13. Greco, J., 1992. Virtue epistemology. In: Dancy, J. and Sosa, E. eds., 1992. *A companion to epistemology*. Oxford: Blackwell, pp. 520–522.
14. Haekens, A., 2021. Euthanasia for unbearable psychological suffering. In: Devos, T. ed., 2021. *Euthanasia: searching for the full story: experiences and insights of Belgian doctors and nurses*. Cham: Springer, pp. 39–47.
15. Hurka, T., 2001. *Virtue, vice, and value*. New York: Oxford University Press.
16. Jones, D.A., Gastmans, C. and Mackellar, C. eds., 2017. *Euthanasia and assisted suicide: lessons from Belgium*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Kauppinen, A., 2020. The world according to suffering. In: Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge, pp. 19–37.
18. Kymlicka, W., 1996. Moral philosophy and public policy: the case of new reproductive technologies. In: Sumner, L.W. and Boyle, J., 1996. *Philosophical perspectives on bioethics*. Toronto: University of Toronto Press, pp. 244–270.
19. Legality of euthanasia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Legality_of_euthanasia
20. Leknes, S. and Bastian, B., 2014. The benefits of pain. *Review of Philosophy and Psychology*, Vol. 5, pp. 57–70.
21. Moore, G.E., 1993. *Principia ethica*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. New medical assistance in dying legislation becomes law. URL: <https://www.canada.ca/en/department-justice/news/2021/03/new-medical-assistance-in-dying-legislation-becomes-law.html>
23. Nussbaum, M.C., 1988. Non-relational virtues: an Aristotelian approach. *Midwest Studies in Philosophy*, Vol. 13, no. 1, pp. 32–53.
24. Nys, H., 2017. A discussion of the legal rules on euthanasia in Belgium briefly compared with the rules in Luxembourg and the Netherlands. In: Jones, D.A., Gastmans, C. and Mackellar, C. eds., 2017. *Euthanasia and assisted suicide: lessons from Belgium*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 7–26.
25. Opinion no. 73 of 11 September 2017 on euthanasia in case of non-terminally ill patients, psychological suffering and psychiatric disorders. URL: https://www.health.belgium.be/sites/default/files/uploads/fields/fpshealth_theme_file/opinion_73_web.pdf
26. Sosa, E., 1991. *Knowledge in perspective: selected essays in epistemology*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Teroni, F., 2020. Valence, bodily (dis)pleasure, and emotion. In: Bain, D., Brady, M. and Corns, J. eds., 2020. *Philosophy of suffering: metaphysics, value, and normativity*. London; New York: Routledge, pp. 103–123.
28. The role of the physician in the voluntary termination of life. URL: <https://www.consciencelaws.org/archive/documents/2011-08-30%20KNMG-position-paper.pdf>
29. «What could help me to die?» Doctors clash over euthanasia. URL: <https://www.statnews.com/2017/10/26/euthanasia-mental-illness/>
30. Zagzebski, L., 1996. *Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2024;
рекомендована к печати 24.06.2024*

